КРЕМНЕВ
Владимир Ефимович.

ЖИЗНЬ В ПЕРИОД ГОСПОДСТВА СТАЛИНЩИНЫ, БРЕЖНЕВЩИНЫ И В ПОСЛЕДУЮЩИЕ ГОДЫ.

1930 – 1989.

С начала того периода прошел уже не один десяток лет и многое уже забылось. Еще в те годы мне хотелось записать со всеми подробностями все события, но боязнь, что это может обнаружиться и мне несдобровать, заставила меня молчать. И вот теперь, в связи с гласностью, я решил записать хоть вкратце о происшедшем.

г. Томск. 22.06.89 г.

1930 – 1941 годы.

На Омский паровозновагонный ремонтный завод я поступил после окончания Томского технологического института в феврале 1930 года: сначала работал в должности мастера в механическом цехе. Я обратился в завком профсоюза к тов. Березовскому, чтобы мне поручили какую-нибудь общественную работу. Березовский воскликнул: «Первый раз слышу, чтобы инженер пришел просить общественную нагрузку! А вы займитесь проведением техники в массы». И вот я в цехе впервые организовал техническую учебу среди рабочих – технический минимум.

Работа мастером и преподавание техминимума рабочим подняло мой авторитет как молодого специалиста. В центральном журнале «Инженерный труд» была помещена фотография трех молодых ИТЭэровцев – Кремнева, Дергачева и Бызова с надписью – «Ударники инженерного труда». Меня это очень воодушевило.

Из этого цеха я был командирован в г. Муром на курсы по изучению японского метода ремонта паровозов.

Этот метод заключался в ускорении процесса ремонта, с улучшением качества, улучшением планирования, диспетчеризации и документации. Все, что я и мои товарищи /я возглавлял группу из 3-человек/ усвоили, мы путем проведения курсов по цехам, бригадам, внедрили у себя на производстве.

В цехе я занимался с рабочими по техминимуму и одновременно преподал в вечернем механическом техникуме при заводе.

В начале 30-х годов обедали прямо в цехе. В пролете между станками устанавливали столы. Суп приносили в бачках и разливали по тарелкам. А потом организовали отдельную столовую Нарпита, там обедали и посторонние посетители. На тарелках была надпись «украдено в Нарпите». А когда я ездил в Москву в 1933 году, будучи председателем научного инженерно-технического общества на заводе, на 1-й Всесоюзный съезд этого общества железно- дорожного транспорта, то в буфете была надпись: «просьба из буфета посуду не выносить. Замеченные будут штрафоваться». Вот так было. У меня сохранилась такая фотография.

Из цеха я затем был переведен в отдел рационализации, где руководил группой механических цехов, затем бюро рационализации и изобретательства, и, наконец, начальником отдела рационализации.

Работа в отделе рационализации и особенно руководство БРИЗом очень много дала мне в ознакомлении со всем производством завода и особенно с людьми, с коллективом завода. Я был в курсе всех производственных процессов. Мне было легко направлять мысль рационализаторов на узкие места в технологических процессах. Помогала мне в работе заводская многотиражка «Рудзутаковец» / наш завод тогда носил звание «имени Рудзутака».

Однажды я был командирован в Москву на кратковременные курсы по изучению нового введения на железнодорожном транспорте автоматической сцепки вагонов взамен ручной.

Я привез с курсов соответствующие инструкции, чертежи, сам лично ознакомился с переходом на автосцепку, и на нашем заводе это новшество было внедрено.

Во время руководства БРИЗом я объявлял в газете темники для подачи рацпредложений. Проводил конкурсы на лучшие рацпредложения, за которые премировал. В моем ведении был экспериментальный цех, с помощью которого мне удавалось быстро изготовлять и внедрять в производство рацпредложения.

С ликвидацией отдела рационализации директор завода Николаев Л.А. предложил мне поработать в колесном цехе. Цех нуждался в налаживании правильной технологии и нужно было освоить три специальных установленных импортных станков: немецкий «Шмальц» по расточке бандажей, «Гегенщайт» - по обточке бандажей паровозных

колесных пар, и итальянский «Черутти» - по обточке и шлифовке шеек колесных вагонных пар.

Шла первая половина тридцатых годов. Наша страна испытывала большие трудности. Прошедшая первая империалистическая война, гражданская война, ослабили нашу страну в материальном отношении. Железнодорожный транспорт работал на износ, участились аварии, крушения, из-за поломки колесных пар, поэтому требовал обновления, а наши русские заводы далеко не обеспечивали бандажами, центрами и осями, мало еще давали продукции. Под старые бандажи, еще не достигшие предельного износа, подкладывали прокладки из листового железа для натяга, которые в пути ослабевали, оси ломались по трещинам усталости металла. Из Кузнецкого металлургического комбината стали поступать болванки для вагонных колесных пар. Имеющийся один токарный станок не обеспечивал замену осей. Я неподвижные центры станка установил на вращающиеся упорные и рациональные шариковые подшипники. Увеличилась скорость резания и производительность станка значительно возросла. За это я был премирован.

Появился электромагнитный прибор для обнаружения трещин усталости в шейках осей вагонных колесных пар. Недалеко от Омска на одном разъезде было большое железнодорожное крушение. Поломалась ось. Колесная пара была выпущена из ремонта Омским вагонным депо. Предъявлялось обвинение мастеру, выпустившему из ремонта эту пару. Была назначена техническая экспортная комиссия. Я был председателем, Члены комиссии: зам. начальника вагонной службы инженер Коваленко, нач. колесного цеха депо инженер Мельников и ревизор инженер Смирнов.

Увидев, что ось поломалась по трещине усталости металла, расположенной под ступицей с внутренней стороны, которую обнаружить было невозможно, я составил соответствующий акт в невиновности мастера. Коваленко и Мельников акт подписали, а Смирнов – нет, он написал другой акт, мне неизвестный.

Состоялось расширенное совещание у начальника Омской жел. дороги по рассмотрению данного вопроса. Я сделал доклад и сообщил, что мастер в этом происшествии не виноват, т.к. колесная ось от длительной эксплуатации получила трещину усталости, которую при существующих технических условиях обнаружить нельзя. Вслед за мной выступил работник НКВД со шпалами в петлицах и заявил, что председатель Кремнев поступил неправильно, неверно подошел к рассмотрению этого вопроса. «Вот у меня есть заключение инженера Смирнова, он ясно пишет, что в этом цехе нарушаются технические условия, в цехе беспорядок, всюду грязь, валяются пакля с мусором и т.д. Отсюда и брак в выпущенной из ремонта колесных пар».

Я еще раз взял слово и сказал: «Перед комиссией ставился вопрос – виновен ли мастер, выпустивший эту колесную пару из ремонта, а не общую обстановку в цехе. Здесь нас находится на совещании 20 человек, и ни один не укажет, как можно было обнаружить эту трещину. А если так, то как можно обвинять мастера». Меня отставили от участия в комиссии – назначили председателем другого товарища при прежнем составе комиссии. Я хорошо был знаком с инженерами Коваленко и Мельниковым и после совещания сказал им – «Неужели вы, видя, что мастер не виноват в выпуске этой колесной пары с трещиной усталости, напишите, что виноват». В следующие дни я увидел их и спросил, как составили акт. Они ответили, что так же, как и при мне. Тут справедливость восторжествовала. Но через некоторое время до меня дошли сведения, что за это крушения признали виноватым начальника разъезда, на участке которого произошло крушение. Нашли зазор в станках рельсов больше допустимого, в результате был толчок и ось сломалась. Его осудили на 10 лет, а того не понимали или не хотели понимать, что поломка была неизбежна и только в пути с нагруженным вагоном. Делалось так – лишь бы сказать - «виновник найден и наказан».

Директора завода Николаева арестовали как «врага народа» /это бывший-то красный партизан/. На его место заступил новый на заводе человек – инженер Вильямов Иван Адамович. Человек энергичный, знающий дело, решительный, по характеру

вспыльчивый, но умеющий вовремя себя сдержать и переходить на деловой тон в разговоре.

Я усиленно работал над технологией колесного цеха. В то время еще не было напайных пластинок твердого сплава. Режущий инструмент изготовлялся из быстрорежущей стали. При обработке бандажей новых, с твердой коркой, или еще тверже, старых, бывших в пробеге с накатанной поверхностью, не допускали увеличивать скорость резания на станках и производительность была очень низкая. Я стал добиваться увеличения твердости резцов путем выработки такого режима закалки и отпуска, чтобы они были твердые и не хрупкие, т.е. в требуемой степени вязкие. Путем многочисленных проб, я, совместно с рабочими-термистами инструментального цеха, довел твердость резцов от 52 по Роквеллу до 62. это было мое большое достижение. Значительно повысилась производительность станков. Мной был внедрен прибор по определению температуры нагрева бандажей при насадке – контактный пирометр. Это очень облагородило процесс насадки бандажей.

В это время я вел индивидуальную работу с рабочими, работающими на импортных станках. На немецком станке «Гегенштайт» довели производительность, приближающейся к немецкой норме. Это на нашем заводе был наилучший показатель во всей системе НКПС. Получили коробку пластин твердого сплава «победит». Это были первые ласточки, первый выпуск. Никто меня не предупреждал и ничего не предлагал, но я очень обрадовался им и по своей инициативе провел исследовательскую работу. Каждый резец с напаянной на стержень пластиной я заномеровал и стал наблюдать, как они ведут себя на работе. Записывал скорость резания, глубину и подачу стружек, обрабатываемый материал, углы заточки, когда резец затупляется или выкрашивается и совсем выходит из строя. На каждую пластинку получилась своя история. Я установил, что режущая кромка резца из этого первого сплава победита, как его называли «нормальный», разрушалась при выходе из резания при автоматической подаче, и сохранялась при ручной подаче.

Этот существенный недостаток сплава я отразил в своих записях результатов исследований. Так и лежали у меня эти записи, никто ими не интересовался. Примерно через полгода, вероятно по запросу из центра, приходит из техотдела сотрудник и спрашивает, что мы можем сказать о переданных нам пластинках. Вот, оказывается, пригодились мои исследования. Я отдал им этот журнал, и они отправили его в Москву. После этого я не знал судьбу моих исследований.

Впоследствии пошли твердосплавные пластинки с применением вольфрама, кобальта, титана, ванадия, и того дефекта, который я раньше обнаружил, в сплавах уже не было. Может быть, помогли и мои исследования.

Занятия в школе мастеров я закончил и мне предложили специальный курс лекций – «теория резания металлов и конструкции металлообрабатывающих станков» студентам 4-го курса механического техникума на заводе. Это было в январе 1935 года. Программа 220 часов. В мае месяце уже будет защита дипломных проектов. Думаю, времени осталось мало. Программа большая. Одна группа студентов. Для меня очень большая нагрузка. Спрашиваю – почему так поздно назначают специальный курс? «Так получилось», говорят. Что ж, специальность моя. Надо поработать. Дал согласие. И вот ко мне в цехе подходит один товарищ и говорит, что их группа просила завуча техникума, Ивана Семеновича Ершова, подыскать еще кандидатов преподавателей, если я не справлюсь.

В библиотеке, где я брал справочную техническую литературу, библиотекарь, мать одного из этих студентов, спрашивает меня:

- Вы хотите преподавать в этой группе?

- Да.

- О, это очень сильная группа, они уже трех преподавателей забраковали. Если вы с ними справитесь, можете быть профессором.

- Постараюсь справиться, - говорю. Тогда я узнал, кто из преподавателей их не удовлетворил. Первый – хороший инженер, производственник – Тупицын Владимир – не имел преподавательского опыта. Второй – хороший педагог, сам завуч техникума, Ершов И.С. – не той специальность. Третьего не знаю, он был приглашен не с нашего завода. С преподавателями для меня ясно. Что же из себя представляют слушатели? Это мальчики 17-18 лет. У них нет еще ни производственного опыта, ни теоретических знаний. Откуда же эта «сила»?

На первой лекции, не прошло и 5 минут, подымает руку студент Короба, симпатичный парень: «Вопрос можно?» - «Пожалуйста». Вот он начинает что-то спрашивать, я понял, что ему надо и говорю – «Через 3 месяца вы будете техником 1-го разряда, а техническую мысль вы не можете изложить, как же вы будете изъясняться с рабочими? Вы хотели спросить вот то-то, так надо было сказать все так-то. Но этот вопрос у нас будет разбираться примерно через 5 занятий». Короба смутился и сел. Я продолжил лекцию и на доске зарисовывал схемы и писал формулы. Попросил их записывать все в конспекты.

Подымает руку второй студент. Снова вопрос. Я говорю – «Это будет впереди». Тут же я понял, что они каждого преподавателя отвлекают вопросами от основной темы программы и затягивают время.

Я им говорю – «В конце занятий я вам оставлю время на вопросы 5 минут и только по прорабатываемой теме, ничуть не забегая вперед». Сам после записи на доске иду по партам и смотрю, кто и как записывает и зарисовывает. Вижу – этот хорошо записывает, этот тоже, а останавливаюсь у того, который не успевает или у него плохо получается, я сяду с ним рядом и помогу. И так каждое занятие. В результате я узнал каждого, кто что может. Через 5-6 занятий мне завуч сообщает:

- Из вашей группы была сегодня делегация.

- Что же вам говорили?

- Нам преподавателя больше не ищите, тов. Кремнев нас устраивает.

- Не беспокойтесь, Иван Семенович, я уже всех их знаю и они меня поняли, - успешно прошел с ними весь курс и они на память подарили мне групповой фотоснимок.

Потом, через несколько десятков лет, я встречусь с некоторыми из этой группы, но уже я и они – в качестве пенсионеров. Но это будет еще впереди.

Директор завода, видимо, оценив мою работу, и в виде поощрения, дал мне месячную научную командировку - побывать на 4-х заводах – Уфимском, Мичуринском, Воронежском и Днепропетровском, посмотреть, как они работают. Никаких конкретных заданий мне не давалось, только сказали – если я где-нибудь увижу установку для приготовления газированной воды, чтобы я с этим процессом познакомился. Ну что ж думаю, мне этот один вопрос, ведь за месяц я сколько вопросов могу охватить. И я, зная хорошо наше производство, сам себе написал задание, т.е. наметил 50 вопросов производственных процессов, где по моему мнению, требуются улучшения.

На каждом заводе я прошелся по всем вопросам и записывал, где, что и как делается. Где можно доставал чертежи, а где нет – сам делал зарисовки и записывал себе. Вечером в общежитии я весь материал обрабатывал и записывал начисто. И так день за днем я провел все дни командировки. Кроме общежития и цехов я ничего в городах не видел, так как не пришлось гулять по ним.

В Днепропетровске я увидел, как производят газированную воду. Достал несколько чертежей, в частности на сатуратор, а остальные все процессы описал сам. Записал схему расположения оборудования, и меня получился полный комплект данных для устройства на нашем заводе этой установки.

По возвращению на свой завод я решил все чертежи, схемы, описания снова у себя на квартире дома привести в соответствующий порядок. Это по своей инициативе, с меня никто не требовал никакого отчета. На все 50 вопросов, на всех заводах, я дал точное описание и свое заключение, что можно и необходимо применить. Получился солидный

материл. Из всех 50 вопросов я предложил у себя внедрить 26. Передал этот материал начальнику цеха тов. Мачульскому Л.И., а он вручил директору завода тов. Вильямову. Впоследствии, директор очень одобрительно заявил: «Это же научный труд». И по каждому вопросу он на полях журнала делал отметки примерно такого содержания: «это внедрить немедленно», «это очень хорошо», или «это не годится».

Пока я работал в колесном цехе, было внедрено на нашем производстве из предложенных мною 13 предложений, давших заводу большую экономию и улучшивших условия работы. В том числе рабочие завода стали пить газированную воду. Никакой премии ха эти предложения я не получил и не просил. Я считал, что это мой долг, за это я и работаю.

В Омске был открыт филиал Томского института железнодорожного транспорта. Мне предложили прочитать в нем курс лекций – «теоретические основы металлорезания и конструкции металлообрабатывающих станков и приспособлений». Это, почетное для меня предложение, я с честью выполнил и был членом государственной комиссии при защите дипломных проектов студентами филиала.

Председателем государственной комиссии от Томского института был Иванов Василий Васильевич…

Раньше, еще до убийства С.М. Кирова, были аресты руководящих работников, но особенно усилились репрессии после этого убийства.

Колесный цех работал очень напряженно. Арии и крушения на транспорте были не редкие. Вот и появился приказ Кагановича – начальника колесного цеха паровозоремонтного Омского завода как вредителя отдать под суд за плохое качество продукции. В чем конкретно выражалась эта мотивировка, я не знаю. Но приказ Кагановича – это все. Быстро его арестовали и состоялся суд. Хотя и свидетели на суде отрицали вредительство начальника цеха Мачульского, но что значили эти отрицания, если есть приказ Кагановича. Суд присудил Мачульского Л.И. к 10 годам заключения в лагерях, а заместителя его Перебейнос Григория Макаровича к 3-м годам ИТЛ, а мастера /фамилию уже смутно припоминаю, кажется, Черняков/ тоже к 3-и годам. Таким образом, остался цех почти без руководства.

Через несколько дней, когда я был в приемной директора, мне секретарь директора, Мария Тимофеевна, говорит:

- Владимир Ефимович, скажите спасибо Ивану Адамовичу.

- За что же спасибо?

- Вчера приходили из НКВД вас забирать, а он отстоял, говорит: «Нельзя его убирать, на нем одном сейчас держится цех». – Так что судьба меня еще с 1935 года пощадила.

Шла усиленная реконструкция завода. Строился новый локомотивный комбинат, где размещаются паровозосборочный цех, механопригоночный, арматурный, электросварочный, паровозоколесный и контора. Паровозоколесный цех комплектовался по моему проекту. В нем устанавливались станки импортные – немецкий фильм «Шмальц», итальянский «Черутти», английский «Кревен», японский «Газуденки», а в механопригоночном французские «Бертье».

В 1936 г. директора завода Вильямова И.А. арестовали как врага народа. Заступил новый директор Ефремов Алексей Федорович.

Работая в колесном цехе в течении 2-х лет, где главное мое внимание уделялось резанию металлов, я подобрал около 100 образцов разного типа стружек – тут и сливные, и скалывания и надлома с какими-то причудливыми усиками. Образец с этими усиками я отправил декану механического факультета технологического института г.Томска и спрашивал, почему образуются такие усики. Потом я уже сам все уяснил. Получился у меня очень богатый материал. Это наглядное пособие для института при кафедре холодной обработки металлов. К каждому образцу стружки я прикрепил карточку, где указан материал резца, углы резания, глубина, подача стружки и цвет побежалости, т.е.

температура, до которой нагревалась режущая кромка резца. По этой стружке можно было представить весь процесс резания.

Квартира моя состояла из одной комнаты. Семья – 4 человека, и так тесно, а тут стружки занимают целый угол. Жена мне предложила убрать их. Я предложил их в технический кабинет Омского ж/ж дома культуры им. Лобкова. С большой благодарностью они приняли от меня этот подарок. Поместили эти стружки на большую доску с надписью – «От инженера Кремнева». Потом я узнал, что были люди из Красноярска, давали 400 руб. за этот стенд, но омичи не отдали.

Техническим директором завода был Чистаховский Федор Федорович. Он предложил мне возглавить колесный цех. Я не согласился. Мне не подходит административная работа. Постоянное преподавание то рабочим, то школьникам, мастерам, студентам, техникам параллельно с работой на производстве выработало у меня склонность к педагогической работе. И у меня уже наметился определенный путь. Набраться больше производственного опыта, по пути повышая и сам технические знания, потом перейти на постоянную педагогическую работу. Мне стало нравиться преподавание и слушатели меня ценили и уважали.

В бытность мою председателем бюро ИТС, еще до Лысова, секретарем парткома был т. Таран. Вот он однажды вызвал меня и спрашивает:

- Как у тебя, Кремнев, обстоят дела с арестованными ИТР?

- Я не знаю, т. Таран, что с ними делать.

- Их надо исключить из секции.

- Так как же я их исключу, если не знаю, за что взяли. Может быть, разберутся и освободят.

- Нет, надо исключить как репрессированных врагов народа.

- Так какие же это враги. Они здесь выросли и работали всю жизнь, и их дети уже здесь работают.

- Надо исключить.

- Ну, хорошо, я сделаю так – напишу – исключить как репрессированных врагов народа человека 3-4, а всех перечислять не буду, неудобно даже, на одном заводе много человек – врагов народа, а карточки переложу.

- Ну, так и сделай. – Я так и поступил. Не прошло и трех недель – убрали самого Тарана как врага народа.

В колесный цех назначен новый начальник. Меня вызывает к себе директор завода Ефремов и говорит:

- Вот у вас уже оборудован новый паровозоколесный цех в локомотивном комбинате. Установлены новые импортные и отечественные станки, установлен мостовой кран. Теперь надо цех пустить в действие, укомплектовать рабочими, подучить их работать на иностранных станках и чтобы новый цех заработал, - предлагает мне взяться за это ответственное дело.

Я говорю:

- Это интересная и серьезная работа, я согласен взяться за нее, но только с таким условием, что после пуска нового цеха, начальником его я не останусь. Дайте мне помощника, которого я буду готовить себе на смену.

Директор дал согласие. Правда, это условие не оформляется никакими документами.

Я вот я на новой работе. Прежде всего, я иностранные инструкции к станкам заменил своими, т.к. они были написаны на немецком, французском и английском языках. Подобрал рабочих, часть из старого цеха. Занимался с каждым индивидуально. У каждого станка был приложен комплект резцов, которыми и начали работать. Главному инженеру Чистаховскому я заявил, что надо приступить к изготовлению своих резцов по приложенным образцам, которые сохранить как эталоны. «Все в свое время будет сделано» - сказал главный… Снова и снова напоминаю ему об этом. Но вижу, что время идет, образцовые резцы изнашиваются, а мы своих не делаем. Я тогда пишу статью в

газету «Омская правда», где освещаю волнующий меня вопрос. Там я остро, без всяких сглаживаний говорю, что на мои неоднократные обращения т.Чистаховский никаких мер не принимает.

После появления моей статьи, он приходит в цех и восклицает:

- Э! Я думал, кто это пишет. А это, оказывается, Кремнев пишет.

- Федор Федорович, я много раз с вами говорил, но инструмент все таки не делается.

На следующий день в цехе появился работник техотдела, начал готовить чертежи резцов. Был дан заказ инструментальному цеху. Дело сдвинулось с мертвой точки. Ну, думаю, дело пошло, теперь уже не остановишь.

Пошел уже 1937 год. И вот, однажды, меня вызывают в областное НКВД. Являюсь в кабинет, где сидит полный человек со «шпалами» в петлицах.

- Садитесь, - сел. Первый грубый вопрос:

- Кто отвечает за пуск нового паровозоколесного цеха?

- Я, - отвечаю.

- Так отвечай! – крикнул он.

- В чем дело? – спрашиваю.

- Почему не используется мощность станков?

- Потому что не изготовлены еще свои резцы.

- А почему не изготовлены?

- Я много раз говорил главному инженеру, но этот вопрос долго не продвигался.

- Надо делать, а не говорить.

- Я не только говорил, но и писал в «Омской правде».

- Писал? Есть статья?

- Есть дома.

- Принеси мне ее завтра.

Я привез. Он ее начал читать и подчеркивать красным карандашом. А потом сказал: «Вы свободны, поезжайте домой». Второй судьба пощадила меня.

В этом новом цехе, при проектировании его, я предусмотрел поставить токарно-винторезный станок, так называемый, «ДИП» завода «Красный пролетарий» для обработки новых осей вагонных колесных пар. Это в дополнение мощности к станку, работающему в старом цехе. По техническим условиям в шейках не допускаются предельные и поперечные плены и волосовины. Но как их обнаружить? Рабочий заинтересован обточить, отполировать – и плати деньги. Я же могу подойти, бегло заглянуть, а рабочий внимательно осматривается не будет. Поэтому я предложил директору заводе премировать рабочего за обнаружение этих дефектов. Директор согласился, и я объявил рабочим приказ, где говорится, что рабочему объявляется денежная премия 25 руб. за обнаружение брака.

Назавтра эти токари пришли уже с лупами и после каждой стружки вращают болванку и через лупу смотрят. При обнаружении плен и волосовин, зовут меня. Я через лупу смотрю. Да, плены есть. Токарям премия, а болванку в кучу бракованных. И вот накопилось у меня около сотни таких болванок. Однажды, проходя мимо, гл. инженер Чистаховский спрашивает меня:

- Это что за болванки?

- Это брак из-за наличия плен в шейках.

- Хе, вы все молекулы отыскиваете. Пустить их все на формирование колпар.

- Нельзя, Федор Федорович, это делать. Надо предъявить Кузнецкому металлургическому комбинату рекламацию и они нам вышлют взамен брака другие. У них еще не достаточно организована технология и они это знают, а эти болванки можно употребить на неответственные поковки.

- Никаких разговоров, пустите их в работу, - И ушел, не стал со мной разговаривать.

У меня уже было подготовлено два мастера – Рычков Иннокентий Николаевич и Зубарем. Поясняю им, какое распоряжение дал Чистаховский.

- А как же это можно, это же брак, - говорят они.

- Да, но приказ есть приказ, а выполнять-то его нельзя. Поэтому напишу докладную на имя главного, перечислю в ней все номера болванок, укажу имеющиеся на них дефекты и спрошу его, как с ними поступать. Вы, я думаю, согласитесь со мной так же подписать эту докладную.

- Конечно подпишем, - так и сделали.

В тот же день Чистаховский прибежал в цех и с криком набросился на меня:

- Почему вы трое написали. Я вам группировку пришью. Один мне напиши докладную.

- Хорошо, я напишу от имени одного, но характер докладной от этого не изменится, т.к. докладную писал я, а эти мастера были со мной солидарны и подписали.

Написал я ему вторую докладную. Я знал и был уверен, что официально он не напишет пустить эти болванки на формирование. Вот почему он, придя в цех, набросился на меня еще более, чем в прошлый раз.

- Знаешь ли ты, что я с тобой сделаю. Я буду с тебя шкуру драть, кровь пускать. – Отвечать на грубость грубостью я не желал, но понял, что работать мне при его «техническом» руководстве нельзя. Тем более, что была уже с ним стычка, когда я не согласился быть начальником старого колесного цеха. Он тогда еще за этот отказ и не выполнение приказа о назначении начальником цеха предложил мне написать заявление об увольнении, что я и сделал. Директор не допустил расправы со мной, а, напротив, доверил мне пуск нового паровозоколесного цеха. Теперь же, не допуская кровопускания, я написала директору завода заявление об увольнении, в котором я откровенно изложил истинные причины. Директор побеседовал со мной и сказал, что уже сказал главному инженеру, чтобы он не мешал мне в освоении нового цеха: «Работайте спокойно».

Начали поступать из инструментального цеха резцы нашего изготовления. Цех рабочими укомплектован, начали работать в 2 смены.

Мастера и рабочие все вошли в курс дела. Цех из пускового периода перешел в период нормальной эксплуатации. Освоение и пуск нового цеха с импортным оборудованием было большим событием для завода. Чтобы отметить это событие собрались в цехе: представитель заводоуправления инженер Головач Георгий Георгиевич и корреспондент ТАСС с фотоаппаратом. Собрались уже все рабочие и ждали еще одного рабочего, Нигородова Александра Ивановича, работающего на станке «Черутти».

И вдруг услышали треск – Нигородов повредил суппорт. У всех упало настроение и не стали фотографироваться. Через два дня эту поломку устранили, но отметить торжественный момент не удалось.

Главного инженера Чистаховского арестовали за злоупотребление служебным положением. Директора Ефремова арестовали и судили как врага народа. Начальником нового паровозоколесного цеха был назначен Зеленский Федор Максимович. Моя работа по освоению импортного оборудования и пуску цеха закончилась. И в 1937 году я был назначен руководителем технической группы в новый механопригоночный цех в локомотивный комбинат. Его именовали тогда «Механический цех №1».

Снова встреча с освоением новых наших отечественных и импортных французских токарно-карусельных фирмы «Бертье» и немецких шлифовальных для внутренних отверстий фирмы «Шмальц». Начальником цеха был Виллам Владимир, опытный рабочий, прекрасный организатор и руководитель.

Однажды мне один человек, я вспомнил его еще по старому механическому цеху №2, как подсобного рабочего, передает мне пакет с надписью «лично, секретно т. Кремневу В.Е.», а сам сразу ушел. Это было в 11 часов дня. Пишет нормировщик моей технической группы Огородников. Письмо писано вчерашним числом. В этом письме он пишет разные выдуманные антисоветские измышления на начальника цеха Виллама Владимира. Предлагает мне передать это письмо в НКВД. Если я не передам, то буду в этой же «каше». Против вас, пишет он, я ничего не имею. В конце письма: «Завтра, /т.е.

сегодня/ в 10 часов утра я в бане Дома отдыха застрелюсь. Винтовка №…». Я очень забеспокоился. Письмо я получил в 11 часов, следовательно не мог предотвратить это событие. Но это надо подтвердить. Быстро иду в цех, где работал этот рабочий. На мой вопрос мне сказали, что это Минаев, он работает на фрезерном станке. Нахожу его и спрашиваю:

- Тов. Минаев, вы пакет мне вручили в 11 часов?

Он подтверждает:

-Да, в 11 часов.

-Прошу об этом не забыть.

- Хорошо, я об этом помню.

Немедленно позвонил в Дом отдыха и узнал, что уже стрелялся, но остался жив, его увезли в железнодорожную больницу. Я позвонил в больницу, мне ответили, что ему сделали операцию, он жив. Ну, думаю, надо показать письмо Вилламу. Виллам прочитал и сказал: «Ведь это все на мою голову. Спасибо тебе, Володя, что поставил меня в известность. Я чувствую, что надо мной нависла гроза. Меня заберут». Письмо я передал секретарю парткома. Техник то мой. Я пошел в больницу проведать его. Может быть чем-то помочь. Спрашиваю:

- Огородникова можно повидать?

- К нему нельзя, у него дежурит сотрудник НКВД.

- Ах, вот как.

Ну, думаю, в таком случае мне здесь делать нечего. Я больше к нему не пытался приходить и он через неделю в больнице скончался. В последствии Виллам был арестован как враг народа и исчез бесследно.

После Ефремова сменилось еще 2 директора – Другак Иван Васильевич и Ильинский – оба были тоже арестованы органами НКВД как враги народа. По несколько раз сменялись из-за репрессий почти все начальники цехов – кузнечного, литейного, механического, паровозосборочного, вагонных – пассажирского и товарного, электросварочного, инструментального, мастера и много рабочих.

Однажды было собрание ИТР завода. Помню, все собравшиеся были в плохом настроении. Выступил секретарь парторганизации сборочного цеха, Макаров: «Вот, товарищи, вчера арестовали начальника паровозосборочного цеха Иваненко Самуила Ивановича, он разоблачен как враг народа. Надо сильнее взяться за устранение их из наших рядов. Я уже 5 человек разоблачил как врагов народа. Вот здесь сидят некоторые. Сегодня они товарищи, а завтра будут разоблаченные враги народа. Будем бдительны, товарищи».

Надо только понять, какое было душевное состояние у всех присутствовавших.

Завершил я паспортизацию оборудования, закрепил детали за стенками, соблюдая по возможности поточность движения. Разработал технически обоснованные, расчетные нормы выработки. Я снова занимался технической учебой с рабочими. Лучший опыт рабочих и мастеров я обобщал, делал достоянием всего коллектива. Например, мастер Вищняков(19) под моим руководством проводил занятия с другими мастерами по улучшенному методу внутрисменного планирования, а сверловщик Моргачев Константин Петрович передавал свой опыт рабочим по организации рабочего места и внедренных в производство своих рацпредложений. По его работе я написал брошюру, направил в Москву в Трансжелдоиздат, и вышла в свет научно-популярная книжка с его подписью. Так первый рабочий нашего завода стал автором книжки. На заводе это был первый случай.

В цехе были установлены французские токарно-карусельные станки «Бертье». Примерно через год их эксплуатации у одного из них вышла из строя трехзвенная цепь «Галля» с шагом полдюйма. Сделали запрос в Москву. Последовал ответ, что таких цепей у нас в Союзе не изготовляют. Главный механик завода применил ременную передачу с натяжным роликом. Не пошло.

Дали заказ инструментальному цеху изготовить своими силами цепь. Поручили это дело старейшему слесарю-инструментальщику высшей квалификации т. Шабунас. Пока делали штампы, шлифовали детали подгоняли, затратили много средств и времени, а все же цепь не пошла – было не точное изготовление. Тем временем у 2-х станков так же вышли из строя цепи «Галля». Появилась задержка в производстве на операциях данных станков. Переписка с Москвой велась, но цепей не было. Некоторые организации начали интересоваться, а нет ли здесь какого злого умысла. Год пошел 1938. трудный был год.

И вот однажды, поздно вечером, занимаясь дома подготовкой к техническим занятиям на завтрашний день, а я, как правило, к каждому занятию готовился, находил что-нибудь новое и дополнял. И тут в новой книге я прочел только две строчки, что при небольших расстояниях в передачах хорошо применять клиноременную передачу. В литературе такая передача уже встречалась мне, а у нас на заводе еще не применялась. Ведь это, наверное, применить на станках «Бертье», подумал я. Утром я пошел не склад. Оказалась небольшая партия таких ремешков. Быстро снял размеры у станка, сделал эскизные наброски двух шкивов и дел цеховому механику Захарову для заказа в литейный цех, на отливку шкивов срочно. Через 4 дня станок был пущен в ход, а затем и два других. Не занимался бы я литературой, кто знает, сколько было бы потеряно времени, а какие непредвиденные неприятности мог получить главный механик завода. БРИЗ завода за это рацпредложение меня премировал.

На наш завод приезжали студенты иногородних ВУЗов для прохождения производственной практики. Мне приходилось руководить их практикой. Затем я руководил целой группой студентов Томского электромеханического транспортного института. За эту работу я получил от института очень хороший отзыв. Студенты подарили мне на память групповую фотографию.

В 1940 году отделом подготовки кадров, где начальником был наш заводской инженер Суханов Сергей Климентьевич /впоследствии репрессирован/, была организована школа по подготовке мастеров социалистического труда. Начальником школы был Дощечкин Петр Ильич. Я преподавал в ней технологию металлов. Там же преподавал свой заводской инженер Стекольщиков Федор Федорович и другие. Часть из выпускников этой школы я наблюдал в работе в механическом цехе № 1 и 2. Фотография этой группы выпускников у меня есть.

После ареста Виллама, начальником цеха №1 стал Алексеев Степан Васильевич.

Работая еще в старом колесном цехе, я на общем собрании ИТР абсолютным большинство голосов был избран в новый состав бюро ИТС – инженерно-технической секции. Тогда при профсоюзах были отдельные секции ИТР. На первом заседании бюро меня избрали председателем бюро. До меня почему-то бюро ИТС распускались по мотивам неработоспособности. На своем бюро мы разработали план работы. Я его согласовал с партийным комитетом и завкомом профсоюза. Всех ИТР закрепил по цехам и через них начал проводить все мероприятия. У меня есть фотография общезаводского собрания ИТР. Я на нм председателем был, выступал директор завода Николаев Лазарь Антонович /впоследствии репрессирован как враг народа/. Пишет протокол секретарь Торговкин, вдали с правой стороны сидел Зазворко Валерий Иосифович. Это любительский снимок инженера Волкова Владимира Петровича. Снимок хотя и не важный, но памятный.

Перед праздниками, чтобы помочь заводу, мы силами ИТР выпускали из ремонта паровозы. Тогда каждый инженерно-технический работник отрабатывал непосредственно на ремонте определенное количество часов. Мы горячо отзывались на призывы партии и правительства о распространении внутреннего государственного займа развития народного хозяйства. Все НТРЭЭРовцы, как один, меньше полуторамесячного оклада не подписывались. ИТРовцы большую роль играли в распространении советской печати, сами подписывались и помогали рабочим. Помогали в оформлении лозунгов, транспарантов и проведении демонстраций в торжественные и праздничные дни.

ИТРовцы преподавали в цехах рабочим техминимум, в ФЗУ, в техникумах. Хороший был коллектив, дружный, сплоченный. За год мы много проделали для завода как по производственной, так и по общественной линии. Настал период отчета бюро на общем собрании ИТР. Мне тогда секретарь парткома, Лысов Павел Иванович, сказал: «Ну, Кремнев, тебе есть чем отчитаться».

Мною был подготовлен отчет, но случилось то, что и должно было быть. Был последний год существования ИТС как отдельной секции, скоро они были влиты в общий профсоюз. Это было в 1935 году, так что отчитываться мне не пришлось.

Руководство завода, стремясь улучшить работу по организации производства и технологических процессов, постоянно направляло в цеха инженеров и техников на должности мастеров, помощников начальников цеха и начальников цеха. Работая уже много лет в цехах, я особенно чувствовал, как это было важно. Нужно поднимать техническую культуру. Технически грамотно, осмысленно проводить производственные процессы. Своих заводских инженеров и техников не хватало. Принимались со стороны и направляли в цеха. Но они в цехах не закреплялись. Часто уходили с завода.

Мне было просто жаль, что технически грамотные люди уходили от нас. И вот я обратил внимание, что со стороны отдельных товарищей проявляется не совсем тактичное, я бы сказал, даже грубое отношение к молодым специалистам, а это, конечно, влияло на их уход. Примеров было достаточно для того, чтобы обратить внимание общественности на это. Я написал статью в газету «Омский железнодорожник» о бережном отношении к молодым специалистам. В ней я обосновал причину утечки и привел примеры неправильного к ним отношения, назвал конкретных людей. Партком завода поддержал меня в этом вопросе и сделал соответствующие внушение указанным в статье товарищам. После этого случая плохого отношения к молодым специалистам не наблюдалось. Опять-таки, гласность в печати помогла.

За последние годы, с 1930 и вплоть до 1940, очень много сменилось на заводе руководящих технических кадров, начиная от директора завода Шульце Е.В., Николаева Л.А., Вильямова И.А., Ефремова А.Ф., Ильина, Другак И.В., начальники цехов: кузнечного – Ярошевич, Колесов; котельного – Титов, Некряченко, сборочного – Пархоменко, Иваненко С.И., Зеленский Ф.М., механического – Зеленова В.Н., Кржевинский, Виллам и много-много других. А сколько было хорошихинженеров и техников из цехов и отделов заводоуправления, лишились многих мастеров, хороших кадровых рабочих. Шли годы сталинских репрессий. Все это не могло не отразиться на работе нашего коллектива. Нарушился сложившийся ритм. Не стало хватать то материалов, то инструмента, запасных частей, нарушился нормальный ход работы. Завод не стал выполнять план. Я в это время работал в механо-перегоночном цехе. У нас вышли все шлифовальные круги, нечем стало расшлифовывать детали кулинского движения и много других деталей.

С приходом к руководству директора Черемухина Н.Г., как-то приостановилась утечка кадров. Это уже было перед самой Отечественной войной, или в начале ее. Меня командировали на Челябинский абразивный завод за приобретением нужных нам шлифовальных кругов. Дали мне на руки только командировочное удостоверение и отношение-просьбу, можно сказать «слезную просьбу», отпустить нам хотя бы малое количество кругов, завод останавливается.

Когда я обратился с этим письмом к директору абразивного завода, то он только руками развел и говорит: «У вас нет ни фондов, ни наряда. Посмотрите, сколько у нас представителей, у которых есть и фонды, и наряды, и они ждут в очереди. Смотрите сами, если удастся уловить момент, когда не будет представителей, то можете взять что-нибудь для себя». Два дня я ловил этот момент, но так и не уловил и потерял на него надежду. Но зато в это время на территории завода я присмотрелся к огромной куче, можно сказать, горе, забракованных шлифовальных кругов, разных форм, размеров и марок. Среди лома есть много целых. Попробовал я копать эту гору, и у меня появилась надежда, что я могу

найти тут кое-чем поживиться для себя. Конечно, незнающий наших процессов товарищ, просто снабженец, и не стал бы глядеть на эту гору брака. Но я же технолог, знаю, в каких условиях должны работать эти круги, что можно и чего нельзя допустить, как крайний случай.

Иду к директору и прошу его разрешения отобрать мне круги из брака. Он не согласился, но сказал, что в том случае разрешит, если я дам им подписку, что беру бракованные круги под свою личную ответственность. Я сказал, что такой документ я им дам. И вот за 3 дня я буквально разворотил эту гору. Внимательно рассматривал каждый кружок. Подбирал все нужные нам круги малых и средних размеров, подходящих по твердости и зернистости, и корундовые и карборундовые. Укладывал их аккуратно в бочки. Таким образом, я набрал 6 больших бочек, оформил документацию, отвез на станцию и погрузил в вагон.

После этого я пошел на Тракторный завод. Хотел узнать, как они делают маленькие круги из обломков и остатков от больших кругов. Там я ознакомился с этим процессом, в общем-то, не сложным. Достал чертеж на основную справку на шариковых подшипниках /из своего кармана я заплатил за этот чертеж 10 рублей/.

С удовлетворением я возвратился домой. Этими 6-ю бочками кругов мы проработали 8 месяцев. Внедрили у себя изготовление маленьких кругов по опыту Челябинского тракторного. Таким образом, мы успешно завершили год. Это была часть нашей инженерной помощи заводу в трудный период.

Партийный комитет завода замечал мою работу и ценил. Во всех моих положительных стремлениях я всегда чувствовал его поддержку, и это давало мне больше уверенности и смелости в работе.

Однажды, это было в 1940 году, в газете «Омский железнодорожник» появилась статья под заголовком «Золотой фонд», в которой отмечалась моя работа как инженера. Это была высокая оценка всей моей деятельности. Такой оценки я удостоился первый на заводе.

Выше я уже отмечал, что с приходом Черемухина к руководству заводом установилось постоянство руководства и рабочих кадров. Завод снова набрал темпы и вышел из отстающих в ряды передовых заводов в системе НКПС.

Летом 1940 года мне вручили две толстые папки – дело 4-х осужденных в 1937 году и отбывающих наказание в заключении. Мне поручили дать заключение по поводу обвинения во вредительстве главного инженера отдела капитального строительства – Тароватова Василия Ивановича, кроме него были одновременно по одному делу осуждены директор завода Ильин, начальник производственного отдела Могилин и секретарь парторганизации сборочного цеха Алябьев.

Тароватов обвинялся как руководитель троцкистской группы и вредитель. Во вредительстве ему приписывалось 9 пунктов. Из них особенный – не доведение до конца оборудования по центробежной отливке втулок для поршневых и золотниковых колец паровоза. Все 9 пунктов я с него снимал, не находил его вины, кроме последнего пункта, где при монтаже вертикальных цилиндрических баков для хранения горюче-смазочной жидкости расстояние между баками было небольшое, тесное для прохода человека, что опасно при пожаре. Объяснил это его халатностью – он подписал эскиз установки баков без указания размеров. Когда я весь этот материал принес в НКВД, то мне сотрудник /вероятно, это был следователь/, прочитавши мое заключение, сказал:

- Вы что, адвокатом являетесь?

- Нет, не адвокатом, я хорошо знаю производство и пишу то, что соответствует действительности. Тароватов поступал и действовал правильно. Никакого злого умысла у него не было.

- А вот инженер Миронов другое пишет. Он сообщает, что задержка изготовления и пуска оборудования для центробежной отливки втулок золотниковых и поршневых колец произошла по вине Тароватова.

На это я ему говорю следующее:

- В данном случае нельзя считаться с Мироновым, так как он начальник чугунно-литейного цеха и в его цехе заторможено изготовление этого оборудования. Боясь, что его тоже могут обвинить, он и пишет, что Тароватов виноват, а сам то он тоже не знает, почему произошла задержка.

При мне привели Тароватова. Вижу, что это уже не тот Тароватов. Прежде ходил грудь вперед, а теперь согнулся, руки позади, обросший бородой, лицо худое, бледный. Вот, думал я, что из него сделали 4 года лагерей.

Следователь дал ему прочитать мое заключение. Во время чтения он несколько раз глубоко вздыхал. Очевидно, от волнения, ведь надо понять это чувство, когда снимается с него чудовищное обвинение в умышленном вредительстве. Затем он расписался в прочтенном и его увели.

Из этих двух толстых папок я прочел из показаний на суде:

«Тароватов - Граждане судьи, как хотите, судите меня. Я на этих товарищей подписал неправду. Нигде мы с ними не собирались и не было у нас троцкистской группы. Я подписал потому, что меня били наганом по голове.

Ильин – бывший директор завода – Я подписал протокол потому, что меня сильно били и сломали мне два ребра.

Алябьев – меня взяли за волосы, поставили в угол и били головой о стену, и у меня из носа и изо рта пошла кровь».

Не знаю, что о других и кто еще писал экспертизу или нет, но на вторичном суде их оправдали.

Весной 1941 года меня вызвали в контору сборочного цеха. Прихожу. Сидят два человека в штатских костюмах, оба лет под тридцать.

- Товарищ Кремнев, это мы вас пригласили.

- А кто вы будете?

- Мы сотрудники НКВД. Мы знаем, что вы хороший инженер, авторитетный, общественник хороший, мы над вами много поработали. Помогайте нам в работе.

Я говорю:

- Пожалуйста, если в чем могу быть полезным.

- Поэтому давайте заключим с вами соглашение.

Я подумал, что им нужен инженер для консультации по техническим или экономическим вопросам, с которыми я справлюсь. И если кто-то не виноват, так я не напишу, что виноват. Я сумею всегда разобраться, и в этом я был твердо уверен. Стал подписывать соглашение, а мне говорит одни из них, что вы будете подписывать документы фамилией Андреев.

- Почему Андреев, я Кремнев и за свою работу я отвечаю. Я иду работать к вам официально и за свою работу я буду подписывать свою фамилию – Кремнев.

- Нет, у нас так не положено, вы будете подписывать – Андреев.

- Ну, раз так нужно, пусть будет Андреев.

А я представлял свою работу в каких-нибудь комиссиях, экспертизах, в которых я уже неоднократно участвовал. Да и прошедшее дело с Тароватовым меня в этом убедило.

Один из этих товарищей сказал:

- Моя фамилия Корнев, вы будете работать со мной. Встретимся мы с вами у киоска около виадука завтра в 5 часов дня, приходите вовремя.

Пришел я к киоску, еще не было 5 часов. Я всегда прихожу на работу раньше срока – и на всевозможные занятия, заседания и собрания. Стою уже больше часа, но Корнев не является. Мимо меня идут с работы мои товарищи. Останавливаются:

- Вы что здесь стоите, Владимир Ефимович?

- Мне назначил встречу один сотрудник НКВД, но почему-то его нет.

- Ах, вот как, - и с удивленными глазами, не задерживаясь, быстро уходили от меня. Я продолжаю открыто стоять. Прошло около двух часов. Он так и не явился. Я возвратился домой.

Квартира моя была близко. Советуемся с женой по поводу происходящего. Приходим к выводу, что работа, которую проектируют мне сотрудники НКВД, это не экспертизы и консультации по техническим вопросам, а просто надо быть доносчиком-клеветником. Допустим /это мы так рассуждаем с женой/, захотят они посадить моего товарища по работе, хорошего инженера, честного человека, Свиридова Анатолия, у него родной брат Владимир, будучи начальником кузнечного цеха, в 1937 году был посажен как враг народа. Поручат мне поговорить с Анатолием и написать на него то, что им потребуется. Ясное дело, надо будет клеветать. Нет, будь что будет, но от этой работы надо отказываться. Так мы твердо решили. После этого я несколько месяцев не встречался с Корневым, чему я был очень рад.

Война прервала мирную работу коллектива. Завод прекратил заниматься ремонтом паровозов и вагонов и стал перестраиваться на выпуск военной продукции. Многим инженерам и техникам были даны специальные задания. Мне была поручена термическая обработка одной крупной ответственной детали. Был организован новый участок, построили генераторную печь, работающую на древесных отходах, масляную ванну, и я, вместе с инженером Юльметовым Сагидом Фатыховичем /впоследствии репрессированным/ успешно выполнили это задание.

Помню одно короткое совещание у директора Черемухина. Были созваны все руководящие работники. Черемухин говорил по телефону с Москвой. Закончив телефонный разговор, он тяжело вздохнул и обратился ко всем присутствующим с такими словами:

- Товарищи, Москва переживает очень трудное время. Враг рвется к Москве. Каждому из вас поручены ответственные участки. Постарайтесь выполнить, а я перед вами в долгу не останусь. Есть у нас подсобное хозяйство, я вас осенью обеспечу капустой, морковью и картошкой.

Дело то не в капусте и моркови, хотя в то время и это имело большое значение, а в самом тоне разговора. Такие добрые слова, они включали в себя и приказ, и предложение, и просьбу. Ни одного намека на угрозу. Разве после этого у кого-нибудь возникнет хотя бы маленькая частица нерадивости. Каждый честный человек вложит все свои силы и знания, только чтобы выполнить его просьбу-задание.

В 1940-41годах очень остро стоял вопрос обеспечения населения картофелем. Это была целая проблема. У государства ее нет, а на рынке очень дорогая – 500 руб. мешок, да и то ее не достанешь. Поэтому приходилось за ней ездить в Калачинск.

Из двух продольных и двух поперечных брусков я сколотил маленькие салазки и с ними отправлялся в поход. Вечером в субботу на воскресенье я поездом еду в Калачинск. Это примерно в 80 км от Омска. Всю ночь стою на базарной площади в ожидании подвоза картошки. Мороз, погреться негде. Весь перемерзнешь. Наступает рассвет. Вот показалась темная тачка вдали. Это первая ласточка – на санях везет крестьянин картошку. Я иду, чтобы встретить, так же, как и многие другие. Но сани уже окружены людьми, и каждый рукой держится за мешок, тем самым давая знать, что мешок занят и все мешки уже забронированы. Надо снова ожидать. Наконец и я дождался незанятой подводы. Покупаю два ведра мерзлой картошки и везу ее на своих салазках к ж/д вокзалу. К обеду воскресенья возвращаюсь домой с добычей. В 1941 г. на подсобном хозяйстве, с разрешением директора завода Черемухина, мне дали капусту, картошку и морковь уже успели раскупить. Поле расположено от Омска на расстоянии около 3-х км. Я с женой взял у соседа тележку и пошли за капустой. Набрали 3 мешка. К нам присоединился еще один старейший рабочий завода – Устинов. Он тоже набрал 2 мешка. Погрузили 5 мешков и повезли домой. Я с нездоровыми ногами, товарищ уже пожилой и 3-й – жена. Надо

представить, что нам стоило довезти эту капусту до дома. Вот так я обеспечивал семью из 5-ти человек.

На наш завод стали поступать целыми эшелонами эвакуированные металлообрабатывающие станки. Разгружали их на открытой площадке. Зная хорошо состояние нашего оборудования и недостачу в нем, я пошел на эту площадку, присматриваюсь, сам с собой рассуждаю – этот станок нам можно установить там-то, а этот поставить взамен такого-то – и вдруг я глазами встречаюсь с Корневым. Какая неожиданная неприятность. Я сразу же пошел с этой площадки, чтобы только с ним не говорить. Но он тотчас же направился за мной и кричит, чтобы я подождал его.

- Мы в прошлый раз с вами не встретились, теперь встретимся, - и указал время и место встречи.

Я ему говорю:

- Тов. Корнев, я не могу выполнять эту работу. Днем я работаю в цехе, вечером преподаю, а ночью готовлюсь к следующим занятиям. Кроме того у меня нездоровые ноги, я не могу много ходить, а ваша работа, я вижу, требует много ходьбы.

- Так что, вы отказываетесь от работы?

- Да, я не смогу выполнять ваши поручения.

- В так случае, завтра в 12 часов дня явится в НКВД.

- Хорошо, приду.

Назавтра я пришел в НКВД. Корнев отсутствовал. Я вышел не площадь около вокзала и сел на скамейку. Решил его ждать. Подходят мои знакомые, и, видя меня в необычном состоянии, спрашивают меня:

- Что вы, Владимир Ефимович, сидите здесь? Отдыхаете?

- Нет, меня что-то вызывают сюда, в НКВД.

- А, вот оно что… Ну, пока до свидания…

Подальше от меня, меньше разговоров. Опять я не встретился с Корневым и ушел на завод.

Примерно в мае или июне 1941 г. меня подзывают к телефону. На той стороне раздается сердитый голос:

- Кремнев?

- Да, я слушаю.

Грозный приказ:

- Немедленно явится в НКВД.

- Куда?

- А что, не знаешь?

- Нет, не знаю.

- Здание НКВД на привокзальной площади. В кабинет…

Являюсь в кабинет /№ не помню/. Сидит незнакомый человек, сообщает мне:

- Моя фамилия Чайка. Тов. Кремнем, теперь будете работать со мной, а не с Корневым.

- Тов. Чайка, я нем могу приняться за вашу работу. Во-первых, по состоянию здоровья, а во-вторых, моя работа никак на может совместиться с вашей работой.

- Так ты, что, отказываешься?

- Да, отказываюсь, так как я не смогу ее выполнять.

- Как, ты не желаешь с нами работать? Знаешь ли ты, что очень опасно ссориться с нашей политической организацией?

- Я не ссорюсь, я только честно вам говорю, что лучше сразу сказать, что я не справлюсь с работой, чем потом, взявшись за нее, я не выполнил бы и сорвал ваш план.

И тут со стороны следователя, или как его назвать, я не знаю, посыпалась сплошная брань, даже нецензурные выражения – и ничтожество я, и какой я инженер.

- Мы тебя в порошок сотрем, ты еще пожалеешь.

В течение полутора часов такой «приятной беды», не добившись от меня согласия, он пригласил начальника и сказал:

- Вот, посмотрите, он отказывается работать, поговорите с ним, - и сам вышел из кабинета. Начальник стал тихо, спокойно со мной говорить, что напрасно я отказываюсь, и время-то немного у меня отымет, и ходить много не потребуется. Через полчаса, видя бесплодность разговора, он сказал Чайке – «отпустите его» - указал пальцем на меня и ушел.

Чайка сел за стол, дает мне лист бумаги и говорит:

- Пиши: я, такой-то, порываю связь с НКВД.

- Какая связь? Я никакой связи с НКВД еще не имел. Никаких заданий я от вас не получал и никаких секретов ваших не знаю.

- Так мне надо с тобой как-то развязаться.

Тогда я говорю:

- Я напишу так: я, г-н такой-то, обязуюсь не разглашать государственную тайну. Мы так писали на транспорте. И вам, и мне будет хорошо.

- Ну, пиши, - и со злостью махнул рукой. Я так и написал.

- Можно идти?

- Иди. Помни, будет близок локоть, да не укусишь. У нас для тебя на Севере места хватит.

Пошел я и думаю: «За что меня посадишь, ведь я не совершил преступления, я честно сказал, что не смогу выполнять их поручения, и только». Хоть с тяжелым настроением я шел с этой неприятной беседы, но думал – хорошо, что с ними развязался.

Поскольку паровозовагонный завод был закрыт, а паровозы-то ремонтировать надо, то в спешном порядке потребовалось организовать на участках дорог паровозоремонтные мастерские. Из специалистов нашего завода была составлена проектная группа, в которую был включен и я. С 4 декабря 1941 г. я выбыл сначала в Тогучин, потом в Новосибирск, затем в Омское паровозное депо. Во всех этих трех пунктах мы спроектировали паровозоремонтные мастерские – ПРМ. Все мы, проектанты, были закреплены в Омских ПРМ.

Я проектировал механический цех, планировал установку станков и подбирал их из числа эвакуированных. При комплектовании, с главным инженером ПРМ Шабранским у меня были споры. Он старался брать станки с большей мощностью, а следовательно, с большими габаритами, чем требуется по обрабатываемым на них деталях. А этим самым они бы занимали нерационально площадь, кроме того, он принимал целые эшелоны оборудования и все сгружал на территории ПРМ, хотя они нам и не требовались. Я с ним в этих вопросах был не согласен и открыто высказывал свое мнение. По моему мнению, не нужны нам станки, пусть отправляют дальше – туда, где они могут быть использованы.

Начальников ПРМ был Головач Георгий Георгиевич. Он обратился ко мне в связи с пуском механического цеха провести стахановские школы по подготовке токарей, что мною было проделано. Я провел четыре стахановские школы и подготовил 28 токарей.

Паровозоремонтные мастерские вошли в нормальную работу. Мой механический цех заработал в 2 смены. Технологом работать на таком узком предприятии, какими являются мастерские, для меня тало маловато, и я стал искать пути на другую работу.

Примерно, в августе я встретил около кузницы начальника этой кузницы – Соловьева Сергея Павловича. Мы с ним в 1930 году были в Муроме на курсах по изучению японского метода ремонта паровозов. С тех пор наши отношения были не то, чтобы дружеские, а просто товарищеские. Я его звал Сережа, а он меня – Володя. И вот он мне говорит:

- Вот, Володя, в первую империалистическую войну 4 года воевали, а в магазинах было всего полно. Теперь же 1 год повоевали, а в магазинах ничего не стало.

Мне бросилось в голову, как можно такое говорить коммунисту!? Говорю ему:

- В ту войну мой родной брат 3 года сидел в окопах между Ригой и Двинском на одном месте, а теперь танки, самолеты, мотоциклы за сутки десятки километров продвигаются, все разрушается, идут большие материальные потери.

- Да, а вот у меня сейчас два сына берут в армию, а за что они будут воевать, что они видели?

Тут я уже понял, что это провокация, но, чтобы не дать ему понять, что я его «раскусил», я ему говорю:

- У меня уже 2 брата на фронте, да и почти у всех людей уже есть близкие на фронте. А почему твои сыновья не должны идти?

- Да, конечно, - и пошел от меня.

Дня три спустя меня отзывает Молокотин Константин Павлович, бывший начальник ОТК на заводе, и доверительно, по секрету сообщает, что его вызывали в НКВД и спрашивали обо мне.

- Но я ничего плохого о вас не сказал, имейте это ввиду.

То же самое мне сообщил Веретенников Николай Петрович, инспектор по приемке из ремонта паровозов.

Стало у меня неспокойно на душе. Подал я заявление на имя начальника депо, прошу его отпустить меня для преподавания в ж/д техникум. Предварительно я переговорил с руководителями техникума, и они сказали, что с удовольствием примут меня в свой коллектив.

На первое заявление об увольнении я получил отказ, а на 2-е – согласие о направлении меня в распоряжение управления дороги. Было совещание руководящих кадров ПРМ, на котором я сообщил, что ухожу преподавать в техникум. На это Алексеев Степан Васильевич, бывший начальник механического цеха №1 на заводе, заявил:

- Ну, я это так не оставлю, - т.е. выразил этим самым недовольство моим уходом из ПРМ.

И вот он, Алексеев, однажды /мне кажется, что в то время немцы продвигались к Сталинграду/ спросил меня:

- Владимир Ефимович, неужели Советская власть падает?

Я страшно был взволнован и удивлен таким вопросом ко мне со стороны члена партии, но сдержано ему говорю:

-Что ты говоришь, да разве коммунистическая партия это допустит? Столько крови пролито за Советскую власть, и чтобы допустить, что она падает, это невозможно. Партия все меры примет и сумеет организовать народ на победу и отстоять Советскую власть.

9 декабря 1942 г. я был откомандирован в Омский электромеханический техникум железнодорожного транспорта, куда я поступил преподавателем. Так как предметы были уже все распределены между преподавателями, нагрузка мне досталась небольшая, и я продолжал одновременно преподавание в ж/д школе. Вот я и вступил на тот путь, к которому стремился много лет.

Имея производственный опыт почти 12 лет и столько же лет совмещал преподавание рабочим, мастерам, студентам техникума и филиала Томского института ж/д транспорта, я перешел на постоянную педагогическую работу. Будет полная нагрузка в техникуме, оставлю преподавание в школе.

В техникуме я быстро сработался с коллективом педагогов, студенты приняли меня хорошо, мне казалось, что все хорошо. С продуктами было трудно. Картошку приобретали только на рынке, в государственной продаже ее не было, а на рынке мешок картошки стоял 500 руб. Собрался педагогический совет и решили направить один вагон за картошкой в г. Славгород, где можно купить 3 мешка за 1000 руб.

К чему здесь я это отмечаю? К тому, что этот разговор в будущем сыграет в моей судьбе плохую роль.

В ноябре месяце появилась заметка в «Омской правде». Эвакуированному из Ворошиловграда машиностроительному институту требуется преподаватель по обработке

металлов резанием. Это как раз моя специальность. Я обратился в этот институт и предложил свои услуги.

Ознакомившись со мной и моей многолетней работой на производстве по холодной обработке металлов, меня охотно приняли и назначили начало занятий с 1-го января 1943 года.

Вот это уже являлось началом той широкой дороги, к которой я стремился и старался, набирал опыта по производству и преподаванию.

Теперь я тот стенд, с подобранными мной металлическими стружками и переданный в технический комбинат им. Лобкова, я заберу в институт, и это послужит мне наглядным пособием при занятиях со студентами.

Стал по программе готовить новейшую литературу. Когда начну работу в институте, техникум придется, может быть, оставить. Был я бесконечно рад.

Но судьба распорядилась мной по иному.

1 декабря 1942 года – 16 марта 1943 года.

От ареста до приговора.

Во втором часу ночи 1 декабря 1942 года раздался стук в дверь моей комнаты. Вся моя семья помещалась в одной комнате. Кухню, расположенную ближе к входной наружной двери в квартиру я и жена уступили семье, эвакуированной из Ленинграда. Надо мириться с неудобствами, раз пришла такая беда.

Поэтому ночных посетителей в квартиру пустила квартирантка. Она постучала в нашу комнату:

- Владимир Ефимович, принимайте гостей.

Я обрадовался, т.к. ожидал заезда брата, ехавшего с фронта.

Открываю дверь и вижу двух мужчин. В черных овчинных полушубках, с ремешками на плечах. И нашу квартирантку. Я увидел знакомое лицо работника НКВД – Кириченко и другое – незнакомое. Кириченко торжественно заявил:

- Ну, принимай гостей, Кремнев.

- Пожалуйста, - говорю. Все члены семьи – теща 74-х лет, жена и дочь 12,5 лет поднялись с постели, только сын 2,5 лет лежал на боку, согнув ножки и ручку под голову.

- Сколько вас живет? – Спрашивает Кириченко. Я говорю:

- 5 человек, да в кухне 4 человека временно проживает.

- Мы у тебя сделаем обыск. Вот, познакомься, - подает мне бумажку. Я посмотрел – «протокол обыска». А дальше я ничего не рассмотрел, думал, что только обыск. Полный шкаф книг, ящик и корзина с книгами.

- Это откуда книги?

- Мои.

- Зачем так много?

- Ну, а как же, я работаю и преподаю.

Взяли на выдержку с десяток книг и энциклопедию, перелистала и положили.

- Огнестрельное оружие у тебя есть?

- Нет.

- А холодное?

- Холодное есть.

- Какое?

- Топор, ножи.

- Нет, не это.

- А что?

- Финка, кинжал.

- Нет, этого у меня никогда не было.

Затем Кириченко в полушубке с овчинными рукавами захватил в сундуке с самого дня и вывернул наверх все белье, перевернул. Что он искал в белье, не знаю. Осмотрели подпол размером 1,5 на 1,5 метра. Сели за стол оформлять протокол. Я тоже сел. С минуту посидели как перед дальней дорогой и поднялись. Глядя друг на друга, говорят:

- Ну что ж, пойдем.

Ну, думаю, ничего не нашли недозволенного, сейчас уйдут. Вдруг слышу:

- Собирайся, Кремнев, с нами.

У меня чуть не оборвалось сердце. Все, думаю, пропал, настал мой черед.

- Что мне с собой брать?

- Ничего не надо, там все есть.

У жены покатились из глаз слезы, у тещи ужас в глазах. Дочь еще ничего не понимает в происходящем. Надел пиджак, валенки, пальто, взял сумочку с хлебом и чашку и пошел впереди их из комнаты.

Декабрь в 1942 г. был сильно морозный. Иду по поселку к виадуку через ж/д пути на вокзал.

Вот тут-то, идя по виадуку, я вспомнил, как в 1937-38 гг. часто с женой, проходя по виадуку, мы останавливались и слышали крики заключенных в теплушках. Все железнодорожные пути были забиты составами с заключенными. Они кричали: «Дайте нам хлеба», «почему вы нас не кормите», «какие мы будем для вас работники, если вы нас морите голодом», «дайте воды. Кормите селедкой, а воды не даете». Такие крики раздавались по всем путям. Вот, думаю, настал и мой страшный час.

Здание НКВД находилось на привокзальной площади. В подвальном помещении Кириченко записал мой год рождения и еще, что-то и объявил, что я привлекаюсь по 58 статье и что я здесь с этого дня никого «товарищем» не должен называть.

- А как же мне обращаться?

- Гражданин начальник.

Повели меня в другую комнату. Там сидели двое. Велели мне раздеться. Ощупали пальто, пиджак, карманы в брюках. Забрали все, что было при мне – мелкие монеты, расческу, ремень, и отрезали все пуговицы у брюк.

- А как же я буду ходить? Что, все время руками брюки поддерживать, дайте мне хоть какую-нибудь веревочку, - мне бросили кусок веревочки.

Женщина, дежурный надзиратель, повела меня на 1-й этаж по длинному коридору. Вижу много железных дверей. Я спрашиваю ее:

- А где здесь туалет?

- А там есть, - я только в камере потом увидел «туалет» /параша/.

Открыла мне дверь, я вошел в камеру. Дверь за мной с железным грохотом захлопнулась. Вижу в узкой комнате 2 кровати, на них лежат мужчины. Оба бодрствуют. Один, в синем костюме формы железнодорожника, спрашивает меня:

- За что посадили?

- Не знаю.

- А где работаешь?

- Преподавателем техникума.

- О, тогда понятно, по 58-й статье.

Я был так ошарашен случившимся, что даже не поздоровался с ними. Этот же человек, сожалеючи, мне говорит:

- Всего у нас две койки, располагайтесь на полу между кроватями, - что я и сделал, но уснуть я уже не мог.

Наутро второго заключенного в возрасте, примерно 50-ти лет, звали его Готлиб Готлибович Ваккенгут, увели на допрос, а оставшийся со мной человек внимательно меня расспрашивал, кто я есть, что делаю. Я просто поделился с ним всеми своими делами. Он говорит:

- Вас, может быть, и отпустят, а его… - и приложил указательным пальцем к затылку.

Через день меня повели в подвальную комнату. Там сидит за столом низенький, горбатенький человечек. Голова на шее как-то скривилась. Этот человек, глядя на меня, стал записывать мои приметы. Когда он кончил, я ему говорю:

- Вы ведь самую главную примету не записали.

- Какую?

- Я ведь хромой, одна нога короче и тоненькая.

- Какая?

- Левая.

Он записывает. Я тогда подумал, что хороший врач ни за что не пойдет на такую работу.

Когда меня привели обратно в камеру, этого второго заключенного уже куда-то перевели и мы остались вдвоем с Ваккенгутом. Тут он мне рассказал, что его

рассматривают как организатора контрреволюционной группы: «Когда немцы подошли к Сталинграду, мы, немцы, работающие на строительстве ветки Кулунда-Барнаул, были обеспокоены тем, что в случае победы немцев нас всех могут уничтожить и стали советоваться, как нам спасти себя. Об этом кто-то донес, и нас забрали 18 человек, как контрреволюционную организацию».

Впоследствии, я встретил Ваккенгута в колонии. Он мне сказал, что из 18 человек были приговорены к высшей мере 10 человек, а остальные к разным срокам заключения. Он 3 месяца просидел в смертной камере, пока не пришло решение о замене высшей меры 10-ю годами. Сам он заболел дистрофией и лежал в стационаре.

Потом меня повели к начальнику отделения, подполковнику Ежевскому. Этот мне сразу заявил:

- Вот что, Кремнев, раз тебя взяли, значит, есть преступление и тебя будут судить. Твоя судьба зависит от меня. Тебе я задам 3 вопроса. Если ты правдиво на них ответишь, то я облегчу твое положение, а если нет, то пеняй на себя. Первый вопрос – занимался контрреволюцией?

- Нет, не занимался.

- Подожди, не спеши, подумай, потом говори.

- Нет, говорю, не занимался.

- Тогда, так и запишем?

- Да, так и запишите.

Смотрю, открывается дверь, вводят инженера с нашего завода, Чистякова Валерия Азарьевича. Он работал конструктором в техотделе. Он имел большое пристрастие к спиртному, и я ни раз наблюдал, когда он на работе был весь опухший после пьянки.

Его спрашивает Ежевский:

- Чистяков, ты занимался контрреволюцией?

- Занимался.

- Кремнев занимался с тобой контрреволюцией?

- Занимался.

- Увидите его.

- Вот видишь, твой сообщник арестован и он признается в контрреволюции, тебя обличает, а ты отрицаешь, дело твое. Второй вопрос – про картошку говорил?

- Про картошку теперь все говорят.

- А как ты говорил?

- Не я один, а весь педагогический состав техникума обсуждал вопрос о направлении вагона в Славгород. Техникум наш железнодорожный, поэтому мы могли направить вагон. В Славгороде мы купим на 1000 руб. три мешка, а здесь в Омске – только два.

- Сколько вы зарабатываете в техникуме в месяц?

- Примерно тысячу рублей.

- Что же, выходит, по-твоему, ты в месяц зарабатываешь два мешка картошки, так получается?

- Потому что картошка продается только на рынке у частника, у государства ее нет.

- А сколько молока ты зарабатываешь в месяц?

- Я не знаю. Почем сейчас молоко на рынке?

- 80 руб. литр.

- Ну, так что ж, разделим 1000 руб. на 80, и получим 12,5 литров.

- Вот это и есть контрреволюция! Ты опошляешь материальное положение трудящихся Советского Союза.

На третий вопрос, я уже не помню его, так же ответил отрицательно. Тогда он мне заявил:

- Имей ввиду, за непризнание своей вины ты можешь получить и карцер, и морду можем набить, и по мягкому месту набить.

Вызвал надзирателя, и меня увели.

Начались вызовы к следователю, ведущему мое дело.

Фамилия его Черкашин, в чине старшего лейтенанта. В первый день он спокойно посадил меня на табуретку у стола. Начал спрашивать мою биографию и всех членов нашей семьи. А наша семья состояла из 22-х человек: дедушка, отец, мать, семь сыновей, 4 дочери, у троих моих старших братьев по двое детей. Когда он записывал все тщательно и аккуратно, я смотрел на него и думал: «Какой интеллигентный человек. На нем аккуратно пригнанная форма, волосы причесаны, чисто выбритый».

Так как родственников у меня много, он несколько дней занял этой записью, и вот, наконец, он закончил и дает мне прочитать и подписать.

- Все, - говорю, - правильно, только одно замечание, что часть характеристики моего старшего брата записана на другого брата и наоборот.

Он очень пожалел и говорит:

- Надо снова переписывать.

А я ему говорю:

- Зачем переписывать? Надо только исправить

- Нет, у нас все должно быть точно.

Вот тут я и подумал: «Ну, если все так и будет идти, то он все мое «дело» правильно разберет, и я сидеть не буду».

Вот и закончены биографические данные, и он приступил к настоящему допросу. Табуретку поставили далеко в угол от стола. Первое мне злое, сердитое замечание:

- Как сидишь? К теще на блины пришел?

А я ногу на ногу положил.

- А как сидеть?

- Поставь колени рядом.

Я поставил колени рядом, а руки соединил и прижал их к животу.

- Что яйца то греешь? Как руки держишь?

- А как мне руки держать?

- Положи их на колени, вот так и сиди. Ну, рассказывай, как ты занимался контрреволюцией.

- Я не занимался контрреволюцией.

- А кто за тебя занимался контрреволюцией? Рассказывай.

Вопрос нелепый и дикий. Как ему сказать, кто за меня занимался…Сижу, молчу.

- Что молчишь, сволочь такая!? – и пошел, и пошел…

- Вот, прочитай, - дает мне прочитать написанный клеветнический донос на меня инженером Ткач Виталием Семеновичем. Инженер этот был слабенький, на производстве себя ничем не проявил. Будучи в Омских паровозоремонтных мастерских, был назначен начальником кузнечного цеха, с этой работой не справился. Я с ним никакого личного общения, кроме встреч на производстве, не имел, тем более, никаких бесед и общих прогулок не мог иметь.

И вот, на очной ставке со мной у следователя начал повторять то, что написал в доносе. Я смотрю ему в глаза, и он, нисколько не смущаясь, так же глядит мне в глаза и продолжает, придуманное им, не имевшие места, якобы, мои разговоры.

Я говорю:

- Виталий Семенович, ведь этого не было.

- Молчать, тебя не спрашивают, - крикнул следователь. – Продолжайте, Виталий Семенович.

Кстати, как не печально, свидетель был коммунист.

Перевели меня в другую камеру, где сидел пожилой человек. По его словам, ему предъявили тоже 58 статью, и следователь сказал, что ему, старику, дадут срок 3 года. Я ему говорю:

- Если следователь ведет следствие по-человечески, не оскорбляя подследственного, то он добьется лучших результатов.

Вскоре, по возвращению с допроса, этот стрик сообщает мне, по секрету, что мой следователь Черкашин переводится в другой город, а я буду у другого следователя. Я усомнился в верности его сообщения. Думаю: «Как он мог узнать?»

И вот меня привели на допрос уже в другой кабинет, и следователь другой, по фамилии Быков. Ну, думаю, правду старик сказал. Следователь стал очень вежливо задавать мне вопросы о моей «контрреволюционной» деятельности. Естественно, я отрицал то, что мне предъявлял и этот следователь, как не имевшее место в действительности. Через полчаса нашей беседы открывается дверь и входит, улыбаясь, мой следователь Черкашин, и спрашивает:

- Ну как?

Быков отвечает, что все отрицает.

- Ну так, я об этом и говорил, - сказал Черкашин. Он все время требовал от меня сказать, какие были у меня неполадки в работе. Я отвечаю:

- Не было у меня неполадок, я все делал так, чтобы лучше и быстрее. Если я убежден, что какое-то мероприятие дает пользу, то я все свои усилия через администрацию, через общественность, через печать приложу и добьюсь осуществления. Это мой принцип в работе.

В следующий допрос Черкашин предъявляет мне дополнительное обвинение в преступлении по пункту 14 58 статьи, которое характеризуется, как производственный контрреволюционный саботаж.

- Вот, познакомься.

Читаю донос инженера Шабранского Александра Васильевича о том, что, при проектировании цехов, я умышленно занижал их мощность. Это голые слова, не подтвержденные ни одним расчетом, ни единым примером. Прошу следователя устроить мне с ним очную ставку. Мою просьбу следователь не удовлетворил. Не представилась мне возможность изобличить Шабранского в злонамеренной клевете.

Еще в 1931 году я возглавлял группу в числе 3-х специалистов нашего завода, командированных на Муромский паровозоремонтный завод на курсы по изучению японского метода ремонта паровозов. За 3 месяца моя группа усвоила много хорошего, что я и начал применять у себя на заводе. Например: планирование велось каждый день на очередные паровозы, при чем японцы ведут планерку 15 минут и намечают сроки только узлов, т.е. рама, буксы, цилиндры, котел, кулисы, дышла и т.д., а дальше цеховые планеры идут по своим цехам и доводят план каждому сменному мастеру. В это время, начальник производства идет по цехам и проверяет. А на нашем заводе планерка длится полтора часа. Говорят и об узлах в целом, и о болтах, шайбах, гайках, шплинтах и прочее. Планер доводит план мастерам только к обеду. Семнадцать цехов, 17 планеров, теряют много времени, а мастера с опозданием получают сменное задание. На мое предложение внедрить японский метод планер Шабранский, будучи в то время начальником производства, не обращал внимания. Тогда я написал об этом в заводскую многотиражку «Рудзутаковец». Это обострило его отношение ко мне.

Второй случай. Будучи гл. инженером в паровозоремонтных мастерских в Омске, Шабранский принял целый эшелон эвакуированного станочного оборудования и начал разгружать на территории мастерских. Эти станки нам не требовались. Я говорил Шабранскому, что не следует их все у нас разгружать, т.к. они под открытым небом будут ржаветь и испортятся, а разгрузить только требующиеся нам станки, а остальные отправить туда, где они требуются. Он потупил по-своему. Это было уже в 1941 г.

Третий случай – в этих же мастерских я спроектировал новый механический цех. Начали комплектовать его оборудованием. Шабранский приказывает устанавливать токарный станок большего размера, чем требуется. Я возражаю, говорю, что не рационально будет использована площадь цеха и лишние затраты электроэнергии.

- На большом станке моно обрабатывать маленькие детали, а на малом станке большие детали не обработаешь, - заявил Шабранский.

- Так, это, ведь, специальный цех для деталей паровозов, и деталей больших размеров здесь не будет. Есть же станки, которые нам подходят, - но он все равно не внял моему совету. В то же время случайные работы выполняются в подсобном монтажном цехе.

Мои суждения и советы, вероятно, задевали его самолюбие, и он решил мне отомстить клеветой.

- Ну, так как, признаешь себя виновным в умышленном проектировании цеха с заниженной мощностью, - спрашивает Черкашин.

- Нет, не признаю.

- А то, вот, читай,- подает мне показания очередного доносчика – техника Безручко. Этот техник работал в Омских паровозоремонтных мастерских под моим руководством. И не понятно, что побудило его написать, что якобы по его просьбе я не дал ему чертеж двухступенчатого сверла. Это сверло было испытано ранее еще на заводе, и не дал положительного результата и было отклонено. Чертеж лежал тут же в шкафу. Безручко ко мне не обращался, да по его работе чертеж ему не требовался.

- Этот момент также подтверждает твой производственный контрреволюционный саботаж, - заявил мне Черкашин.

Я говорю:

- Не было такого случая.

- Ишь ты, сволочь какая, - зло глядя на меня, сказал следователь. – Все говорят неправду, один он – правду. Твои сообщники по контрреволюции тебя изобличают, всю грязь выливают на твою голову, и ты один поплатишься за все.

Перевели меня в другую камеру поздно вечером. В вечернем сумраке я разглядел, что в камере стоит стол, две табуретки, на столе графин с водой и два стакана. Стоят две кровати. Таких удобств в камере я еще не встречал. На одной кровати сидит человек. Когда я присмотрелся, то узнал, что это техник нашего завода. Ранее заведовал он центральным складом на запасные детали для паровозов и вагонов всех типов и серий, действующих в Советском Союзе. Мне несколько раз приходилось проводить инвентаризацию этого склада, устанавливать нормы запаса и списывать излишки. Звать этого человека Иван Иванович Хаминов. Я обрадовался этой встречи с хорошо знакомым человеком.

- Иван Иванович, как вы оказались здесь в таких условиях?

- Я здесь уже тря дня.

Гляжу на него – голова пострижена, только что побрит. «Как же так, здесь не стригут и не бреют», - думаю я.

- Я, - говорит он, - уже три года сижу, а дали 5 лет. Теперь хотят пересмотреть мое дело.

- За что же вас посадили?

- За мои высказывания, что Калинин сделал омоложение.

Так как было уже поздно, он говорит:

- Владимир Ефимович, давай будем спать, а завтра утром вы мне расскажите, что и как, какие были у вас в работе неполадки, а я вам подскажу, как вам надо себя вести. Я уже знаю многое.

Это свежее бритье показалось мне подозрительным, а тут еще его желание знать, какие у меня были неполадки в работе /то же самое добивается следователь/. Меня насторожило.

Утром Иван Иванович стал спрашивать меня, как шли мои дела. Я ему рассказал, что и как, и что я не чувствовал и не наблюдал за собой каких-либо неполадок, так как я к работе относился очень серьезно. В углу камеры стоял полный мешок его продуктов, а у меня не было вообще никаких продуктов. Передачи мне не разрешали. Тюремной баланды

мне не хватало. Я чувствовал себя впроголодь. Видя это, он начал на моих глазах уплетать разные продукты, но меня ничем не угостил. Его вызвали на допрос, или еще куда, не знаю. Приходит оттуда в каком-то расстроенном виде. Я его ни о чем не спрашиваю. Он сам начал разговор. Говорит, что в армии скоро введут погоны, как прежде, в царское время.

- Меня, Иван Иванович, этот вопрос не интересует. Я человек не военный и ни в каких армиях не служил, мне безразлично – есть погоны или нет.

- Еще новость, - говорит он, - скоро откроют церкви.

- Ну, что ж, - говорю, - пусть открывают, я не религиозный и мне все равно, работают церкви или нет.

Вижу, что его не устраивают мои слова. Он возбужденно ходит по камере. Очевидно, с досады начал поедать свои продукты, и ясно, что много лишнего переел, и его много раз рвало в парашу, но по-прежнему меня не угощал. Меня на допрос в это время не вызывали.

Когда следующий раз привели меня с допроса, поместили уже в другую камеру. Ивана Ивановича уже больше не встречал. В этой камере находились два молодых парня. Одни из них - казах лет 25-ти, шофер, другой – русский, военный, звать Володей, лет 20-ти. На нем матроска. Вижу – молодые ребята. Я с ними быстро сдружился и, чтобы не терять время, начал им объяснять, как получать металлы, т.е. я занимался своим делом, как преподаватель. Объясняю доменный, мартеновский и бессемеровский процессы. Время быстро шло, они меня внимательно слушали.

Поочередно их вызывают. Казах мне рассказал, за что его посадили. Он украл машину пшеницы и был пойман. Говорит, что сначала не сознавался, что украл, а когда следователь, якобы, кулаком «звезданул» по голове, и он с табуретки упал, так все сразу и рассказал, как было, т.е. сознался.

Володя-матрос служит на крейсере «Отважный», или как еще – не помню, их двоих с товарищем посадили за то, что ушли с корабля по разрешению погулять и долго не возвращались. Их поймали и предъявляют обвинение в дезертирстве.

Володя – парень общительный, он мне понравился.

Однажды он мне говорит:

- Инженер, а меня следователь каждый раз спрашивает, что вы говорите.

- А ты ему все сказывай, что я говорю, ничего не утаивай.

На следующем допросе у следователя в кабинете я увидел кроме Черкашина еще 4-х человек – подполковник НКВД, начальник отделения Ежевский, капитан следственного отдела Кузьминов, Чайка, который на мой отказ сотрудничать с ним в роли доносчика угрожал мне – «еще пожалеешь, будет локоть близок, но не укусишь, у нас не Севере для тебя места хватит», Кириченко, который меня арестовал.

Следователь Черкашин:

- Расскажи, Кремнев, как ты говорил про картошку.

Я повторил то, что раньше говорил подполковнику. И тут раздался изо всех ртов гомерический хохот: «ха-ха-ха». Смотрю и глазам не верю, что за чудовищные люди, да люди ли это.

Черкашин:

- Рассказывай, как ты занимался контрреволюцией.

- Я никогда никакой контрреволюцией не занимался.

- Ишь, сволочь какая, - сказал Кириченко.

- Ух, какой злющий контрик попался, - сказал подполковник.

Все пятеро уставились на меня, и в их глазах полное удовольствие. Как удавы смотрят на кролика, так они на меня.

- Продолжайте, - обращаясь к следователю, сказал подполковник, и все четверо покинули кабинет.

На следующем допросе мне Черкашин объясняет, что в ходе следствия выявилась моя деятельность в контрреволюционной группе, где я являюсь идейным руководителем и организатором это группы.

- Вот показания твоих соучастников – Чистякова и Ильметова, что соответствует пункту 11 ст. 58.

Я говорю, что группа – это когда люди собираются вместе, имеют намеченный план и действуют в исполнении этого плана. У меня же не было никаких собраний, ни планов и вообще никакой группы. И я отказываюсь подписывать предъявленное мне обвинение.

- Нет, - говорит следователь, - в данном случае это не так. Вот ваши дела собранны в одну папку – это и есть группа.

- Ну, если не по делам, а только то, что в одной папка, то я согласен.

Следователь берет при мне трубку телефона и звонит в Татарск, чтобы арестованного, у которого оказался костюм немецкого офицера и листовки, препроводили в Омское железнодорожное отделение НКВД. Мне показалось странным, что при мне, подследственном, и говорит такие сведения.

На этот раз меня поместили в какую-то общую камеру. Нары в два яруса. Я лежал на верхних нарах. Ночью открывается дверь и к нам, буквально, втолкнули заключенного. Парень лет 30-ти, полный, упитанный, небольшого роста. На нарах свободного места нет, и он растянулся на полу. В камере тепло, он разулся, и голые ступни ног его хорошо видны. Все обратили внимание на вновь прибывшего. Он начал рассказывать, как его в Татарске держали в холодной камере и он обморозил пальцы ног.

Я, сидя сверху, смотрю на его ноги. Вижу, голова его стрижена ножницами просто без гребенки, как раньше в деревнях стригли овец. Мне казалось, что этого не должно быть. Он рассказал, что у него нашли костюм немецкого офицера и листовки немецкого происхождения. Думаю – это совпадает с телефонным разговором следователя. Затем я внимательно присмотрелся к ступням его ног. Все пальцы целы, никаких признаков обморожения. Он назвал свою фамилию и стал спрашивать по порядку всех нас и, когда дошел до меня, и я назвал свою фамилию, то немного остановил свое внимание на мне. Я это почувствовал, и у меня сложилось убеждение, что это не заключенный, а доносчик.

Утром рано его куда-то вызвали, в его отсутствие я громогласно объявил всем, что это не заключенный, «подсадная утка». В этот день с утра многих куда-то вызывали, а «утка» уже больше не появлялся.

На следующем допросе следователь устроил мне очную ставку с арестованным инженером Чистяковым. Чистяков был пристрастнее к спиртному. Арест и обвинение его в контрреволюции, а также, по-видимому, и то, что он только что перед арестом покупал краденный уголь, а когда это стало выплывать наружу, он, чтобы оградить себя, пошел и заявил на ту женщину, которая продала ему уголь, что он ворованный. Эту женщину осудили на 10 лет, он же остался чист.

Впоследствии, когда мы уже после суда попали в пересыльную колонию, эта женщина, будучи беременна, увидела Чистякова. Она делилась с другими женщинами, и многие женщины бросились на Чистякова и хотели дать ему хорошую трепку, но он от них сумел убежать и спрятаться.

И вот, здесь, при допросах ему, вероятно, вместе со статьей 58, напомнили о ворованном угле, а это Указ от 7.8-32 г. за хищение социалистической собственности – 10 лет заключения. Хотя он обвинялся только по 58 статье, но боялся и Указа 7.8-32 г. Он ударился в панику, и однажды ночью в камере он перерезал вену на руке, но умереть ему не дали, он остался жив. Он и здесь, чтобы себя выгородить, или под нажимом следователя, клеветал на меня.

При очной ставке сказал, что я на заводе подошел к нему, положил руку ему на плечо, и сказал: «Ну, что, инженер, что дала тебе Советская власть?»

Он работал в заводоуправлении, а я в цехах, никогда у меня не было с ним никаких общих дел или дружеских бесед. Я старался доказать, что этого не было, но бесполезно,

раз на меня что-то указали или написали, то это уже является основанием, чтобы тебя обвинить в преступлении.

В следующий раз привели меня в другой какой-то кабинет. Оказывается, прокурор решил сам со мной беседовать. Тихо, спокойно стал спрашивать по двум вопросам пункта 14 58 статьи. Первый – как я проектировал механический цех. Я ему объяснил, что принцип заложен мной следующий: по возможности соблюсти поточнее движение деталей, рациональное использование площади и требуемое количество станков. Далее прокурор спрашивает, какой экономический эффект могло дать применение ступенчатого сверла.

Я ему объяснил, что это сверло было у нас изготовлено по чертежам, спущенным из НКПС, но при испытании оно не пошло и комиссией было отклонено.

- А что бы оно дало, если бы пошло? – спросил прокурор.

- Если бы оно пошло /я тут же при нем в уме посчитал/, то было бы примерно 700 руб. Но еще раз повторяю, что оно не пошло.

После этого он закрыл свой портфель, передал меня надзирателю, который проводил меня в камеру.

На следующий день меня снова повели к следователю, который заявил:

- По вопросу производственному мы создаем экспертную комиссию, которая проверит на месте предъявленное обвинение и твою работу.

Я говорю:

- Это очень хорошо. Если комиссия будет беспристрастна, то она правильный вывод сделает.

- Что значит беспристрастна? – спрашивает Черкашин.

- А то, если она отразит истинное положение, а не надуманную по ложным доносам. Хорошо бы создать комиссию по антисоветским измышлениям, поговорить со старыми рабочими-коммунистами, с которыми я 11 лет проработал, они бы вам всю правду рассказали.

На это следователь ответил:

- Разговорные вопросы не проверяются. Если есть письменное донесение человека и он это подтверждает, то уже все – судить будут.

- Ты Соловьева знаешь? – спрашивает следователь.

- Соловьева знаю

- Какое твое мнение о нем, что он за человек?

- Это пьяница, он за 200 г. спирта может что угодно сделать, этот человек использует партию в личных целях.

Заходит Кузьменов, а Черкашин ему говорит:

- Смотри, как он характеризует Соловьева.

А я еще не знал, что Соловьев работал у них доносчиком. Тогда он показывает его письменный клеветнический донос на меня.

В этом доносе он пишет, что я материальное положение во время Первой мировой войны в царское время считаю как лучшее в течении 4-х лет войны, чем настоящее после одного года войны, и что нашим детям не за что идти воевать. То есть он утвердительно сказал то, на что ему не удалось меня спровоцировать в сентябре месяце.

Я говорю:

- Это клевета, я так не говорил.

- Ты с ним встречался?

- Да, встречался.

- Это ты не отрицаешь, значит и говорил.

Далее следователь показал пальцем, где прочитать из показаний свидетеля Головач Георгия Георгиевича. Это хороший, культурный, грамотный инженер. Он иногда замещал главного инженера завода. Всего две строчки обо мне: « Относительно Кремнева могу сказать только одно, что он не отдавал своих знаний рабочим».

Я был очень удивлен, поражен таким заявлением. Как он мог, порядочный такой человек, так написать? Ведь он хорошо знал меня, знал, что только я из всех инженеров завода постоянно преподавал рабочим техникума, в школе мастеров соцтруда, проводил стахановские школы по личной его просьбе, занимался в ФЗУ, в ж/д училище, в вечерних техникумах при заводе и при Управлении дороги и, наконец, в Омском филиале Томского института ж/д транспорта. Это чудовищно. Мне не верится, что он мог так написать. Я говорю следователю:

- Никто больше меня не преподавал рабочим, мастерам, техникам. Я люблю это дело.

- Ишь ты, какой слизняк, - воскликнул Черкашин. – Все говорят про твои дела неправду, только ты один прав. Извиваешься, как уж. Десятки людей изобличают тебя, а ты вертишься, как проститутка.

Так как расческу у меня забрали, то волосы на голове лежали в беспорядке и беспокоили меня. Я просил следователя, чтобы волосы мне обстригли, зачем они мне , если нет расчески, но следователь никак не реагировал на мою просьбу. Таким, заросшим бородой, с взлохмаченными волосами на голове, сфотографировали меня и в фас, и в профиль, сделали отпечатки всех пальцев рук.

Теперь вид мой зафиксировали, как настоящего арестанта-преступника.

И так, мне было предъявлено обвинение по трем пунктам 58 статьи-10-2-я часть, 14 и 11.

Мое непризнание себя виноватым по всем 3-м пунктам вызвало бешенную ярость следователя. На допросах он стал угрожать:

- Тебя все равно расстреляют, твоя жена и дочь будут здесь же.

Я знал уже людей, у которых девочку 12 лет садили раздетую на сквозняке при матери и заставляли ее просить родителей, чтобы они поступили так, как требует следователь. Моей дочери тоже 12 лет. При угрозах следователь подходил ко мне вплотную и, подняв кулак, кричал:

- …./нецензурная брань/. Как дам, так и влипнешь в стенку.

А я в то время был худой, обессиленный. Сижу и думаю, как даст мне сейчас по голове, и дух вылетит из меня. Если бы я был физически здоров, то, думаю, взял бы табуретку и ударил бы его самого по голове, а там что хотите, то и делайте со мной.

- Ты, слизняк, - кричит на меня, - кулацкий выродок. Все показания против тебя, а ты все упорствуешь, пеняй на себя, отсюда не выйдешь, 17 грамм ты получишь в лоб.

Меня поместили в камеру одиночку. На допросы стали вызывать в 10 часов вечера и только в 5 часов утра возвращали в камеру. Кабинет, где проходили допросы, а вернее, сплошные угрозы расстрелом и нецензурная брань, оскорбления, не отоплялся, а меня стали водить на допрос в нижнем белье, не давали надеть ни брюк, ни пиджака. Окна намерзли снегом, сам следователь в телогрейке и шинели, в шапке и валенках. На улице мороз до 40 градусов.

Последний протокол о признании себя виновным я никак не хотел подписывать. После первой такой бессонной ночи, в 5 часов утра я в камере думаю, что до подъема остался один час. Хоть час я посплю. Но не тут то было. Только я лег, открылся глазок, и надзиратель кричит:

- Поднимись с кровати!

Я поднялся, глазок закрылся, я облокотился на спинку кровати и думаю – буду спать сидя. Опять глазок открылся и крик надзирателя:

- Убери руку с кровати, кровать у тебя отберем.

Значит, мне спать нельзя. Сижу. С мороза мне стало в камере тепло, так хотелось уснуть, но, сидя, невозможно дремать, валишься на бок.

Так просидел я весь день. Надзиратель все время в глазок проверял.

Вечером на следующий день меня снова повели на такой же ночной «допрос» с предложением подписать протокол. То тихо уговаривают, то с матами и оскорблениями, такими циничными выражениями, о которых невозможно писать, унижающими и

оскорбляющими человеческое достоинство. Я не подписал. В камере так сижу вторые сутки.

На третий день все то же повторилось. Самочувствие какое-то странное, в голове тяжесть. Сидишь и смотришь в стену. На момент закроешь глаза, валишься на бок. Однажды, гладя вниз на стену, у самого пола, я увидел две вычерченные головы – собаки и теленка, обе с высунутыми языками. Очень я заволновался и испугался. Неужели, думаю, со мной что-то случилось, и у меня начались галлюцинации. Отвернусь, не смотрю. Снова смотрю вниз. Изображение голов не исчезает. Думаю, надо потрогать эти изображения рукой. А вдруг я рукой там ничего не обнаружу. Тогда, значит, галлюцинации. Это страшно… Долго, долго я так раздумывал. Наконец, решился и быстро наклонился, рукой начал водит по этому месту. И как я обрадовался, что изображения тех голов были выцарапаны. Видимо, какой-то заключенный, когда лежал на полу без кровати и каким-то предметом сделал эти изображения.

На 4-е сутки меня снова повели также, как и прежде раздетым в холодный кабинет, снова сыпались из уст следователя грубые оскорбления, замахивался ударить, но не бил. Подписи он от меня не добился.

Промучился 4-й день в камере под бдительным оком надзирателя. Четверо суток то на морозе, то на в тепло, не спать, не лежать, а только сидеть, вконец измотали меня. Голова болит, в ушах звон, сознание какое-то притупленное, все как будто во сне. Безразличие ко всему. Очень устал.

На 5-й день в холодном кабинете следователя я увидел некоторую перемену. Табуретка для меня стояла не в углу комнаты, а у стола следователя.

- Садитесь, - сказал следователь. Я сел. И начал следователь таким тихим, я сказал бы, ласковым голосом:

- Ну что ты, Кремнев, не подписываешь, сам мучишься и я время теряю. Ведь это только форма требуется. Ну, мало ли чего ты на себя напишешь, ведь не по этому будут судить, а по делам.

И подумал я, ведь и правда, за то, что я сам напишу на себя, например, «я хочу убить Сталина», но где и как я могу убить его, ведь это в моих условиях жизни никак не возможно осуществить, кто же будет за глупость судить, чего же упорствую.

- Давайте, подпишу, - и подписал…

- Вот теперь-то ты себя и угробил, - с улыбкой на лице воскликнул следователь.

А я еще думал: «Да, чем же я угробил, дела у меня хорошие. А то, что подписал – это же глупость».

Меня увели в камеру. На пятые сутки я впервые лег на кровать и заснул. Прошло три дня. Я спал с перерывами только для принятия пищи. Вот, после того, как я почувствовал себя бодрым, голова освежилась, и ко мне вернулось ясное сознание, меня охватил ужас, как я мог подписать такую глупость, что со мной случилось, ведь я твердо решил не подписывать несоответствующие действительности предъявленное мне обвинение в преступлениях.

Начал я стучать в дверь. Надзиратель открыл очко и спрашивает:

- Что нужно?

- Проведите меня к начальнику следственного отдела.

Очко закрылось. Надзиратель ушел. Напрасно я прождал вызова целый день. На второй день повторилось то же самое, и только на третий день меня повели к начальнику следственного отдела, капитану Кузьменову.

- Ну, мудрец, в чем дело? – спрашивает строго капитан.

- Гражданин начальник, я подписал последний протокол допроса.

- Ну и что?

- Этот протокол не верный, он вымышленный, не соответствует действительности. Я не знаю, что со мной случилось, но я его подписал.

- Ну и что ты хочешь?

- Я прошу вас дать мне лист бумаги и я напишу заявление в дело.

- А еще что?

- Больше ничего.

Вызвал надзирателя:

- Уведи его.

Ко мне обращаясь, крикнул:

- Как ты провернулся в 1937 году?!

Находился я в подследственной тюрьме УМВД три с половиной месяца, пока всех пятерых арестованных не «обработал» следователь.

Перед судом меня остригли под машинку, побрили, разрешили свидание с женой. Жена Катя привезла передачу, продукты и вещи. Собрала все, что нужно и могла в своих условиях, предполагая, что меня отправят куда-нибудь далеко.

Беседа была короткая, в кабинете следователя и в его присутствии. Разве тут толково поговоришь. Мне так и вертелось в уме сказать жене: «Катя, все, что со мной случится, в этом виноват только он, следователь». Да страшно боялся, как бы и ее не убрали от детей.

А она сказала:

- Ничего, Володя, будет еще и на нашей улице праздник.

- Кончайте, - сказал следователь, и мы простились.

15-16 марта 1943 года состоялся военный трибунал. Заседание суда было закрытое. Тут я впервые увидел подсудимых так же как и я – инженера Суханова и техника Ветрова. Инженеров Чистякова и Ильметова я уже видел на очной ставке.

Первый вопрос председатель суда задал мне, как по материалам следствия значимущемся идейным руководителем группы:

- Расскажите, как работала ваша группа, какие у вас были планы, где собирались?

- Мы нигде не собирались, никаких планов у нас не было.

- Ну, где и как встречались, о чем договаривались?

- Ну, по работе мы встречались. Я работаю в цехе технологом, и, если мне надо что-то разобрать конструктивно, я звоню в отдел, оттуда присылают того или иного конструктора, который приходит и начинает выполнять чертежи.

- Нет, где и когда вы встречались по контрреволюционной работе?

- Этого у нас не было.

Такие вопросы он задавал всем пятерым подсудимым, и все они давали отрицательные ответы.

По производственным вопросам сделал сообщение председатель экспертной комиссии. Он сказал, что несмотря на отдельные недостатки в работе, как и у всякого человека, со стороны подсудимых не было злого умысла. По работе все было нормально.

Свидетель Соловьев подтвердил свои показания против меня, данные на предварительном следствии.

Свидетель Черноземов подтвердил данные следователю показания в том, что в разговоре с ним, говоря о сплошной коллективизации, я, якобы, сказал: «сплошная коллективизация на основе ликвидации кулачества как класса».

Я ему задал вопрос:

- Почему же вы меня не поправили, если я так сказал?

- А не догадался, - говорит Черноземов.

Свидетель Головач против меня ничего не сказал, но на основании сказанного им следователю, что «Кремнев не отдавал технических знаний рабочим» - я его спросил, входило ли в мои обязанности как технолога заниматься преподаванием.

- Нет, не входило.

- Значит, я преподавал только по желанию?

- Да.

- Сколько стахановских школ я провел?

- Около восьми.

- Можете ли вы сказать, сколько токарей в стахановских школах я подготовил по вашей личной просьбе?

- Около ста человек.

- Занимался ли кто из инженеров на нашем заводе больше меня преподаванием техминимума рабочим, мастерам соцтруда, в школе ФЗУ, в вечерних техникумах на заводе?

- Нет, вы больше всего занимались преподаванием и отдавали свои знания рабочим.

Адвокат Берлинерблау, мой защитник, очень осторожно выступал и ничего конкретного от него я не услышал, только одно помню – он просил суд сохранить мне жизнь как хорошему специалисту, могущему быть полезным для нашего общества.

Больше я ничего не помню о разборе дела в процессе суда, что предъявлено судом всем другим подсудимым, что говорил прокурор, председатель трибунала, какие вопросы задавали другим подсудимым, какие были против них свидетели – ничего этого не запечатлелось в моей памяти. Я абсолютно ничего не помню. Как будто ничего этого не было.

Военный трибунал приговорил: по пункту 10 часть 2-я статьи 58 УК РСФСР мне и Чистякову дали по 8 лет заключения в лагерях, Юльметову 6 лет, Суханову и Ветрову по 5 лет. Все с поражением прав на 5 лет после отбытия наказания. Приговор окончателен и кассационному обжалованию не подлежит.

Председатель ВТ – Зеленов.
Члены ВТ – Стрельцов, Каня.
Секретарь ВТ – Платонова.

Через день после моего ареста моя жена обратилась в ж/д техникум за трудовой книжкой. Ей сказали, что приходил сотрудник НКВД и книжку забрал.

После реабилитации я, будучи в командировке на Омском шинном заводе, обратился в Омское областное НКВД. Там дежурил полковник Никитин, который мне сказал:

- Я посмотрю в делах, и если трудовая книжка окажется, то я ее вам верну. Придите завтра.

Назавтра мне сказали, что в деле трудовой книжки не оказалось.

Вот так, уничтожился документ, характеризующий меня с хорошей стороны. Ведь там только благодарности и денежные премии за рацпредложения и отличную работу. А этот, как раз, не было в интересах НКВД того времени.

1943 – 1950 годы.

Лагерная жизнь.

После суда нас всех пятерых осужденных поместили в одну камеру. Какое-то странное и непонятное впечатление. Когда работали на заводе, каждый жил сам по себе и ничего общего, личного между нами не существовало, а было только производственное. А тут такое ощущение, как будто мы стали близкими. У меня такое чувство, что это постигшее нас несчастье как бы сроднило, сблизило нас, сплотило, несмотря на некоторые обиды, имевшие место в процессе следствия. Общее горе. У всех нас, кроме Юльметова, который был еще не женат, остались жены и дети. Какая-то жизнь будет теперь у них. Каждый думал об этом.

Поместили нас в грузовичок в сопровождении 3-х стрелков, ведь, везут-то кого – государственных преступников! Нужна усиленная охрана. Кто мы? Мы – продукт обработанный упорным, тяжелым трудом органами НКВД, за что и следует им награда, повышение в чинах. Впоследствии, я слышал, что за разоблачение «врагов» в виде двух групп: немецкой из 18-ти человек и нашей из 5-ти человек, подполковник Ежевский стал полковником, капитан Кузьменов – майором, а ст. лейтенант Черкашин – капитаном. Верно ли это или нет – не знаю.

Впервые за 3,5 месяца после подвала оказаться на свежем воздухе, видеть дома, людей, идущих по улицам, бегущие автомашины, т.е. видеть жизнь, вызвало у меня просто незабываемое впечатление и настроение. Наконец-то мы все заговорили: «как хорошо, что наконец-то выбрались из этого ада», указывая на здание НКВД. А стрелки нам ответили:

- Вы в лагере еще вспомните ваше пребывание в подвалах НКВД. Там вы увидите «Кузькину мать».

- Ну, - говорим, - хуже этого уже не будет.

- А вот и посмотрите.

Сдали нас в пересыльную колонию №7. В этой колонии было около 7 тысяч заключенных. Поместили временно в бараках с 3-мя ярусами нар. Нашли небольшое свободное местечко-уголок, положили свои вещи. Одного оставили караулить вещи, а остальные четверо пошли по лагерю.

За время пребывания в подвале НКВД мы ничего не читали, ни книг, ни газет – не положено. А люди грамотные. Ну как же можно не почитать? Пошли мы искать красный уголок. Спрашиваем одного заключенного:

- А где здесь Красный уголок?

- А вон там, - показал пальцем куда-то вдаль.

Идем, еще одного спрашиваем. Он также указал пальцем. Все еще не можем найти красный уголок. Наконец, третий нам просто сказал:

- Какой вам Красный уголок? Вы куда пришли? – и выругался. Тут мы уже поняли, куда мы пришли, и где здесь Красный уголок…

Когда мы вернулись к вещам, оставшийся караулить сказал нам, что его один заключенный предупредил о готовившемся покушении на наши вещи. Тогда мы решили оставаться по два человека на месте. И вот, мы сидим у вещей, а на нарах 3-го яруса, прямо над нами, сидит блатной, свесив ноги, гребешком чешет голову и стряхивает в ладонь вшей, приговаривая:

- А, попалась, - берет пальчиками вошь. Бросая ее вниз говорит – Гуляй, гуляй, милая.

Так как мы занимали край нар, то, что он бросал, летело на наши головы. Приходилось стоять, отойдя немного от нар. И так повторялось много раз, пока нам, наконец, не сказали сдать вещи в камеру хранения и развели по бригадам.

Отдали верхнюю одежду в прожарку от вшей, хотя в тюрьме НКВД вшей не было. Мы думали – и здесь нет.

Меня из-за моих больных ног приписали в бригаду инвалидов.

Комната небольшая, два этажа нар. Я поместился на 2-м ярусе. Мешок с вещами сдал в камеру хранения, а с собой взял кружку, полотенце, мыло и сумочку для хлеба. В этой бригаде было человек 40, вероятно, были по 58 статье и бытовые, потому что бригада инвалидов была одна во всем лагере. Занимались гнутьем крючков и петель для шинелей. Работа немудреная. На доски набиты штифты в определенном порядке, и вокруг этих штифтов надо только крутить стальную проволоку. Приспособлений никаких нет, крутить приходится пальцами. Проволока жесткая, а пальцы мягкие, и за 3 дня они у меня распухли и поранились. Надо выполнять норму, а то будет только гарантированная пайка.

В тюрьме НКВД было очень тепло и, за время пребывания в ней, мой организм ослабел. А когда ехали в открытой машине, меня прохватило мартовским ветерком. Я простудился, и вот теперь, сидя у верстака, я испытывал большую неприятность с носом. Непрерывно текло из носа, чихание, до слез боль в пальцах – все это вызывало тяжелое самочувствие. Кроме того, сидим все у верстака спиной к нарам. Моя сумка с пайкой хлеба лежала на 2-м ярусе, как раз против меня. Я периодически оглядывался и, как увижу сумку на месте, так и успокоюсь. Но однажды перед обедом я в сумке хлеба не обнаружил. Его выкрали. Оказывается, с нижних нар доски второго яруса раздвинули и достали хлеб, а потом доски опять сдвинули и все в порядке, как будто ничего не было. Целые сутки я без хлеба. Вот мой первый лагерный урок.

Спали на нарах впритык, было очень тесно. Одному повернуться с боку на бок невозможно.

В первое же утро я поймал на себе большую вошь. Тихо, чтобы не будоражить людей, я сообщил об этом бригадиру. Это был техник по образованию, симпатичный человек. Он во весь голос обращается к людям:

- Слушайте все. Вот этот новый товарищ поймал на себе вошь.

Как все заахали: «Да как же это так», «не может быть», «да откуда же она у нас появилась». Я гляжу на них с удивлением, а они разом: « Ха-ха-ха». Оказывается, они меня разыграли, тут вшей у них полная чаша. Впервые в жизни я наблюдал такую картину – в нашу комнату вошел заключенный. Он предлагает купить сапоги. Они у него на руках. Я не заметил, какого качества эти сапоги. Продает он их за хлеб. Ни у кого, как будто, лишнего хлеба нет. Но вот бригадир присмотрелся к ним и купил. За них он выплатил 2 буханки хлеба, 4 мясные котлеты и сколько-то табаку.

«Продавец» спокойно покинул наше помещение. Бригадир положил сапоги на место. Примерно минут через 20 заходит к нам молодой парень, лет 25-ти, и спокойно спрашивает:

- Никто к вам не заходил с сапогами, не продавал?

Бригадир говорит:

- Продавал один человек, я их купил.

- Где они? Покажите мне их, пожалуйста.

Бригадир спокойно достает из сумки и показывает их пришедшему. Тот взял их в руки и говорит:

- Это мои сапоги, у меня их украли.

Мгновенно заскочил на стол. Откуда он вытащил нож, я не успел заметить. Держа его в правой руке, а в левой – сапоги, размахивая ножом вправо и влево, он прыгнул со стола и быстро зашагал к двери. Дверь растворилась – и был таков. Конечно, кто стоял на пути, расступились, уступая ему дорогу. Кому захочется попасть под нож. Никто не мог что-либо предпринять. Да и вряд ли кто-нибудь осмелился. Очнувшись от неожиданного, стали горячо говорить, что надо бы его сзади схватить, но, как говорится, после драки кулаками не машут. На этот возбужденный разговор входит один человек и говорит:

- Ничего бы не сделали, так как кроме него у двери стояли еще три человека, его напарники.

Когда он заскочил на стол и стал размахивать ножом, я подумал – «настоящее кино». Первая моя лагерная картина.

Вечером, когда легли спать, мой сосед, парень лет 30, говорит мне:

- Вас, наверное, как специалиста, отсюда этапируют во 2-ю колонию. Не попадайтесь там в руки одному заключенному по фамилии Фукс. Этот человек как зверь. В 1941 году, когда он выводил колонну заключенных на работу, особенно 58 статью, и если какой-нибудь ослабленный упадет, Фукс подбежит, задерет ему одежонку, сыпнет снегом, даст несколько пинков, и того унесут обратно в лагерь.

- Спасибо, - говорю - за совет.

Своих товарищей уже не встречал в пересыльной, они были где-то по другим бригадам.

Около 10 дней я проработал в инвалидной бригаде. В парикмахерской меня ни разу не побрили. Как скажешь, что 58-ая статья, сразу тебе отказ. Если кому-то удастся обмануть, что не 58-ая, то будет побрит. Так что я значительно отрастил щетину.

Вот, однажды, меня застала в комнате молодая энергичная женщина.

- Кремнев, где ты пропадаешь? Собирайся с вещами, пошли на выход. Там из-за тебя стоит целая колонна.

- Я же не знал, что надо идти.

- Давай, давай скорее. Забирай вещи и пойдем.

Взял я в камере хранения свой мешок, а в нем было все, что собрала мне жена в последний раз.

Когда она вывела меня из лагеря, я увидел – стоит колонна заключенных, человек 100, под охраной стрелков. Поскольку я был одет в полупальто на меховой подкладке, меховой шапке, в брюках одного материала с полупальто, на ногах туфли с галошами, то блатные из колонны меня приметили.

Колона двинулась в путь. Было утро, земля еще мерзлая. Шли медленно. Я с мешком, а в нем было половина мешка домашних вещей: одеяло, носки, белье, валенки, полотенца, мыло и прочее.

Прошли путь, примерно, около 2-х километров. Я прошел как-то легко. Даже был доволен, что прошелся. Остановились при входе в колонию №2. пока наша начальница, а это была начальник УРЧ колонии, оформляла документы, нас заставили всех сесть на землю, а земля еще не оттаяла, была мерзлая. Я еще от насморка не избавился, а тут еще добавил. Да еще, когда вошли в колонию, заставили всех белье прожарить. Помещение, где раздевались, было холодное, и я еще добавил простуды. Долго пришлось помучаться, пока не пришел в норму.

Завели нас в барак, переполненный до отказа. Два яруса нар забиты людьми. Я сел прямо на проходе. Со мной вместе попали в этап два мои товарища по несчастью – Чистяков и Суханов. Все трое поставили вещи в конце прохода, чтобы были у нас на глазах. Так как я долго не брился, вернее меня не брили, я подумал, что главный инженер колонии захочет видеть меня при назначении на работу, я решил сходить побриться.

Предупредив этих своих друзей чтобы они посмотрели за моим мешком, я ушел в парикмахерскую. Через час я вернулся, смотрю – их вещи на месте, а моего мешка нет. Друзья эти улеглись на верхние нары и спят. Разбудил их и спрашиваю:

- Ребята, а где мои вещи?

- Не знаем, они были на месте.

Что можно сказать? Как хочешь, так и понимай. Но я остался с одним носовым платком в кармане.

Пока решался где-то вопрос с работой, нас всех троих перевели в другой барак, где заключенные спали на кроватях. Но, так как кроватей было мало, а людей много, то на одну кровать помещали двоих. Я попал к какому-то технику-инструментальщику.

Вечером поговорили. Наутро я почувствовал, что он меня обмочил. Стал его тормошить. Он извиняется, говорит, что у него недержание мочи. Я попросил коменданта что-нибудь предпринять. Его увели, и больше я его не видел.

Мне один заключенный показал двух парней, которые украли мои вещи. Но, ведь, он сказал мне это тихо, шепотом, а как я к ним обращусь громогласно – это невозможно. Они, как играя со мной, иногда подходили и спрашивали, как мое самочувствие, где я буду работать. Они как будто изучали, каково состояние человека, потерявшего необходимые ему вещи. Удивительно то, что я отнесся к потере вещей как-то хладнокровно. Платок носовой превратился в грязную тряпочку, но я не переживал. Мне почему-то было безразлично, есть у меня вещи или нет. Пусть все идет, как идет.

И вот, вызывают нас всех троих к диспетчеру. Я не знал, кто это, но говорили, что диспетчер. Кроме диспетчера, сидят еще два человека. Спрашивают, какие у нас специальности, где работали. Три специалиста: технолог по обработке металлов, механик и конструктор. Назначают: меня в механический цех технологом, Суханова в механический цех механиком, а Чистякова к главному механику колонии конструктором.

Один из присутствующих, обращаясь ко мне и Суханову, говорит:

- Вы идете ко мне. Я – начальник механического цеха.

Мы спрашиваем:

- Как ваша фамилия?

- Моя фамилия Фукс.

Как услышал я эту фамилию, меня холодком обдало. Суханов то не знал того, что я о Фуксе слышал.

- Вот что, ребята, - сказал Фукс, - вы меня не подводите, а я вам создам условия.

Вот и я получил назначение на работу.

Чтобы не огорчать жену, не приносить ей еще большего горя, я не сообщил ей о потере вещей. Но кто-то из моих товарищей сообщил своей жене, а та передала моей, и она собрала еще кое-что и передала мне в колонию. И так, понемногу я нормализовался в новой обстановке.

Цех изготовлял ручные гранаты. Я в жизни не держал в руках ручной гранаты, а тут надо работать над технологией ее изготовления. Значит, надо изучать ее конструкцию. Весь день и вечер я нахожусь в конторке начальника цеха и разбираю «по косточкам» гранату. Проходит неделя, уже кое-что прояснятся. Каждую детальку как корпуса, так и унифицированного запала ручной гранаты, я хорошо представлял себе, как нужно правильно ее изготовлять, и, в тоже время, смотрел, как изготовляется. Иногда я слышал выкрики отдельных мастеров:

А вот у нас есть технолог, пусть он нам покажет, как делать.

А Фукс отвечает:

- Вы технолога не тревожьте, вот он познакомится с деталями гранаты, тога и покажет.

Вот это мне и способствовало войти в курс дела. На второй неделе я предлагаю военпреду при изготовлении корпуса запала /это небольшой цилиндрик из листовой, покрытой цинком стали/ за базу принять не вершину запала, а отверстие, так как вершина может быть неодинаковой высоты.

Когда военпред понял мою мысль, то сразу же сказал:

- Это правильно, пиши рацпредложение.

- Какое, - говорю – рацпредложение? Надо немедленно изменить технологию.

Сам думаю: «Какие могут быть рацпредложения в заключении?». А он снова говорит:

- Пиши рацпредложение. Тебе это здесь пригодится.

- А кому подавать предложения?

- Начальнику цеха.

Я подал первое предложение Фуксу. Он тот час же передал главному инженеру, а тот – в УИТЛК. Пока они там разбирались, у меня возникло еще предложение по другим

деталям, по изготовлению маленьких шлифовальных кругов по опыту Челябинского тракторного завода, и ряд других предложений.

Тут оборудовали отдельный барак для ведущих специалистов-заключенных, человек на 30. койки с матрасами, простыни, подушки, одеяла. Просто все, как на даче. У барака – круглосуточное дежурство вахтера. В это число специалистов попал и я. Такие условия – так что же еще надо? Я продолжаю каждый вечер работать в конторке. У меня и возникают мысли, как улучшить тот или иной процесс, там и ограничители для рубки пластин шарниров к ящикам для гранат и ряд других.

Ко мне обратились вольнонаемные – написать статью в стенную газету к 1 мая. Я написал, как и прежде, на воле, глубоко продуманную, патриотическую статью от лица заключенного. Им моя статья понравилась и предложили, что, если я не возражаю, они поместят ее передовицей, но только фамилию мою не будут подписывать. Я дал согласие.

Мои предложения одобрялись в УИТЛК, но с внедрением почему-то не спешили, а без их разрешения командование колонии не может самостоятельно решать технологические вопросы.

И вот, однажды вечером, кода я один занимался в конторке, заходит начальник колонии. Кое-что спросил, а потом говорит:

- Вот что, Кремнев, твоя работа нам нравится. Я тебе не обещаю, что мы тебя освободим, но срок снизим.

Такое же сообщение мне сделал главный инженер УИТЛК, Мусатов. Все было хорошо. Условия жизни хорошие, работой моей довольны и в цехе, и в УИТЛК. Иногда заключенные в цехе меня спрашивали:

- Ты на воле, т.Кремнев, так же работал?

А я говорю:

- Работать надо везде одинаково. Стараться, чтобы сделать скорее и лучше. Большего ничего не требуется. Мне кажется, как можно работать, чтобы дело не продвигалось вперед и не улучшать качеств? Это не укладывается в моем понятии.

Вспоминаю, однако, собрание в цехе, где было созвано большинство заключенных и присутствовал от УИТЛК по фамилии, кажется, Орлов. Он спрашивает заключенных:

- Как вас кормят, довольны ли?

Один говорит:

- Да, кормят ничего. Нам хватает.

А второй сказал:

- Нет, пища не качественная, ее не хватает.

Орлов сурово посмотрел на него. Спрашивает следующего. Тот говорит:

- Кормят ничего, нам хватает.

Еще один так же сказал. Тогда Орлов обращается к тому, который сказал, что кормят плохо:

- Как твоя фамилия? Какая статья?

Тот назвал фамилию и статью КРД.

- Так, ты что, на воле занимался контрреволюцией, да и здесь начинаешь вести контрреволюцию. Ты за это можешь получить 17 грамм в лоб.

Вот так, попробуй, пожалуйся, что плохо кормят.

Прошло три месяца, как я в колонии. Моей жене, как поощрение за мою работу, дали разрешение на свидание.

И вот я взял на руки сына. Когда меня увели из дома, ему было 2,5 года, а теперь уже 3 года. За 6 месяцев у него уже притупились чувства ко мне, и он сидел у меня на руках сначала безразлично. Но вот к нему вернулись эти чувства, и он так крепко вцепился в меня, обхватил ручонками и крепко-крепко прижался.

Кончилось время, отпущенное на свидание. Поднялись. Я стал передавать его матери, а он не хочет от меня оторваться, за как закричит: «Папа!». А из глаз потекли в два ручья слезы. Трудно вытерпеть, у меня самого потекли слезы, и я ушел в барак и как

ребенок плакал. Долго не мог успокоиться. Очень жаль семью. Из квартиры их начали выгонять. А куда она пойдет? Жена получает 500 руб. (это прежними деньгами). На руках старая мать и двое детей. Сказала, что будет переводиться в районное село.

Результатов от моих предложений я пока не вижу. Но вот вынесено решение – прикрыть колонию, передать изготовление гранат военному заводу. Перед этим главного инженера колонии, Золина, сняли с должности. Сами не решились исправлять технологию, лучше передать военному заводу.

Механический цех работал в две смены. Однажды, уходя из цеха в барак, я мастеру 2-й смены, Кожухову дал указание, чтобы он перед рубкой пластин предварительно отрегулировал ограничитель. Он меня понял.

- Ладно сделаю, - но забыл. Прессовщик нарубил ящик пластин без регулировки ограничителя. В результате – ящик брака. Когда я утром обнаружил, показал Кожухову, что он наделал, и что ему крепко не поздоровится. Дело не в том, что пластинки стоят мало, а в том, что идет война, а у него 58 статья. Так что из копеек можно раздуть такое дело, что не расхлебаешь. То же понял и Кожухов. Я даже не заметил, куда он убрал эти пластины.

В условиях заключения, имея ярлык «контрика», надо быть очень и очень аккуратным, и всякий маленький пустяк может обернуться для тебя непоправимой бедой.

Из состава этой колонии начали отбирать часть людей для колонии при тюрьме на Тарской улице. Набрали человек 20 из числа квалифицированных рабочих и двух из руководящего состава – Фукса и меня. Немного остановлюсь на характеристике Фукса. Он – бывший сотрудник НКВД в чине старшего лейтенанта, проработал в органах, по его словам, 25 лет. за какое-то хищение социалистической собственности приговорен к 10 годам.

Свою фотографию в чине старшего лейтенанта он мне показывал. В этой колонии, по моим наблюдениям, он заключенных не бил, но был с ними очень груб. Ко мне он относился очень хорошо и очень ценил мою работу.

Привезли нас в 5-ю колонию. Только я слез с машины, подходит ко мне Зубриловский, бывший сосед по квартире, двери были рядом.

- Здравствуй, Владимир Ефимович.

- Здравствуй, Гавриил Иванович. По какой же ты статье?

- А, наверное, по такой же, по какой и вы.

- Так я же по 58-й.

- Ну и я по 58-й.

Вот так, жили рядом много лет и не знали друг друга, что являемся «контриками». Его взяли в 1941 году. Я несколько раз спрашивал его жену, по какой причине арестовали Гаврила Ивановича. Она отвечала, что не знает. Я думал, что работая однажды по разгрузке эвакуированного оборудования, стащил какие-то вещи и попался. Но никак не подумал, что такой малограмотный человек, токарь низкого разряда, мог быть арестован по 58-й статье. Брали всех, кто попадался в их поле зрения.

Зубриловский в колонии возглавлял бригаду по опрессовке корпуса авиабомб.

Нужно сказать, что эта колония находилась при тюрьме. Изготовляли авиационные бомбы небольшого размера, весом около 5-ти килограмм – корпус, головку и стабилизатор. Зарядку делали где-то в другом месте.

При входе в колонию спросили у каждого фамилию, статью и срок, где работал до заключения. Помню, как Фукс ответил на вопрос, где работал – «В органах».

Вещи сдали в камеру хранения. Меня поместили в большую комнату, где вмещалось человек 20. кровати двухъярусные, сваренные из трубок, а на них положены доски. Комендант по фамилии Орендарь указал мне место. Когда я сходил за вещами в камеру хранения, мое место уже захватил один заключенный. Ну, думаю, так не пойдет. На мое предложение освободить мое место, захватчик – ноль внимания. Тогда я собрался снова к Орендарю. Он пришел и восстановил порядок. Тогда я говорю присутствующим:

- Все мы находимся в заключении, и у нас должен быть какой-то порядок, а иначе мы можем друг другу горло перегрызть, - ничего. Молча восприняли мое замечание.

В первую же ночь в камере хранения мой чемодан оказался на полу раскрытым и из него выкрали брюки и полотенце, а у Фукса – сапоги, также, из чемодана. Вот так встречают новичков. Добиться чего-нибудь, узнать, кто взял – и не пытайся. Ни один охранник или дежурный тебе никогда ничего не скажет.

Изготовление бомб во время войны – дело очень серьезное и ответственное. Пришлось работать по 12 часов. Вся колония расположен на небольшой площади, пыль из литейного цеха при выбивке стержней разносится по всем помещениям, поэтому чистым там не будешь. Грязь и вши. Хорошо, что я спал на 2-м ярусе и надо мной весела электрическая лампочка. Ночью, осматривая одеяло, я находил этих проклятых насекомых и уничтожал. Да разве их всех убьешь!?

Обычно, по ночам, а это было летом, вызывают мыться в баню. У меня был такой случай. Пошел я в майке и в трусиках. В раздевалке все сняли белье, повесили на металлические кольца и отдали в прожарку. Из раздевалки в баню большая куча людей, но не очередь. Здесь, кто сильнее и нахальнее, тот и впереди. Кончено, блатные идут первыми. Наша 58-я статья – это небольшая группа – всегда оставалась последняя. Когда я вошел в моечную, то у каждой деревянной шайки была очередь. Я увидел, где один моется и один стоит и ждет. Потом этот стал мыться, а я стал ждать. Наконец, я взялся за шайку, и тут раздался голос – выходите одеваться.

Только побрызгался водой, и пришлось выходить. Те, кто первым одевался, каждый из кучи отыскивал свое белье и одевал. Я же не застал своего белья, его кто-то взял, а взамен осталась грязная рвань – трусы и майка, хоть голый иди. Пришлось идти в этом рванье, а потом выбросить. Неприятно, но что поделаешь.

Корпус стабилизатора бомбы изготовлялся из твердой крепкой стали. Работали 5 токарных станков без охлаждения. Я сразу же зарисовал, что надо сделать, чтобы на резец подавалась охлажденная жидкость, это на 40% повысит производительность, так как можно повысить скорость резания – вместо 5 станков план можно выполнить на 3-х станках. Пишу предложение главному инженеру.

В первый день он меня не принял, так же на второй и 3-й. тут я задумался, почему он не хочет меня принять. Очевидно, он присутствовал на совещании в УИТЛК, где разбирались мои предложения по 2-й колонии. Там тогда из моих предложений, указывающих на недостатки и пути улучшения технологического процесса, сняли с должности главного инженера колонии. А тут опять лезу со своими предложениями. Значит, он меня не примет. Ну и пусть. Тогда в цехе я попросил наждачный станок и дать мне одного парня, я научу его затачивать типовые резцы – отрезные, проходные и подрезные, кроме фасонных. Тогда рабочие из инструментальной кладовой будут брать уже заправленные резцы, не будут сами затачивать. Это мероприятие мне удалось осуществить.

Фукс, будучи зам.начальника механического цеха, его попыткам в этом направлении успеха не имели, но зато его и цеха убрали и назначили комендантом. Дали ему 5 заключенных – вот и командуй ими , наводи чистоту и порядок в колонии. Но и тут его долго не держали и перевели в литейный цех просто рабочим, а оттуда он был направлен в другую колонию. С ним я больше не встречался.

Бывший мой сосед по квартире, Зубриловский, в порядке поощрения был назначен комендантом колонии. Жил он со мной в одном помещении.

Семью мою из квартиры выгнали, жить ей было негде и не на что, так как маленькая зарплата. Аптечному работнику не хватало даже, чтобы только прокормить 4-х человек. Выехали они в районное село Купино.

Я испытывал от недоедания голод. Вот тут Гавриил Михайлович решил мне помочь. Предложил мне перед обедом 2 ломтика хлеба помочить в машинное масло. Оно хоть и попахивает керосином, но все же это масло. Будет хлеб питательнее. Чтобы во время

«шмона» /обыска/ не обнаружили масло, он поставил миску с маслом в своей чемодан, надеясь на то, что при обыске он сам присутствует и его, как коменданта, не будут обыскивать.

Он помокнет мои ломтики в масло из своего чемодана, и я иду их ем во время обеда. Правда, керосином пахнет здорово, но что мне запах керосина, все-таки масло.

Но кто-то донес, и во время обыска взяли чемодан Зубриловского, приподняли, повернули на бок и открыли крышку. Миска с маслом опрокинулась и масло залило все его вещи. Попался сам комендант с поличным… Сняли его с должности коменданта и поставили работать на прежнюю работу по опрессовке корпусов. Вот так, хотел он сделать мне добро, и за это сам пострадал.

Однажды произошло чрезвычайное происшествие, как говорят, ЧП. За одну смену получился брак 80 корпусов. По этому случаю прибыл сам начальник УИТЛК. Собрали руководящий состав из числа заключенных. Всего собралось человек 40. начальник поднялся. Поглядел на всех и говорит:

- Ну так что, на Гитлера стали работать? Поднимите руку, у кого 58-я статья.

Вот думаю, несчастье. Опять виновата 58-я статья. Осторожно взглянул на ряды. Оказалось 8 человек по 58-й, остальные все – бытовики.

- Вы фронт подрываете, виноватые понесут суровую кару.

Стали последовательно разбирать – откуда, у кого и как получился брак. В течении двух часов докопались до истинных виновников брака. Оказалось, молодые рабочие, почти мальчишки, чтобы отмстить Фуксу за его грубые наскоки, когда он еще был зам. начальника механического цеха, нарочно сделали брак. Было их 5 человек. Всех их опрашивал Орлов, и они так и сказали. Тогда Орлов взял в руки телефонную трубку, позвонил в тюрьму, благо она рядом, и сказал:

- Примите 5 человек, а вас, - показал пальцем, - будем снова раскраивать.

Так прошла гроза мимо 58-й.

Жизнь в колониях и лагерях в качестве заключенного выматывает человека, его душу. Он страдает и физически, и душевно. Особенно, это репрессированные по 58-й статье. Ведь, они-то страдают безвинно. Бытовикам-уголовникам легче переносить этот гнет. Они знают, что сами заработали это наказание.

Воришки так и говорят: «Засыпался мать-мать…». Их семьи и родственники не преследуются в обществе. На семьи репрессированных ложилось страшное угнетение. Если живут в казенной квартире, то с квартиры выселяют прямо на улицу. Создается какое-то подозрение, избегают с ними общаться. Если такие люди могли бы чем-то помочь, но страх, что за это на них самих обрушится гонение, не позволяет им это сделать. И вот, у невинно осужденных гнетущая тоска и лично за себя и за семью переживания, теряется надежда на лучшее будущее. Вызывает стремление как-то вырваться из этого ада. Но как? Бежать? Хотя это безрассудно. Ведь в те страшные времена сеть НКВД как паутина сплела тысячами пунктов по всему Советскому Союзу. Каждый происшедший, выходящий из ряда вон случай молниеносно был известен во всех населенных пунктах. Тысячи людей сразу настораживаются. Кажется, муха и та не проскочит.

Но все же, вопреки здравому рассудку, одни мужчина, лет 50-ти, задумал бежать. Долго готовился. Дождался безлунной ночи. Накинул лестницу на ограждение и, незамеченный стрелками, ушел. А ведь мог быть замечен и убит!

И вот, его поймали на станции Татарская, вернули в колонию. Естественно, он был побит и посажен в железный бак. Летом солнце, и так жарко, а в железном ящике настоящее пекло. Надо понять, сколько он потерял здоровья за 3-е суток.

Еще один случай, там же – заключенный /по фамилии называть не буду/, слесарь-инструментальщик высокой квалификации. С двумя товарищами делали, якобы, ремонт грузового автомобиля. Каждый вечер с ним что-то делают. Выведут из гаража, покатают взад-вперед и обратно поставят. И вот, поздно вечером, уже в сумерках, прикрепив

впереди буферный брус, они разогнали машину и прямо тараном пошли на деревянные ворота, смели их и были таковы. Стрелок стрелял, но безрезультатно. Утром эту машину обнаружили далеко за городом.

В ней сидел пожилая женщина. Стали ее расспрашивать.

- Кто ты тут сидишь, бабушка?

- Да, тут ехали три солдатика, хотели меня подвезти, да ушли куда-то на время. А меня попросили посидеть, пока они придут.

Машина та была из колонии. Впоследствии, я слышал, что одного поймали, а про двух других – не знаю.

Недолго, месяца 3, я пробыл в этой колонии. Меня перебросили в 6-ю колонию, вновь созданную на улице им. 10-летия Октября. Эта колония была создана из тех кадров, которые работали по изготовлению ручных гранат.

За мной приехал один стрелок, по национальности татарин, хороший парень, добрый. Когда я вышел с ним из колонии на улицу, он мне говорит:

- Подождем, за нами машина придет.

Сел я на чемодан, и так хорошо мне было видеть идущие машины, людей. Стрелок со мной разговаривает, как товарищ:

- Может быть, пойдем пешком, не будем ждать машины?

Как бы хотелось пройти с этим парнем хоть 10 километров, но чемодан мешает.

Только через 2 часа дождались машину и поехали во вновь организованную колонию №6. Там я снова встретился с Сухановым и Чистяковым.

Меня встретили дружно, видимо, мои товарищи обо мне хорошо отзывались. Они знали, что командование колонии меня возвращает в новую колонию.

Колонию еще не успели обнести высоким забором, но окружили тремя рядами колючей проволоки, так что из колонии было видно, как люди ходят по улице. Это до некоторой степени сглаживало заключение.

Меня назначили заместителем начальника механического цеха. Он во 2-й колонии был контролером, вольнонаемным. Одновременно на меня возложили обязанность учетчика выполняемых рабочими работ и выписывать им, соответственно выработке, пайку хлеба.

Однажды вечером, я подобрал человек пять и начали петь русские народные песни. Я в институте участвовал в студенческом хоровом кружке. У тут, просто от скуки. Назавтра опять попели. К нам начали присоединяться еще любители пения. Потом появились люди, музыкально грамотные, учителя пения в школах. И они возглавили это маленькое дело. Образовался хоровой кружок, который действовал постоянно, и я был все годы им участником. Наряду с этим, организовался драмкружок, я в нем также участвовал до конца срока.

Можно подумать, что мне было весело, если песни пел. Нет, это далеко не так. Бывало, сидим на подмостках сцены во время репетиции, я посмотрю на всех, - сидят, опустив головы вниз. Думаю, вот у всех на душе тоска и горе, а все-таки во время концерта и сами оживают, хоть немного поднимаются духом и других кратковременно отвлекают от тяжких дум. В этом и достоинство самодеятельности. В самодеятельности я декламировал, пел в хору и играл в спектаклях.

Колония во время войны изготовляла ящики /тару/ под ручные гранаты и под авиабомбы и шарниры к ним.

Было много заключенных подростков. Женщины жили отдельной зоне от мужской, но общение было, так как все работали в цехах. В механическом цехе подростки работали на сборке шарниров.

Кто перевыполнит норму, тому положена добавка по 200-300 г. к гарантированной пайке. Кто плохо работает, не сидит на месте, а ходит туда-сюда, тому я не выписывал дополнительную.

Однажды мне мастер цеха говорит:

- Ты почему не выписываешь дополнительную вот таким-то?

- Потому что они не работают.

- А ты выписывай.

- За счет кого выписывать?

- С кого-нибудь сними, а ему добавь.

- Значит, у того, кто работает, у того отнять, а кто не работает, тому добавить. Так не пойдет.

Тогда эти мастера настроили одного уголовника против меня /фамилию помню, но не указываю/. Этот бандит мне заявляет:

- Ты почему дополнительную не выписываешь?

- Я выписываю по выполненным нормам. Вот, вчера у тебя было с одной дополнительной, а сегодня – с двумя вышло.

- Ты смотри, а тоя из тебя котлеты сделаю.

Дело в том, что мастера отнимали у многих честных работяг дополнительные и приписывали тем, кто их обильно угощал их передач, и дают начальнику цеха по две буханки хлеба в день. У него семья большая и он носит хлеб домой.

В данном случае я стал поперек пути не только у мастеров, но и у начальника цеха. Или я должен стать на подлый путь, или мне грозит большая беда. Угроза бандита не пройдет даром.

К моему счастью, организовалось маленькое техбюро из 2-х специалистов – технолога и конструктора. В это бюро были назначены я и Чистяков. Помещением для этого бюро служила небольшая клетушка, построенная из досок. Выложили в ней маленькую плитку для отопления. Зимой было очень холодно. Сидишь в телогрейке – сам мерзнешь и ноги мерзнут. Брезентовые чуни и ватные чулки не греют. Поднимешь ноги на плиту, немного погреешь, а только опустишь на пол, они сразу же и мерзнут. Только летом мы и оживали, работали на улице.

Проверки численности заключенных проходили утром и вечером. Полторы тысячи человек пока просчитают, больше часа простоишь на морозе. Ноги до того застынут, что просто щипать их начнет. Летом – другое дело.

Состав заключенных был смешанный: женщины, мужчины и подростки, 58-я статья и уголовники. Поэтому жизнь была беспокойная. Воровство, драки, проигрывание в карты и убийства имели место.

Однажды во время проверки летом к старшему надзирателю, проверявшему наличие заключенных, подошел подросток и говорит:

- Гражданин начальник, я убил самоохранника.

- Что ты мне глупости говоришь?

- Я вам говорю, что я зарубил самоохранника такого-то. Идите, посмотрите в бараке.

Охранник побежал и убедился, что он, верно, топором сзади рубанул самоохранника /тоже заключенного/ по затылку.

Вот так, «геройски» убьет и доложит о содеянном.

Ночью зимой около кузницы был убит подросток. Когда я утром пошел посмотреть это место, то увидел только отпечаток головы на снегу, кровь на снегу и брызги крови на стене. Били ломиком по голове. В кузнеце в эту ночь работал кузнец – молодой немец лет 25-ти. Хороший, добросовестный парень. Жившие против кузницы подростки показали, что Гильдебрант /фамилия кузнеца/ ночью с ломом выходил на улицу, и что он убил мальчика. Гильдебранта забрали в тюрьму. Перед отъездом он зашел к нам в барак и сказал:

- Товарищи, если со мной что случится, я не виновен в смети мальчика.

Три месяца длилось следствие, пока сами подростки не разгласили, что они его убили. Какая причина? Наверное, проиграли в карты.

Начальник литейного цеха Иванов был проигран в карты. Когда он узнал об этом, стал носить нож для обороны. Начальство колонии за этот нож посадило его в карцер.

Ножей при себе в колонии носить не положено. Из карцера его направили в Захламино, так тогда называлась стройка нефтеперерабатывающего завода. Там на этого проигранного Иванова было покушение, во время самообороны он убил несколько нападавших. Его отправили в штрафную колонию. Дальнейшую судьбу его я не знаю. Но думаю, хорошей не была.

Пошел уже 2-й год, как меня оторвали от семьи. Страшно думать, что происходит с ней без моей помощи. В своем воображении я ясно представлял все претерпеваемые ими мучения. Лишились квартиры, жена лишилась места работы. На руках двое несовершеннолетних детей, мать преклонных лет.

На душе у меня гнетущая тоска. И вот у меня появилось какое-то желание высказать свои чувства и переживания в стихотворной форме. Хотя я не обладал этой способность, но нахлынувшие воспоминания о мальчике-сыне, которому в то время исполнилось 3,5 года, пробудили меня написать обращение к нему такого содержания. Оно не складно по форме, но верно по существу. В нем я выразил душевное состояние и настроение того времени.

МОЕМУ СЫНОЧКУ ВЛАДИКУ.

Уже прошел тяжелый год,
Как сон кошмарный провалился,
Творец страданья и невзгод
От нас навеки удалился.

Кто знает, сколько еще лет
Суждено нам трудность испытать,
Быть может годы, быть может нет…
Не будем прежде изнывать.

Томимы думой о семье родной,
Боль ран душевных заглушая,
Иду я снежной лагерной тропой,
О милых детях вспоминая.

Немая тишина кругом.
Воздух свежий, прозрачен и чистый,
Блестя в эфире серебром
С неба падают снежинки.

Ничто меня так не волнует,
Ничто меня так не влечет,
Как ты, мой мальчик милый,
Мой сын, мой Владик, мой родной.

К тебе направлен ум и силы,
Мой славный крошка, мальчик дорогой,
В глазах моих твой образ милый,
Наивный, детский и простой.

Я помню семейные прогулки,
Московку, лес, траву, цветы,
Аромат полей душистых,
Твой голос детской красоты.

Я жалел твои детские ножки,

Верхом на шею поднимал,
И где неровные дорожки,
Собой лошадку заменял.

Твой детский лепет и забавы,
Под березкою у гряды огурцов,
Давал мне миг счастливейшей отрады,
Его я слушать был всегда готов.

Сестренка милая Светлана
Оставалась часто тебя оберегать,
Чтобы в минуту жизни трудную
Ты мог ей помогать.

Мне слышен голос твой и слово «папа»,
Что говорил ты для меня,
Но вот пройдет годов немного,
Оно безразличным станет для тебя.

Ты папу своего забудешь,
Но в этом ты не виноват,
И только по рассказам мамы будешь
Мое ты имя вспоминать.

В глубине твоего сознанья
Еще теплится память обо мне,
Как огонек в глубокой тьме мерцая,
Он зовет меня к тебе.

Словно путник, сбившийся с пути,
Тот огонек боюсь я упустить из виду,
Хочу с тобой я быть, к тебе сынок, идти,
Пусть милый огонек укажет мне дорогу.

25 февраля 1944 года. ИТК №6.

Культорг литейного цеха был проигран и за ним днем гнались с топором. Но он успел забежать в охранную будку. Теперь он спасся.

Мастер никелировочного отделения, техник по образованию, подвергся покушению от подростка, который работал у него в отделении. Это подросток был не особо трудолюбив. Мастер заставлял его работать. Он обозлился на него за это. Мастера отправили в Захламино. И этого подростка тоже. И вот, до нашей колонии дошел слух, что он подкараулил мастера и сзади ударил его топором в голову.

В нашей колонии бывали страшные бандиты. Например, был такой случай. Происходило это летом. Комендант Овечкин /заключенный/ спал под навесом около барака. Всего их там спали 3 человека. К ним тихо подошел с топором уголовник Орлов, который имел срок 10 лет. Подошел к Овечкину – два удара топором по лбу – и человека нет. Овечкин срок-то имел всего 3 года. Статья бытовая, москвич. Тихий был человек. Но ведь должность-то какая – комендант! Это значит, наблюдал только за чистотой в колонии. Ну, а что бандит? Спокойно пошел к карцеру. Дежурил у карцера молодой парень – самоохранник. Ночь была лунная. Видит, что к нему с топором идет Орлов, а его все знали и опасались. Парень стоит ни жив, ни мертв.

- Ты меня не бойся, - сказал Орлов, - я тебя не трону. Отпирай карцер и сади меня. Я зарубил Овечкина.

Вот так хладнокровно заявляет о совершенном тягчайшем преступлении. А что ему бояться и опасаться суда, он уже имеет срок 10 лет. он может сколько угодно убивать людей – больше того, что он имеет , ему не дадут. Такой был странный закон.

Наутро я видел, как его из карцера повели к машине для отправки в тюрьму. Он, заложив руки назад, бодро идет, подняв голову кверху.

Кроме основной продукции на оборону, в колонии изготовлялись кровати с ромбическими сетками и никелированными спинками, изготовляли замки, лили тазы из дюралюминия. Значит, работал цех малярный и цветного литья.

Производство широкого профиля, а технолог я один. Нужно составлять нормы расхода красок, алюминия, разрабатывать технологию литья. Однажды приехал начальник производства УИТЛК ст. лейтенант Лялин. Предъявил мне очень сердитые претензии, что я плохо слежу за расходом краски… Я говорю:

- Мои нормы расхода правильные, я их очень внимательно разрабатываю.

- А вот я их проверю, тогда увидим.

Начали проверять… Растворил я краски до такой густоты, какой он требовал.

-Достаточно? - спрашиваю я.

- Да, давайте красить.

Покрасили окунанием в ванне. Получилась норма расхода больше, чем у меня. Тогда я говорю:

- Хорошо, будем работать по вашей норме.

- Нет, работайте по прежней.

Во время войны, да и после еще долго, отливали тазы из алюминия, вернее, из смеси чистого чушкового алюминия и дюралюминия, это делали из выбывших из строя самолетов. Сам таз весил около 2,5 килограмм, да литник такой же, т.е. вся отливка весила около 5-ти килограмм.

И вот, однажды, в недоброе утро пошел брак. Рыхлая отливка. На поверхности таза мелкие-мелкие раковины. Я руководствовался книжкой по технологии алюминиевого литья автора Трахтерова. Я ее изучил, что называется, от корки до корки. Все выдержал. Работало две печи, около тонны расплавленного металла в каждой. Обновил и проверил всю шихту. Ее температуру. Обновил покраску кокилей, установил их температуру, а брак идет. К концу смены приезжает Лялин. Посмотрел на гору брака, да как закричит на меня:

- Не ешь, не спи, а брак ликвидируй!

А сам уехал. Нужно понять мое состояние. Весь день у печей. От газа разболелась голова. А больше всего меня одолел страх. Ведь моя статья 58-я, снова могут приписать вредительство. И ночная смена прошла со сплошным браком, ни одной годной отливки. Действительно, я не спал и не ел, а брак не ликвидировал. Выросла гора брака выше цеха. Через каждые 10 минут отливки от 12 кокилей – брака 12 отливок.

Утром, в начале дневной смены, приезжает Лялин с инженером – специалистом по литью цветных металлов, работающим на авиазаводе по отливке деталей самолетов. На груди у него значок лауреата Сталинской премии. Я обрадовался, но в то же время и страшно было. Если он укажет причину брака, происшедшего по нашей вине, то мне не поздоровится.

Он проверил шихту, температуру печей, обновил каску на кокиле. Опыт проводил на одном кокиле. Начал лить. Первая отливка – брак, вторая тоже. Так до 10 отливок – все брак.

- Довольно, - говорит специалист, - все ясно. Пойдемте в контору.

Начал вести беседу с нами по алюминиевому литью. Как я ни устал от бессонной ночи, 2-х смен около печей и кокилей, от газа болела голова, но записывать я начал каждое его слово, как стенограф. А записывать хорошо конспекты я научился в институте. Ну, а уж тут и поневоле запишешь все, что в твоих силах. Записывал все и думаю – все,

что я знаю из Трахтерова, и все я это выполнял. Ничего нового он не сказал. А он, окончив беседу, говорит:

- Ну, вот и все. А теперь вы меня спросите – «Что же нам делать?» Я и сам не знаю. У нас на авиазаводе тоже так случается – пойдет сплошной брак. Все выдерживаем по технологии, а брак идет. Тогда мы останавливаем цех на 4 часа, потом снова запускаем, и брака не стане. Вы остановите цех на одну смену, а потом снова начните.

Мы так и сделали, и брака не стало. Почему так получается, я до сих пор не могу понять и не знаю. Но, что этот специалист спас меня от большой неприятности, это совершенно ясно.

Лялин часто навещал колонию. Однажды, он заявился в маленькую нашу конторку вместе с капитаном-военпредом. Начал ко мне придираться, что у меня технической документации нет, что не оформлены технологические процессы. Сколько можно терпеть! Я ему резко ответил:

- Каково производство, такова и технология. Работает полторы тысячи человек, а технический работник один. Разве может один все успеть? Да по Сеньке и шапка.

Он на меня уставился глазами, а военпред быстро вышел из конторки. Лялин стоит передо мной и молчит. Открывается дверь, показывается голова военпреда, и он, обращаясь к Лялину, говорит:

- Семен Яковлевич, пошли.

И Лялин вышел. Тут только до меня дошло – как это черт попутал меня сказать6 «По Сеньке шапка». Теперь, непременно, меня в этап отправят. Но разве я знал, что он Семен! Время шло, но ничего плохого ко мне не предпринял.

К зиме мне жена передала валенки. Вижу, что не эти валенки она мне передала – малого размера, белые, головки загнуты кверху. Но кто обменял на вахте? Конца не найдешь. Уговорил кладовщика, он мне обменял на подходящие. Теперь и я с валенками.

В колонию прибыл заключенный – бывший главный конструктор ЦАГИ – Оттен Петр Леопольдович, из группы А.Н.Туполева. Вся группа Туполева в течении 3-х лет помещалась в отдельном доме. Их отправили в Москву, а этот, по фамилии – француз, хотя по-французски говорить, кажется, не мог, а по-русски говорил чисто. Его оставили досиживать присужденный ему срок.

Стали в нашем маленьком техбюро два конструктора и один технолог. Оставаясь наедине с Оттеном, я спрашивал его о том, что якобы, как говорят в народе, Туполев продал чертежи на самолет.

- Это надо продать целый вагон чертежей, - сказал Оттен, - что совершенно невозможно.

Все руководящие работники жили в отдельном бараке. Помещалось в нем человек 80. посреди барака была выложена большая плита. На ней готовили кашу и сушили валенки. Наложат валенки на плиту, прижимая к кирпичной трубе, до самого потолка. Иногда эта куча сваливалась, и валенки оказывались сырые и холодные на полу. В основном жили здесь инженеры, врачи, педагоги, бухгалтеры, экономисты, в большинстве 58-я статья. Среди уголовником мы считались фашистами. Когда кто-нибудь спрашивал какого-нибудь блатного, где живет кто-то, он покажет пальцем и скажет:

- А вот там, где фашисты живут, - по их мнению, мы-то фашисты, а они, хоть и воры, но советские люди.

Каждую неделю у нас бывал «шмон» /обыск/. Неожиданно появляются в дверях надзиратели и кричат:

- Выходите все из барака.

При выходе обшарят тебя. Когда возвращаемся в барак, то видим – вся постель перевернута, перетрясена. Если где-нибудь в щелочке тумбочки был маленький обрезок из ножовки, которым мы отрезали хлеб, то его обязательно найдут и заберут. Удивительно то, что в цехах и молотки, и топоры есть, а вот ножичек, чтобы отрезать кусочек хлеба, держать нельзя…

Находясь годами в колонии, обнесенной высокими заборами с колючей проволокой, не видя нормальной жизни людей, природы, человека радует всякое маленькое явление. Однажды к нам в барак во время зимней бури залетели два воробья. Как мы были все рады! Ведь это с воли дорогие наши гости. Каждый старался бросить им крошечку хлебы. Как приятно видеть у себя около ног на полу крошечных прыгающих пташек. За зиму они так привыкли к нам, хоть бери их в руки. Только приходим с работы, так каждый ищет – а где наши друзья.

Прошла зима, наступил март месяц. Стало пригревать солнце. И вот вечером все решили – завтра их выпускать на волю. Настал воскресный день. Открыли настежь двери. Ждем. Ну, думаем, сейчас они вырвутся из заключения. Не тут-то было! Воробушки и не думают вылетать. Вооружились полотенцами и начали их выгонять. Летают мимо дверей, но на улицу никак вылетать не хотят. Наконец, нам удалось их выдворить… После этого нам стало скучновато. Было все таки маленькое развлечение.

Был еще такой случай. Шел я в литейный цех. На крышу конторы сел голубь. В колонии вообще ни разу не появлялся голубь. Подростки /заключенные/ стали бросать в него камни. При моем подходе к цеху, голубь с конторы прилетел и сел на открытую дверь литейки. Я протянул руку и спокойно взял его. Голубь, видно, был домашний. Принес я его в барак. Приблизил к лицу, он клювом своим тянется к моему рту. Так, видно, приучили его подкармливать. Стал он в бараке жить. Все его подкармливали. Как хорошо, живая, вольная птица вместе с нами. Прошло какое-то время, то один, то другой стали высказывать недовольство – голубь оставлял после себя следы то на одеяле, то на подушке. Стали его поругивать. Жаль мне его. На улице зима, мороз. Выпустить его на мороз – он может замерзнуть. Узнаю при разговоре с вольнонаемным начальником производства Степановым, что он держит голубей. Предложил я ему его. Он согласился и взял его в свою стаю. Так голубь снова попал в руки. Я был доволен, а в бараке снова стало скучно…

Однажды, откуда-то забрела к нам кошка. Ну тут уж все принялись создавать ей условия для жизни. Поставили среди барака ящик, постелили постель. Она была котная. Появились на свет четыре котенка. Ну, совсем развелся у нас животный мир. Все были довольные и радовались этому явлению. Проходя мимо, обязательно останавливались и гладили их. Ну, уж в пищи они не нуждались. Котята подросли, стали очень красивые, и мы их всех отдали вольнонаемным.

При оборудовании колонии, чудом уцелело одно дерево – ива. Каждое лето она своей зеленой листвой ласкала наш взор и напоминала природу на воле. И вот, однажды появились на ней крупные гусеницы величиной с палец. Они начали пожирать листву. Как только мы это заметили, принялись ее спасать. Длинными шестами с подвешенными и подожженными тряпками поджаривали, сбивали с веток гусениц. И не успокоились до тех пор, пока не уничтожили всех гусениц. Так дорого было для нас это дерево.

Во время праздников администрация устраивала слет отличников, где приходилось и мне бывать. У меня сохранились на память о том времени книжки отличника. Иногда моя фотография вывешивалась на Доске почета.

Как на воле я всегда занимался рационализацией, так и здесь вел дела БРИЗ. Вот, я иду по механическому подсобному цеху. Работает пожилой человек, токарь высокого разряда по фамилии Быков. Статья у него 58-я, срок 10 лет. Бывший рабочий, как он сказал, Путиловского завода. Теперь это Ленинградский паровозостроительный завод. Спрашиваю, что-нибудь своего него сделано здесь по работе. Он глуховат, но понял и говорит:

- А вот, это мое приспособление, я сам сделал и пользуюсь им.

Я зарисую его приспособление, опишу, как прежде было, подсчитаю экономию, составлю от его имени заявление и дам ему на подпись. Проведу через техсовет и передаю начальнику производства, а тот в УИТЛК. Быков получил 100 руб. премии.

Или такой случай. Рабочим по электрической части автомобиля был Петр Клейменов. Между прочим, их было 2 родных брата, еще Иван Клейменов, специалист по общему электрооборудованию цехов, оба по 58-й статье со сроком по 5 лет. Так вот, зашел я к Петру в его маленькую рабочую клетушку и спрашиваю:

- Петро, есть ли у тебя здесь что-либо свое, примененное в работе?

- А как же, вот это я сделал сам и пользуюсь этим приспособлением.

Узнаю, как до этого приспособления работал. Описываю, оформляю предложение, и Петр получает 90 рублей премии. Интересно, после этого встречает меня Петр и подает мне 10 рублей.

- За что это, Петр?

- А за то, что без вас я никогда бы не получил эту премию.

- Знай, Петр, я всю свою жизнь помогаю рационализаторам и считаю это своим долгом. Никакого вознаграждения от вас мне не надо.

- Ну, спасибо, за это, товарищ Кремнев!

И много было еще таких случаев. Сам также подавал рацпредложения. И вот, в одно время УИТЛК созывает собрание ведущих ИТР – заключенных со всех лагерей и колоний Омска. На это собрание попал и я. После доклада начальника УИТЛК от заключенных дали мне слово. Начальник производства нашей колонии Степанов мне шепнул:

- Иди и выступи, это твой конек.

В своем выступлении я отметил некоторых ИТР других колоний, о которых я прослышал, и сказал, что надо больше помогать людям пытливым в продвижении их предложений и соответствующем поощрении. В конце собрания был объявлен приказ УИТЛК о премировании меня 250 рублями, это единственного из всех присутствующих.

Спинки рамок кроватей красили нитроэмалевой краской окунанием в ванну. Однотонность покраски выглядит некрасиво. Желательно сделать красивее. Разбавителем краски служил ацетон, а в его отсутствии уайтспирт или скипидар.

Подбирая допустимую концентрацию скипидара, я обнаружил, что после высыхания на спинках остаются темные пятна, напоминающие ореховое дерево. Это меня так обрадовало, что я торжественно воскликнул:

- Победа!

На следующий день показал это начальнику колонии Оксу Борису Осиповичу. Он, решив воспользоваться этой новостью, обзвонил в УИТЛК, что он достиг такого результата, что раскраска под орех возможна будет без применения специальных красок. Приехал Лялин, видит, что я занимаюсь красками, спрашивает:

- Ты получил краску под орех?

- С красками я занимаюсь.

Он молча отошел. Я сразу понял, что начальник похвастался. Через неделю я стал внимательно смотреть и заметил, что на месте темных пятен появляются пустоты. Скипидар разрушает краску. Вся моя работа была напрасна, а начальника постигло глубокое разочарование и неудобство перед начальством УИТЛК.

В бараке, беседуя с одним бухгалтером, я поделился с ним мыслями, что не знаю, как делать веселую окраску спинке кровати. А он мне говорит:

- Да это очень просто. Возьмите кусочек бересты, зажгите ее, она будет гореть и выделять густую струю черного дыма /сажу/.На свежевыкрашенную спинку, еще не засохшую, направьте этот дым и ведите, изменяя в разных направлениях. Вот и получится красиво раскрашенная спинка. Сажа впитается в краску и никогда не смоется.

Назавтра я проделал такой опыт, и прекрасно получилось. Оформил я это предложение от имени автора, и бухгалтер получил денежную премию. Для меня это был двойной интерес – что разрешился вопрос красивой окраски спинок, а второе то, что бухгалтер помог в разрешении технического вопроса, что в моей практике впервые встретилось.

Малярка, где красились кровати, размещалась в кирпичном корпусе с трех сторон без окон, только в одной стене проложена дверь и одно окно. Никакой вентиляции. Испарение ацетона создает удушье. В малярке красят, обычно, женщины. При входе, минут 15 душит кашель, а потом кашель прекращается, организм как бы привыкает. Часто женщины падали в обморок, и их на носилках уносили в барак. Никакой тебе охраны труда.

Здоровье мое начинает слабеть. Заболела десна около зуба. Боль все больше и больше усиливается. Увеличилась опухоль, кушать стало нельзя. Зубной врач, молодая вольнонаемная женщина, сказала, что у меня авитаминоз. Зуб надо удалять.

- Ну, что ж, удаляйте.

Удалили один, потом другой - третий, так и пошло.

Почему-то чувствовалась все время слизь во рту… Так хотелось чего-нибудь освежающего, кисленького.

Было на территории лагеря маленькое подсобное хозяйство – лук и грядки огурцов. Ведал этим хозяйством наш заключенный, бывший директор совхоза, по образованию агроном – Мерлин Александр Ефимович. Сидел тоже по 58-й статье. Срок 8 лет. Я не знаю, кому шли эти огурчики и лук, но заключенным они не попадали. Наши кровати были рядом, жили мы с ним дружно, часто вели откровенные беседы, верили друг другу. И вот, несколько раз вечером приду к нему на огород, сидим на земле, я вижу грядки, они хорошо ухожены. Как хочется съесть хоть один огурчик, но он же не предлагает, а просить я не могу. И так я ни одного огурчика у него не попробовал. В душе я был на него за это злой.

В разговоре с инженером, азербайджанцем Нурдиновым Алексеем Алексеевичем, сидевшим по 58-й статье сроком на 10 лет, я упомянул, что хорошо бы поесть хоть немного кисленького. Он работал в какой-то лаборатории.

- А я тебе, Владимир Ефимович, дам лимонную кислоту.

Дал мне несколько камушков. Я стал их дробить и небольшими кусочками класть в стакан с чаем. Так хорошо стало во рту. Я и стал принимать эту кислоту. То ли от этой кислоты или еще от чего, не знаю, появились острые боли в животе. Периодически, то возникает сильная боль, длится часа полтора и прекратится. При болях не мог находиться на работе, иду в барак и лежу до исчезновения боли. Так я долго мучился, пока один немец – Шульц, тоже 58-я статья – не подсказал, что делать. В то время был открыт ларек внутри колонии, где продавали заключенным молоко.

- Покупай молоко, квась и ешь простоквашу.

Я так и поступил. Ежедневно пил простоквашу. Прошло какое-то время, я не помню, и боли прекратились. К врачам я не обращался.

Питание в колонии было слабенькое. Если во время войны иногда попадали коровьи губы, уши, потому что давали продукцию оборонного значения, то после войны – одна баланда и каша из жмыхов от льняных семян. Сначала, после одной баланды, при появлении в колонии плиток желто-оранжевого цвета /льняной жмых/, мы так обрадовались, что даже с машины стали воровать. Я тоже стащил одну плитку. Положил под подушку , отламывал кусочки и грыз их. Но, вот как пошла каша из этих плиток и утром, и в обед, и на ужин, и больше ничего… Так продолжалось несколько месяцев. Невозможно представить, как она опротивела всем, даже глядеть на нее не хотелось, не только есть.

Такая же ситуация получилась с рыбой скумбрией. Прекрасная рыба, мясистая и на вкус хорошая. Но она была единственным блюдом круглые сутки в течении почти 6-ти месяцев. Как она надоела! Уже после выхода на волю я не мог без отвращения глядеть на консервы из скумбрии в магазинах. Вот так, прекрасный пищевой продукт можно превратить в противный и нежелательный для человека. Но голод не тетка, будешь есть все, что подадут.

Внутри колони были расположены погреба для хранения овощей и продуктов. Около погребов нарос бурьян.

Я иногда вечером после работы зайду в этот бурьян и погреюсь на вечернем солнышке. Старался быть незамеченным стрелку на вышке. Но, однажды, когда я поднялся, стрелок меня увидел, направил на меня винтовку и кричит:

- Иди сюда!

Повинуясь ему, я пошел по направлению к вышке. Когда я подошел близко к вышке и запретной зоне, он крикнул:

- Стой! – а сам винтовку держит, направленную прямо на меня.- Я могу тебя застрелить, ты будешь у меня на брюхе ползать.

Сам материт меня. Молниеносно я сообразил, что я наделал. Дурак, семь лет сижу в лагере и знаю, что нельзя быть около запретной зоны, стрелок может смело стрелять безнаказанно. Он на меня кричит, а сам поглядывает куда-то вдаль. Я оглянулся и увидел – идет охранник. По национальности татарин. Этот охранник был добрым для заключенных. Он взял меня за руку и повел от запретной зоны.

- Как ты сюда попал? – спрашивает меня. Я ему объяснил, как было дело. – Ну, ты грейся, только стрелку на глаза не показывайся.

У нас в колонии был такой случай. Один подросток-заключенный был застрелен у запретной зоны – якобы пытался убежать. После я уже сообразил, ведь, если бы я не пошел к стрелку, он, наверное, не имел права стрелять. Это был для меня страшный урок.

Появился в нашей колонии оперуполномоченный НКВД, некто Арбузов. Начал он карьеру с того, что, если у заключенного по 58-й статье кончался срок, он заводил на него снова дело. Подбирал лжесвидетелей, а такие находились среди заключенных, и снова – суд и второй срок.

Меня не касалось это дело, и я подробно ничего не знал. И вот, однажды, меня вызывают к оперуполномоченному. Я знал, что этот вызов для меня принесет только одни неприятности. Но, куда денешься – пойдешь. Вижу, у него нас столе лежит печатный бланк «Протокол допроса обвиняемого». Мне осталось находиться в лагере еще 2 года… Вот, думаю, снова начинается. Наверное, это несчастье никогда не кончится.

Смотрю, он слово «обвиняемого» зачеркнул и написал «свидетеля». Мне стало немного легче, но, как говорится, хрен редьки слаще. Между Арбузовым и мной произошел такой диалог:

- Ты Мелика знаешь?

- Да, знаю, уже 4 года живу вместе с ним в бараке.

- Ну и как ты находишь его?

- Это хороший агроном.

- Какой он агроном /нецензурное выражение/! Это самозванец!

- Нет, - говорю, - это хороший агроном. Я сам видел, в какой порядке у него были грядки огурцов и лука.

- А вот он вам продавал гнилую картошку?

- Нет, не гнилую, а сырую. Когда ее привезли и свалили, он видит, что она мокрая, а хранить ее ему негде. И он, по согласованию с администрацией колонии, распродал заключенным. Я тоже купил тогда ведро, высыпал под кровать. Она просохла и я ее съел. А если бы она осталась у него, то сгнила бы.

Арбузов записывает, что я говорю. Но, что он пишет, мне не видно – далеко.

- А во, когда был Указ о введении ордена «Мать-героиня», пять человек читали газету, в том числе и ты был. Сажин спросил, где она будет его носить, а Мерлин рукой показал, где будет носить?

- Нет, гражданин начальник, этого никак не могло быть, потому что газету читаем только по одному человека и молча передаем другому. Никогда не делимся друг с другом, что читаем.

Арбузов записывает и задает третий вопрос, вернее, утверждение, что это было:

- Когда Сталин выступал перед выборами в 1946 году по радио, Мерлин выключил радио?

- Нет, этого никак не могло быть. Чуть не за полчаса мы знали, что будет выступать Сталин. Все были уже в бараке, молча сидели каждый на своей кровати. Во время речи Сталина мы даже не глядели друг на друга. Когда Сталин кончил речь, мы еще несколько секунд посидели, сразу все поднялись и пошли из барака.

Арбузов опять записал мои слова.

Дает мне подписать протокол допроса.

Я, уже по прошлому опыту зная их дела, стал читать и вижу, что он написал не то, что я говорил, а то, что ему хотелось. Тогда я ему говорю:

- Гражданин начальник, вы написали не то, что я говорил.

- Так что, ты не хочешь подписывать?

- Нет, я подпишу, только вы напишите, как я говорил.

В ответ матерная ругань. Потом говорит:

- Вон отсюда, без тебя обойдемся.

И я вышел.

После этого ни писем от семьи не пропускали, ни свиданий, когда приезжала жена, мне не давали.

Мерлину оставалось сидеть 8 месяцев.

Жаль мне его, и хочется сказать ему о случившемся, но опять думаю, а вдруг это какая-то провокация.

От них можно всего ожидать.

Со мной в бараке жил Василий Цупиков. У него была статья от 07.08.1932 г. со сроком 10 лет. Раньше, еще до заключения, он жил в соседнем доме о мной. С ним я был в хороших отношениях. И захотелось мне поделиться с ним печальной новостью.

- Вася, говорю, меня вызывал оперуполномоченный по поводу Мерлина.

- И меня вызывал, - говорит Цупиков.

Тогда я его спрашиваю:

- Ты подписал протокол?

- Подписал.

- А ты читал, что он там написал?

- Нет.

- Так ты же, Вася, топишь человека ни за что. Ведь он там написал не то, что ты говоришь, а совсем другое. Я ведь не подписал протокол потому, что он та написал совершенно не то, что я говорил. И он за это выгнал меня из кабинета.

У Васи образование ниже среднего. Простой человек.

- Что же мне теперь делать.

- А теперь, Вася, повезут тебя на суд. И на суде ты покажешь то, что у тебя есть на самом деле. Ты не знаешь, что там написано, поэтому покажи, только действительно, как ты его знаешь, тогда ты будешь прав.

Мерлина увезли в тюрьму, а еще позднее я узнал, что его судили и снова дали ему 8 лет.

Прошло какое-то время, меня снова вызвали к оперуполномоченному. Вижу – оперуполномоченный не Арбузов, а другой, который 4 года тому назад был у нас оперуполномоченным. Я знал его как хорошего, добросовестного человека. К заключенным он относился по-человечески. Я обрадовался, что это не Арбузов, а еще больше тому, что с ним вместе сидит прокурор по надзору. Уж теперь запишет то, что я скажу.

Задает мне те же самые вопросы, что и Арбузов, да еще кое-то добавил. Все по делу Мерлина. Он записал мои показания. В протоколе я прочитал то, что говорил. Я подписал со спокойной совестью и вышел.

Стал говорить с Цупиковым, рассказал, как было дело, а он мне говорит, что его вызывали и накричали, что раньше у оперуполномоченного говорил одно, а теперь другое… Так и должно было получиться, ведь он не знал, что написал в протоколе Арбузов.

Собрали нас 12 человек, посадили в машину и повезли в города. Поместили в коридоре и по одному начали вызывать. Меня вызвали последним. Идет суд. В глубине сцены сидит Мерлин. Впервые я его увидел после колонии. Уже 5 месяцев он находится в тюрьме. Вид у него куда хуже, чем был в колонии, когда он работал на подсобном хозяйстве.

Увидев меня, он кивнул головой, как бы спрашивая меня, за или против я буду говорить. Я не знал значения этих взмахов головой, но кивнул ему в ответ.

Показываю суду, что из себя представляет Мерлин. Говорю:

- Я злой на него, мне так нужно было съесть хоть один огурчик, но он не дал. Но он поступил правильно.

Охарактеризовал его положительно.

После этого выступил прокурор.

- Обязанностью прокурора является не только обвинять подсудимого, но и помогать суду разбирать дело по существу. Моя помощь будет такой, что я отказываюсь от обвинения.

Потом выступил адвокат:

- Из 12 человек 9 высказались за подсудимого, только 3, сводя с ним личные счеты, клевещут на него. Я предлагаю привлечь их к ответу за клевету.

Спрашивают Мерлина, будет ли он возбуждать против клеветников дело. Мерлин отрицательно машет головой.

Суд постановил: оставить в силе прежний приговор, досиживать ему осталось 3 месяца, а новый приговор, где ему давалось еще 8 лет, отменить.

Не прошло еще и 3-х месяцев, как я получил открытку от Мерлина с какой-то станции, название не помню. Он пишет: «Дорогой Владимир Ефимович, я уже на свободе. Получил чистый паспорт, куда хочу, туда и еду. Купил корзину вина, вот сижу и пью. Теперь я убедился, что есть хорошие люди».

У Мерлина родной брат – армейский полковник, живет в Ленинграде. На войне потерял ногу. Когда он узнал, что его брат вторично осужден, он немедленно приехал и обратился к начальнику областного НКВД, полковнику Захарову, с помощью которого и пересмотрели дело Мерлина. Если бы не брат-полковник, сидеть бы Мерлину второй срок, как бывало с другими осужденными.

Арбузова сменили. Заступил другой оперуполномоченный. Этот вызывает меня и дает задание – принести ему цифровые данные по экономике колонии. Я ему говорю, что я технолог, а экономические показатели у другого заключенного, у меня их нет, я не в курсе дела. Он грозно приказывает, чтоб я достал и принес их ему:

- Иди и выполняй!

Ну, что ж, думаю пойду к Беленькому. Это юрист, тоже58-я статья. Говорю ему:

- Борис Николаевич, оперуполномоченный требует вот такие-то данные по экономике колонии.

- Я не имею права давать какие-либо сведения без разрешения начальника колонии, - сказал Беленький.

Я обратился к зам. начальника колонии Трилесскому:

- Гражданин начальник, оперуполномоченный требует вот такие сведения по экономике.

- Никаких сведений не дам.

- Так ведь, требует оперуполномоченный.

- Отстань, не приставай.

Иду к оперуполномоченному. Докладываю, что Трилесский не разрешает давать эти сведения.

- Я сказал, что это для вас, но он все равно не дает.

- Ты сказал ему, что это для меня?

- Ну а как же? Мне то они зачем?

Как начал он на меня кричать, ругать нецензурно.

- Ты у меня на брюхе будешь ползать… т.д. … Убирайся вон!

Отчего он меня так? У меня появилась догадка – это наследие от Арбузова.

У нас бывали частые перерывы снабжения хлебом, иногда по 2-3 дня, и были даже по 14 дней. Кто получает передачи, те еще перебиваются, а остальные живут на одной баланде.

И вот, после такого перерыва дадут сразу хлеба дней за 5. хлеб черный, сырой, корка отстает. Многие не выдерживали, наедались, как говорится, «от пуза». В результате – заворот кишок, поносы и многие умирали. Зимой на сани, летом на машину укладывают поленницей с биркой на ногах и увозят куда-то закапывать. Умирали от дистрофии люди. Дошедшие до последней стадии истощения назывались «доходягами». Это были ближайшие кандидаты на тот свет. Они не только физически, но и психически становились ненормальными. С котелками ходят по отхожим местам, собирают остатки, потом промывают и едят.

Дочь моя Светлана училась уже в 8-м классе. Получил я от нее письмо и 3 стихотворения. Я прочитал стихи. Думал, что она выписала полюбившиеся ей стихи из каких-то произведений и прислала. Но это были ее собственные стихи. Бедная девочка, если бы я знал, сколько бы я представил ей радости своим отзывом об ее таланте, а вместо этого я был недоволен. Зачем мне здесь стихи, не до чтения стихов, когда жизнь моя стоит под вопросом. О том, что эти стихи – ее творчество, я узнал только через 15 лет, когда осмелился заглянуть в ее дневники. Как память о ней, я помещаю в записи эти стихи.

СНЕГОПАД

Морозный воздух чуть темнеет,
Спустились низко облака,
Холодный ветер тихо веет,
Снежинки гонит свысока.

Снежинки медленно кружатся,
Не торопясь на землю лечь:
С родной стихией жаль расстаться,
Нельзя свободой пренебречь.

И снова ветер, поднимая,
Кружит их роем над землей,
И вдаль незримо улетая,
Блеснет одна из них порой.

Пушистым хлопьям нет предела:
Наполнен воздух и земля
Покрыто ими, все уж бело:
Деревья, крыши и поля.

СНЕГУРОЧКА

Метель сугробы наметая,
Луна сияла с высоты:
Я шла по улице пустынной,

И страшно было мне идти.

И вдруг /откуда, неизвестно/
Снегурка прыгнула ко мне,
Сияя красотой небесной
И с парой крыльев на спине.

Она лукаво улыбнулась,
Взглянула с лаской на меня,
Потом тихонько отвернулась
И протянула два письма.

«Страданья все твои напрасны –
Читаю первое письмо –
Для сердца зло и ложь опасны,
Храни от этого его».

Я подняла глаза, хотела
Подробней гостью расспросить.
Увы… Снегурочка успела
Исчезнуть и меня забыть.

Я обращаюсь ко второму,
И лишь успела прочитать:
«Я вас люблю…» Как ветер дунул,
Я не смогла письмо сдержать.

Взлетев, мелькнуло, улетело
И тайну унесло с собой,
Осталась я без знанья дела,
Сомненьем полною душой.

Но удивленье возрастало,
И вдруг… Проснулась я.
Так вот, все это я во сне видала
И никаких мне нет забот.

В САДУ.

Сижу в саду я на скамейке,
Шумят над головою тополя
И глубина зеленая аллейки
Манит прохладою меня.

Зефир скользит неуловимо,
Взметая пух от тополей,
А солнце шлет неумолимо
Снопы горячих, золотых лучей.

А яблони, склоняясь ветвями,
Под легким дуновеньем ветерка,
Скамейку, книгу осыпают лепестками.
Похожими на крылья мотылька.

И птиц чириканье, шептание деревьев,
Прозрачного фонтана звенящая струя,
Картина жизни и цветенья
Вселяют бодрость и уверенность в меня.

Училась Светланочка отлично. Писала мне, что закончит школу с круглыми пятерками, кандидат на золотую медаль. Директор школы, будучи на курорте, прислал на школу открытку, на лицевой стороне которой написал – «Лучшему ученику», и она была вручена Светлане. Эта открытка хранится у меня в альбоме.

Заканчивает школу отлично, но вот аттестат зрелости ей задерживают, не вручают. Все ее сверстники по классу разъехались по разным местам и подали заявления в учебные заведения для продолжения образования, а она все ждет аттестат. И вот ей вручили аттестат, еще наряду с пятерками поставили две тройки и две четверки. Умышленно задержали аттестат и снизили оценки, чтобы она, как дочь «контрика», не поступила в ВУЗ. Сознавая причину случившегося, она мне пишет: «Я получила аттестат зрелости, какой я заслужила, но не по своей вине».

Еще до ареста я заготовил 5 кубометров дров при ж/д училище, где я преподавал по совместительству. Деньги за дрова были уплочены, но вывезти я их не успел. После моего ареста жена пошла в училище, чтобы получить дрова. Но ей директоручилища в грубой форме заявил:

- Контрреволюционерам мы дров не дадим!

Вот так, и осталась моя семья без топлива, а зима в 1942 году была морозная. На дворе декабрь и январь. В довершении всего, их выселили из ведомственной квартиры, лишив единственной комнаты, которую они занимали. Вынуждены были переехать в районное село Купино. Что значит переезд женщине с тремя нетрудоспособными – двумя детьми и старухой матерью! Она не могла получить необходимой помощи от людей, хотя были такие хорошие люди, которые и желали бы помочь, но страх, что их будут преследовать за связь с семье «контрика», не давал им это сделать.

Но и тут жена долго не проработала. Ее уволили по сокращению штатов и лишили жилья.

Снова переезд в г.Павлодар. Устраивается в аптеку. Зарплата аптечному работнику фармацевту была невысокая – 500 руб. /старыми деньгами/. На 4-х человек это, конечно, было мало… Было очень трудно жить, но это еще не все. Ей часто не додавали продовольственные карточки, заявляя, что карточек не хватило. Пользуясь ее положением, недобрые люди, что хотели, то и делали…

В Павлодаре опять уволили по сокращению штатов, но после ее увольнения сразу же на ее место приняли своих знакомых. Был закон, чтобы с двумя детьми не увольняли с работы, но где же тут искать закон! Он попирался во всех направлениях.

В 1947 году Светочка тяжело заболела. Мать многократно обращалась к врачам непосредственно и через печать, но никакой помощи не добилась. А болезнь все больше и больше прогрессировала. Не отказывают, и не помогают.

Тогда жена написала мне об этом в колонию. Я из колонии написал заявление на имя министра здравоохранения СССР, тогда министром был, мне помнится, Семашко.

В письме написал, что я изолирован от семьи, никакой помощи оказать ей не могу: «Вот, уже около года, моя дочь тяжело болеет, и никто из медицинских работников не оказывает ей помощи. Мы говорим – цветы нашей жизни, но при чем здесь дети, если я изолирован. Заживо гниет девушка-комсомолка 17-ти лет. прошу вашего вмешательства».

По этому письму ее сразу вызвали в Омск на консилиум, который назначил хирургическую операцию в городе Свердловске. По прибытию в Свердловск, ее в тот же день оперировали. Вот, что пишет мне врач-хирург /женщина/: « Если бы Светлану привезли в то время, когда рак развивался только внутри кисты, она была бы здорова на

100%. Вся беда в том, что ее опухоль загнила и разложилась. В настоящее время она с каждым днем тает и у нас она погибнет».

Вот так и погибла молодая жизнь. Это еще одна из многочисленных жертв сталинской эпохи.

Жене снова пришлось переехать в г.Славгород. Аптека не располагает квартирой. Поместили временно в коровнике, т.е. там, где когда-то помещались коровы. От имени сына, мальчика 10-ти лет, жена написала письмо на имя Сталина, примерно такого содержания: «Дядя Сталин, нам жить негде, помоги нам в получении жилища».

Попало ли это письмо Сталину, или нет, но из Барнаульского крайисполкома пришло указание в Славгородский горисполком об оказании помощи.

Правда, в письме Сталину не было указано, что у него отец репрессирован по 58-й статье.

Тогда в Славгороде предоставили ей для жилья кладовку.

Плохо и мне жилось. Зимой в бараке холодно, окна маленькие и те обмерзли. Я часто простужался. Спать ложился, засунув ноги в рукава пальто, но и это не согревало. А тут еще масса клопов, приходилось из матраса солому вытряхивать, а самому залезать в матрасник, завязывать его изнутри и так лежать. Но и это не спасало. Они залезали внутрь и кусали.

Когда уже все заключенные барака заявят протест администрации, назначается трехдневная газовая обработка барака.

В это время спи прямо под открытым небом. Это мероприятие проводилось только летом. Правда, после 3-х суток газовой обработки, масса клопиных трупов на полу, но все равно, через небольшой промежуток времени, они снова беспощадно ели нас.

В таких условиях я часто простужался. В одно время у меня появилось много фурункулов, на носу какое-то рожистое воспаление – так назвали врачи в санчасти. Стоя в очереди на прием у врача, я почувствовал себя плохо, и только посадили мня в кресло, я потерял сознание. Когда я пришел в себя, все лицо мое было мокрое. Это врачи брызгали на меня водой, чтобы привести меня в чувство. После это мне заключенные товарищи помогли дойти до барака.

Физически я очень ослабел, потерял сон. Спать совсем не стал: лягу и с вечера до утра ни на минуту не засну. Никуда я не обращался и в таком состоянии выполнял свои обязанности технолога. И вот, встретившись со мной, вольнонаемная врач спрашивает меня:

- Что с тобой, Кремнев?

Я говорю:

- Не знаю, доктор, я совсем не сплю.

Она говорит:

- Тебе надо утром и вечером обтираться холодной водой.

Я говорю:

- Утром обтираться – это понятно, на день бодрость придает, а вот на ночь то зачем? Я и так всю ночь не сплю, бодрый.

- Надо, - говорит.

Все-таки я усомнился. Спрашиваю у второго врача, она постарше первой. Эта то же сказала, что надо и утром и вечером обтираться. Ну, думаю, раз надо, значит, надо. Я уже превращался в «доходягу». А настроение у меня паршивое. Я сам мучаюсь и семья страдает ни за что. Жить не хочется. В то время я желал конца, но только такого, чтобы все разом, хотя бы луна свалилась на землю и раздавила бы все и вся. Но пока жив, надо жить.

Я обращаюсь к брату в Новосибирск, хотя знаю, что и на воле у них с продовольствием плохо. Прошу их: «Соберитесь вместе, помогите мне хотя бы немного чем-нибудь. Если сейчас не поможете… то потом уже никакая помощь мне не потребуется». Выслали они мне кусок свиного сала грамм 500 и с килограмм меда. Начал

принимать я в день по чайной ложке меда и маленький кусочек сала. Да к тому же, в это время администрации колонии выписала мне на месяц усиленное питание – кусочек омлета, грамм 50 в день. Омлет из американского яичного порошка.

Для обтирания холодной водой я попросил портного:

- Яша, сшей мне тряпку для обтирания.

Он взял шинельное сукно, да еще и прострочил его на машинке. Получилась не только жесткая, но и твердая тряпка.

И вот, этой тряпкой, не имея опыта, начал энергично обтираться и утром, и вечером. Через 3 дня я не только не спал, но даже лежать не мог. Все тело мое очень больно щиплет и колет. Я понял это и стал умеренно, без нажима обтираться.

Вот так, каждое утро и вечер я проводил эти процедуры. Поздняя осень, холодно, длинный умывальник стоит в пристройке к бараку на улице. А я без рубашки там занимаюсь. Слышу, голос раздается:

- Кремнев-то с ума сошел, на морозе без рубашки обтирается.

А что мне оставалось делать?

И так вот постепенно, подкрепляясь питанием и занимаясь обтиранием, я ожил. Стало лучше настроение и самочувствие. Восстановился сон.

Наступил 1950 год. Последний год моего срока. Каждый прошедший месяц на самодельном календаре я густо зачеркивал. Все ближе-ближе декабрь. Какое рдостное чувство в ожидании конца этого страшного бытия!

В колонии для освобождающихся ларек принимал заказы на приобретение необходимых предметов – рубашек, брюк, валенок и т.д. Я приобрел 3 пары валенок – себе, жене и сыну. Свои вещички да валенки заняли 2 чемоданчика, сколоченные в колонии.

И вот, 1 декабря, день, к которому я стремился 8 лет. меня вызывают на вахту с вещами. Как раз наступил конец рабочего дня. Один вольнонаемный экономист, комсомолец Коля, взялся меня проводить. На вахте дежурный надзиратель осмотрел мои вещи, открыл дверь и сказал:

- Выходи.

Трудно передать словами, какое чувство меня охватило. Видеть свободный простор – это что-то невероятное. Радость бесконечная. Но, при подписании обходной, начальник КВЧ /культурно-воспитательной части/ мне сказал:

- Ну, Кремнев, будь осторожнее, там за каждым твоим словом будут следить.

С чемоданами в руках я вышел за вахту. Комсомолец побежал вперед, чтобы задержать на остановке проходящий автобус и подождать освободившегося из заключения.

Я подошел к переполненному автобусу, пассажиры приняли у меня чемоданы, и я вошел в автобус. Встал около двери. Очень тесно. Один пассажир наступил мне на ногу и сказал:

- Извините, пожалуйста.

Я говорю:

- Ничего.

А сам думаю: «Да ты мне на голову наступи, и то я не буду обижен, у меня такая неописуемая радость». К автобусу от колонии я шел без оглядки, как бы поскорее от нее подальше и не видеть ее. Это не то, что в кинофильме В.Шукшина «Калина красная». Там освободившийся вышел из лагеря, остановился, повернулся лицом к лагерю, посмотрел, встряхнулся и пошел. Это ведь не дом родной, на который с чувством горечи расставания хочется еще разок взглянуть.

1950 – 1989 годы.
ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ.

Подъехали к остановке автобуса по направлению к вокзалу, куда мне и нужно было ехать. Стояла большая очередь.

Коля оставил меня в очереди, а сам куда-то отошел. Стоя в очереди на воле, глядя на народ, со мной творилось что-то странное. То сниму рукавицы, то надену, пуговицы пальто то расстегну, то снова застегну. Чемоданы то поставлю на пол, то возьму в руки. Непрерывно, автоматически я проделывал эти манипуляции.

Подбегает Коля:

- Пошли, я нашел такси!

И вот, распростившись с этим славным парнем, поблагодарив его, я сел рядом с водителем, а чемоданы поставили на заднее сиденье.

Такой момент в жизни невозможно забыть. Слишком резкий переход от лагеря с 3-х метровым забором, колючей проволокой и вышками, сесть на «Победу» и свободно покатиться по городу. Даже дух захватило. Просто не верилось, что это в жизни, а не во сне. Хотя и ожидал это 8 лет. трудно поверить, что я ту страшную пропасть, разделявшую лагерную жизнь от мира, перескочил.

У вокзала, расплатившись с таксистом, я стал подниматься на виадук через ж/д пути. На ступеньках сел отдохнуть.

Вот он мост, по которому я 8 лет назад шел в сопровождении 2-х агентов НКВД! Бывшая моя квартира расположена близко. Постучал в двери к соседям. Открывает дверь старушка Прасковья Васильевна. Узнала меня, воскликнула:

- Владимир Ефимович, ведь оба мои сына погибли! Миша пал на войне, а Гоша после тяжелого ранения умер дома. Живем с младшей снохой и маленькой внучкой.

Грустная картина. Сноха больна припадками, а она старая, инвалид на одной ноге. Вот она, первая встреча с людьми после войны.

Утром я отправился в милицию за получением паспорта. Милиционер, при вручении паспорта, строго сказал:

- В 24 часа чтоб тебя в городе не было.

Я говорю, что здесь работал, мне надо взять справки о работе для восстановления трудового стажа.

- А меня это не касается, и если тебя завтра встретят в городе, получишь снова статью.

Вот такая первая встреча с органами правопорядка… Чтобы не получить снова неприятность, я поехал на вокзал покупать билет на поезд. Народу в зале было очень много, и вдруг я увидел подростка, с месяц тому назад освободившегося с той же колонии, где был я. Что же, думаю, получается, почему он околачивается в привокзальной толпе. Незаметно я стал за ним наблюдать. Вот, группа подростков в форме каких-то курсантов: шинелях, шапках, валенках – все как положено. Я подумал, что это с речного училища. Трое из них расположились на полу и играют в карты. Все идет спокойно, но вот на них наткнулся этот бывший заключенный и бесцеремонно садится в их кружок. Берет у них карты, несколько непонятных мне слов, и начинают сдавать карты. Обыграв последнего, он потребовал от него что-то, но курсант стоит, опустив голову, ничего не говорит. Тогда он потребовал от него то, что написать нельзя. Курсант стоит молча, глаза опустил. Он был ошарашен наглостью и дерзостью пришедшего… Наглец некоторое время постоял, плюнул на карты, бросил их на пол, растоптал и удалился прочь.

Вот так «воспитался» в исправительно-трудовой колонии подросток… Несколько минут стояли в недоумении смущенные ребята и сели на свои места.

Получил я билет на 3-е декабря. За день я успел сходить в техникум и депо, получил справки о работе у них.

Послал телеграмму семье в Славгород: «Освободился, приеду поездом №… поздно вечером 3-го декабря».

Узнал, что заместителем директора завода, где я работал до ареста, стал, бывший при мне секретарем комсомольской организации, Иван Григорьевич Клевакин, и я зашел к нему на квартиру, которая была в том доме, где я раньше жил. Он был очень доволен, что я освободился, остался жив… Насчет справки попросил меня написать коротко о своей работе, кем я работал, и он мне вышлет по месту жительства… Так и получилось. Через неделю я получил требуемую справку.

Вот я в поезде. Со мной в купе сидели три молодых железнодорожника. По их разговору я понял, что они едут с каких-то курсов. Ведут беседу о содержании кремня, марганца, углерода в сталях, рельсах и т.д. Я стал помогать им в спорных вопросах. Ведь технология металлов – моя специальность. Не мог же я тут молчать. Они заинтересовались мной, стали спрашивать, кто я. Когда узнали, что я еду из «мест не столь отдаленных», они еще больше заинтересовались беседой со мной. Так мы вели активную беседу до самого Славгорода. За эти часы мы просто сдружились и не заметно даже прибыли на ст.Славгород. Наступила ночь.

На перроне меня ожидала жена Катя. Спутники проводили меня до тамбура, дружески попрощались и помогли мне спустить чемоданы.

Я не знаю, как описать нашу встречу. Радость безмерная. Наступил долгожданный момент. Взяли чемоданы и пошли домой. Шли молча, не разговаривая, чтобы не слышно было нас. В то время были частые ночные нападения на граждан, а тут – 2 чемодана. Могут подумать, что богатое имущество. Слава богу, добрались благополучно. Открыл нам дверь сын Владик. Ему уже 10 лет. Вот она, жилплощадь моей семьи!

Владик болел свинкой. Горло перевязано. Лежит в детской кроватке, другой нет. Теща моя, 82-х лет, лежит больная на сундуке без движения. Сознание туманное. Жена спала на табуретках. Больше ничего нет. Помещение это – бывшая кладовая. Стены камышовые, изнутри и снаружи замазаны глиной. Видны щели. Выложена маленькая плитка для отопления и приготовления пищи. Одно маленькое окошечко. Пол земляной, сверху набросаны доски. Это помещение дал Славгородский горисполком по указанию Сталина. Надо понять, где же жила до этого «подарка» моя семья? Там, где когда-то помещались коровы.

На следующий день жена узнала, что один гражданин продает кровать. Мы пошли и купили, принесли домой. Теперь есть на чем спать.

Учительница школы принесла на дом похвальную грамоту сыну, выписанную еще к 1 мая 1950 года.

Первые дни Катя уходила на работу, а я пока оставался дома. Топил плиту, готовил пищу и ухаживал за ее мамой. Мария Степановна меня признала, но состояние ее было тяжелое и через 20 дней после моего приезда ее не стало. Похоронили е скромненько. Бедная старушка, отдавшая 25 лет своей жизни учительству в деревне, вместо благодарности за свою просветительскую работу, на старости лет она получила тяжкие жизненные испытания. Это тоже благодаря сталинщине. Она много читала книг. Сталина не любила, называла его «антихристом».

Я считаю, что на дошкольное воспитание, развитие умственных способностей своих внучки и внука есть привелирующее влияние этой бабушки. Этим объясняются их успехи по учебе и в школе. Именно в возрасте до 8 лет закладываются основы для дальнейшего совершенствования умственной деятельности человека.

Хотя эта кладовка не квартира и не приспособлена для нормального жилья, но и этому я был рад, что я вновь вместе с семьей, не вижу высокого забора со стрелками на вышках, предупредительных зон из колючей проволоки, этих длинных бараков и прочих лагерных строений.

В первый день, когда жена ушла на работу, я остался один дома. Мне очень хотелось хоть несколько дней побыть дома, а потом уже заняться пропиской и устройством на

работу. Уходя, жена мне показала, где уголь и дрова на растопку, находящиеся в сарайчике хозяина дома. Что это за топливо! В уголке насыпано с полмешка угольной пыли и небольшая кучка березовых сучков для растопки. Слезы, а не топливо. Вижу – нельзя медлить, надо скорее устраиваться на работу и добывать топливо. Зима еще в разгаре.

Через пару дней пошел в милицию на прописку. Предъявил свое свидетельство об освобождении и паспорт. В паспорте указана такая знаменитая серия, с которой можно прописаться только в определенных районах и городах. Меня спрашивают, почему я приехал в Славгород.

- Потому что здесь проживает моя семья.

- Но ведь вас на работу не примут.

- Почему не примут? Я инженер по обработке металлов, имею большой опыт. Двадцатилетний стаж по работе на производстве, думаю, что на заводе такие специалисты нужны. Здесь есть механический завод, попытаюсь поступить на работу на этот завод.

Получил прописку. Пошел на механический завод. В проходной в этом же доме помещается начальник отдела кадров. Он же секретарь парткома. Обращаюсь к нему в окошечко. Когда он узнал, кто и что я, дал мне анкету для заполнения. Я посмотрел – анкета весьма обстоятельная, включающая самые-самые подробности твоей жизни. Где родился, социальное положение, судим, не судим, если судим, то по какой статье и прочее, и прочее. Взял и пошел домой заполнять.

На следующий день принес анкету. Начальник в окошечко принял у меня анкету и сказал:

- Придите завтра.

Пришел я назавтра. Повел он меня к директору. Я уже узнал, что этот завод изготовляет только одну продукцию – грузоподъемные полутонные и тонные тали… Продукция не мудреная, завод не большой. Я в лагере работал по выпуску гранат, бомб, тары для них, а тут – тали… Продукция сугубо мирная. Ничто, по-моему, не могло служить препятствием для моего приема на работу.

В кабинет директора по фамилии Комаров, в присутствии начальника отдела кадров и еще двух человек, мне не известных, посадили меня на диван, а сами сидят вокруг стола. Внимательно глядя на меня, стали спрашивать:

- Расскажите, что произошло, за что вас посадили?

- Ни за что,- говорю.

- Ну как это ни за что, 8 лет отсидеть и 5 поражения в правах, это что-то значит.

- Вот, вы мне не верите, а я вам говорю правду, а неправду на себя говорить не буду. Пришли ночью и увели.

Рассказал, где и кем работал. Тогда директор говорит:

- Придите завтра, мы вам скажем результат.

Назавтра я пришел. Начальник отдела кадров выбросил мой листок и сказал:

- Вам отказано.

Вот так первая попытка увенчалась неуспехом… В этом городе есть еще завод по выпуску прессов. Ну…это не тали, а уже целый агрегат. Завод посолиднее механического. Попробую обратиться туда.

Жена мне писала в колонию, что она встретила пожилого человека по фамилии Куликов, который работал со мной одновременно на Омском ПВРЗ. Он ей сказал:

- Как только освободится Владимир Ефимович, пусть придет на наш завод, я помогу ему устроиться на прессовом заводе.

Он в то время там работал.

Когда я в проходной завода спросил, как бы мне увидеть Куликова, мне ответили, что он лежит в больнице. Ну, что ж, думаю, попытаюсь без него. Неудобно к больному человеку обращаться с просьбой. Обращаюсь к начальнику отдела кадров:

- Желаю поступить на работу.

Объясняю ему, кто я есть. Он спросил, по какой статье я сидел. Отвечаю, что по 58-й.

- Нам не надо, - кратко ответил он…

Я подумал, тебе не надо, а главному инженеру – надо.

Беру пропуск к главному инженеру. Он, ознакомившись с моими данными, специальностью и стажем, что был в заключении, сказал:

- Подождите там, в коридоре, я посоветуюсь с товарищами и позову вас.

Он собрал несколько человек, поговорил с ними и пригласил меня. Они четверо сидят за столом, в том числе и нач. отдела кадров, который мне отказал. Мне предложили сесть на кушетку. Снова вопрос:

- Расскажите, что у вас было, за что посадили?

Я говорю:

- Ни за что, пришли, забрали ночью и осудили.

- Ну как это, все-таки что-то у вас было? Напрасно же не возьмут?

- Хотите верьте, хотите нет, а вот взяли ни за что.

- Где бы вы хотели работать?

- Технологом в техническом отделе.

- А мастером не пойдете?

- Нет, мастером я работал раньше, а теперь годы не те, да и здоровье у меня стало слабое.

- Ну, а в отдел нам не надо.

Тем и кончились мои переговоры. Вторая неудача. Прочитал в газет «Алтайская правда» объявление, что Алтайскому тракторному заводу в г.Рубцовске требуется инженер-технолог по холодной обработке металлов. Мы с женой очень обрадовались. Сейчас же написали о себе все свои данные, и что я сидел по 58-й статье, что имею поражение в правах 5 лет. есть семья. Получаю ответ: «Не требуется». Третья неудача.

Написал на стройку «Волго-Дон». Также получил отказ – моя специальность не требуется.

Был бы я здоров физически, пошел бы на физическую работу. Но это невозможно. Надо куда-нибудь уезжать, где можно устроиться на работу, а семье высылать деньги. Жена мне говорит, что здесь еще есть завод имени Некрасова. Я про него уже знал. Это, по-моему, кустарная мастерская, и инженер вряд ли может оказать какую-либо помощь.

Но вот неожиданно на квартиру приносят записку от директора этого завода с приглашением придти к нему для переговоров. Хотя я к нему и не хотел обращаться, но безвыходное положение заставило меня откликнуться на его предложение. Расчет тех двух директоров был верен. На этот ремзавод инженеры добровольно не идут, а этому некуда деваться, пойдет!

Посоветовались мы с женой, и решили – поработать год, а там видно будет…

Директор там был назначен новый. При моем появлении сразу дает мне анкету. Я заполнил, и на заявлении он написал: «Оформить технологом». Потом добавил: «Старшим технологом». И сказал:

- Ты много в жизни куролесил, но если и у меня будешь куролесить, то смотри!

«Ведь и ты мог так же куролесить, как и я, счастливая судьба тебя обошла» - подумал я, но ничего не сказал.

В техотделе работали две молодые женщины – конструктор и чертежница. При первой же встрече я застал их плачущими.

- Почему плачете?

- Над нашими чертежами в цехе смеются.

- Как же вы выдаете чертежи?

- Нам дают образцы, и мы по ним даем чертежи, вернее, эскизы.

- У вас есть альбом. Вот по альбому и давай чертежи, а образцы могут быть деформированы, изношены, и по ним нельзя давать чертежи.

Надо, думаю, выправлять дело. Проверить все чертежи, спущенные в цех. Прихожу в контору механического цеха, она помещалась в цехе на высокой площадке. На площадку ведет крутая лестница. Прошу выдать мне все чертежи, полученные от техотдела. Они, зная мое положение, спрашивают меня:

- Зачем вам?

- Я проверю и верну вам.

- Это наше хозяйство и вы в него не вмешивайтесь, - заявил мне резко начальник цеха. При этом присутствовали два мастера. В таком случае, мне не оставалось больше ничего делать. Я спустился вниз по лестнице, и в этот момент в конторке открылась дверь и в след мне мастер крикнул:

- А вы мне не нравитесь.

Я ему ответил:

- А вы мне тоже не нравитесь, но дело делать нужно.

Я добился своего и чертежи выправил.

Завод ремонтирует двигатели для тракторов, комбайнов и автомобилей. Технологии разработанной нет, материал применяется неизвестных марок, молодые рабочие не обучаются, рационализация не развернута среди рабочих. Все делается «на глазок», по опыту. Это настоящая кустарная мастерская, а не завод.

Говорю главному инженер о необходимости провести техучебу с молодыми рабочими. Несколько раз напоминал – не действует.

Пишу в городскую газету. Подействовало. Предложили мне составить программу. Я составил как минимум на 120 часов. Главный инженер исправил на 80. ну, думаю, хоть 80, все таки можно дать основные знания по технологии и заточке резцов.

Поручили мне же заниматься. Провел технический минимум. Установили после испытания разряды.

Однажды говорю директору и главному инженеру:

- Назначьте меня хотя бы секретарем БРИЗа. Я вам поставлю дело рационализации.

Они промолчали, но приказом назначили меня председателем БРИЗа.

Завод продал мне 2 тонны угля и древесные отходы. С топливом дело уладилось. Но с наступлением тепла на квартиру пришли представители власти и предложили нам освободить «квартиру». Спрашиваю:

- На каком основании, ведь эта площадь предоставлена по указанию Сталина.

- А это было, когда вас не было, а теперь вы вернулись, поэтому вам площадь не будет представлена. И вам надлежит ее освободить.

Через два дня пришла женщина с ордером на эту квартиру.

Сослуживцы подсказали, где можно снять кухню. Глиняная хибара, комната и проходная кухня. Договорились с хозяйкой и переехали в кухню. В этой мазанке комнату занимала мать с сыном, а мы кухню. Через два дня хозяйка ушла жить к зятю, остался сын. А сын ее имеет судимость по уголовному делу, пьяница, не работает, по вечерам где-то шатается, приходит поздно ночью домой. Приходится открывать ему дверь и помогать дойти до его комнаты. Страшно жить в одной квартире с таким человеком.

Однажды я открыл ему дверь и вижу, что лицо его в крови половина уха или оторвана, или отрезана. После я стал опасаться за наше благополучие. Я брал в руки ломик, при открывании двери, если он будет не один, я ломиком буду бить прямо по головам. На ночь дверь, отгораживающую комнату от кухни, я постоянно заставлял стульями – баррикадировал.

Но и этих «удобств» пришлось лишиться. Пришла хозяйка и заявила, что она эту избу продала:

- Уходите куда-нибудь.

Недалеко нашли возможность поместиться временно. Комнатка маленькая, стоит кровать, стол, занятый хозяйскими предметами, и комод, также занятый. Окна расположены на соседский двор… Там жила женщина с дочерью-подростком. Часто по

ночам были слышны душераздирающие крики. Женщина ночью выбегает в одном белье и кричит. Хозяева нашей комнаты это наблюдают, но мер не принимают. Доложил в милицию о непонятных ночных происшествиях, а мне сказали, что они знают, что там живет женщина, приносящая им много беспокойства.

За водой с ведром приходилось далеко ходить. Вот такие жилищные условия продолжались целое лето. Завод имел двухэтажный дом, но и он был передан в ЖКТ. Директор завода при мне часто обращался по телефону в горисполком о выделении для меня квартиры, но безрезультатно. Тем временем, я взялся за БРИЗ…Один фрезеровщик остановил меня и показывает приспособление, внедренное им, но за это он не получил никакого вознаграждения. Я вижу, что этот рабочий достаточно грамотный, излагает мысли технически хорошо. Я провел через БРИЗ его предложение, и он получил вознаграждение. Но в то же время я узнал, что это техник по образованию. Я его взял к себе в отдел. Оказался хороший техник и конструктор. Он был секретарем комсомола Новосибирского техникума и был взят по 58-й статье на 10 лет.

Начали поступать рацпредложения. Хороших рационализаторов я отмечал в городской газете «Стахановец».

Кроме двигателей, завод изготовлял цистерны емкостью 25 и 50 куб. метров жидкости. Внутри емкостей приваривались кольца жесткости из уголков 50х50 и 60х90 мм. Их гнули вручную. Один рабочий заклинивает, а другой – кувалдой пригибает к шаблону. Два физически здоровых рабочих загибают, на одно кольцо затрачивается 35 минут.

Я, в соавторстве с главным механиком /эту должность занимал слесарь/, изготовили своей конструкции гибочные вальцы, на которых один рабочий загибает два кольца за полминуты. Для отбуртовки днища трехкубовой цистерны я предложил стенд-шаблон, который ускорил процесс отбуртовки и улучшил качество.

На первых порах работы на заводе мне бросилась в глаза киносъемка. К цеху, где ремонтировали двигатели, к воротам, подкатили грязный, старый трактор, как бы в ремонт, а при выходе поставили старый трактор, как бы отремонтированный, а тракторы у нас не ремонтировали. А затем узнал, что в соседнем дворе, не на территории завода, готовится какая-то киносъемка. Я пошел поинтересоваться, что снимают. Оказывается, что изображают полевую конторку бригадира. Стекла окон замазан как зимней изморозью. В конторке чистенько, стоит стол, на нем телефон, два стула. На полу маленький коврик. Ну, просто идиллия, лучшего не придумаешь. А, ведь, эти снимки будут демонстрироваться и относиться к какому-нибудь прославленному сельскому району. Какое очковтирательство!

Завод долгое время был отстающим, план не выполнял. Но вот, этот директор, который принимал меня на работу, а он был только что назначен на эту должность, нашел иной путь. Кончается квартал, план фактически не выполнен. Он вместе с главным бухгалтером идет по сборочному цеху, записывает как выполненные и сданные моторы, еще не законченные ремонтом и не прошедшие испытания. Начальник ОТК ездит по районам по рекламации, а без него сдают некачественную продукцию. И так идет своим чередом. План «выполняется». Прошло несколько таких кварталов, завод награждается красным знаменем горкома и горисполкома, а в последствии выдвигается в Крайсельхозуправление.

Вот так делается карьера…

Этот директор предлагал мне списать в металлолом 15 станков, стоящих на территории завода. Я пошел и внимательно их осмотрел. Станки токарновинтовые. Вижу, что они в полном порядке. Передние и задние бабки, суппорта, коробки передач и подач – все в целости и сохранности.

Зачем их списывать? Их нужно отдать колхозам или совхозам, где в них нуждаются. Я знал, что в то время, в начале 50-х годов, у нас еще недостаточно производилось своих

станков. Докладываю директору, что их списывать нельзя, они годные, их надо передать нуждающимся в них организациям. А он мне задает вопрос:

- А что, это будет вредительство?

- Это понимайте, как хотите, - ответил я ему. Больше он мне не предлагал.

С внедрением нашего станка для гибки уголков, нормы не пересматривают. Вознаграждения за техническое усовершенствование не платит авторам.

В начале моей работы на этом заводе приехал управляющий ремзаводами из Крайсельхозуправления. В связи с этим было общее собрание всего коллектива завода. На этом собрании он выступил и сказал:

- Вам на завод высланы мои чертежи и приспособления, важного для производства, но по ним ничего не делается. Обратите внимание, кто у вас работает в техотделе.

Это был брошен камень в мой огород. Я незамедлительно решил отреагировать. После собрания говорю ему:

- Товарищ начальник, я хотел бы с вами поговорить.

- Хорошо, завтра в 11 часов.

И вот, состоялась беседа. Начал я:

- Вы называете это предприятие заводом. Это не завод, а самая настоящая кустарная мастерская. У вас нет разработанной технологии, техническая учеба с молодыми рабочими не проводится. Рационализаторская работа не ведется и т.д., и т.д. Вот, вы сказали, чтобы обратили внимание на техотдел. Этим самым вы выразили мне недоверие в присутствии всего коллектива, а как же мне после этого работать? Прикрепите ко мне вашего инженера, и я разработаю районирование ремзавода с целью сокращения многосерийного ремонта моторов по заводам.

Он внимательно выслушал меня и сказал только:

- А вот, вы займитесь процессом изготовления цистерн.

На собрании родителей в школе, где учился мой сын, меня избрали председателем родительского комитета. Вот и первая моя общественная нагрузка после лагеря! Начал участвовать на совещаниях педагогического совета, выявлять отстающих учеников, выяснять причины отставания отдельных ребят.

Почему-то в числе отстающих почти всегда были мальчики. Выберу человек 5 особенно злостных, приглашаю их с родителями на родительский комитет. Тут мне становится ясным, что мешает парню войти в нормальное русло. Иногда иду к мальчику домой в часы, когда он должен быть дома. Но его нет. Спрашиваю мать:

- Где Коля?

- А хиба ж я знаю, где бигае.

Вот так, нет родительского наблюдения. Или один родитель на комитете говорит:

- Пусть заберут их от меня, я ничего не могу с ними сделать. Вот, я сюда пошел, а его /мальчику 8 лет/ привязал веревками, чтоб не убежал.

Когда я их прорабатывал сразу 5 человек, то это на них не действовало.

Скажешь:

- Ну вот ты, Петя, почему так недостойно себя ведешь?

- А что, я один, что ли, почему меня спрашиваете?

Да, ведь, и правда, думаю я. Значит, проработке надо не вех сразу подвергать, а его одного, ведь говорится, что на миру и смерть красна. Когда сразу ко всем обращаешься, значит, конкретно ни к кому. Тогда я стал на родительском комитете обсуждать поведение и причины неуспеваемости только одного ученика. И родители хорошо осознают, в чем недостаток в их воспитании. Многих ребят выводил из разряда неуспевающих. Но нельзя выпускать парня из виду хотя бы в первое время.

Как образец работы родительского комитета я освещал в городской газете «Стахановец». О моей работе как председателя родительского комитета очень хорошо отзывался в печати директор школы…

Однажды я пришел послушать хор учеников. Разучивали песню «Соловьи». Запевала девушка из 8-го класса. Я до сих пор помню ее фамилию, имя и отчество – Мария Иосифовна Нагай. Мне очень понравился ее голос. Когда она пела, все ребятишки, такие неугомонные обычно, тихо сидели и слушали. Побеседовал я с нею:

- Желаешь ли ты и дальше петь после окончания школы?

- Я люблю петь.

Родители у нее не родные. Я с ними поговорил, они сказали, что Мария все время поет и что они не против ее пения в дальнейшем.

Я написал в Московскую консерваторию письмо на имя директора Свешникова Александра Васильевича, что школьница 8-го класса имеет красивый голос и желает дальше учиться, но я не знаю, как с ней поступить и просил ее совета.

Ответ я получил быстро. Письмо было послано в школу на мое имя как председателя родительского комитета. В письме сказано: «Пусть кончает школу и не поет, приезжает в Москву, является в консерваторию, а в дальнейшем уже все будет за нами».

Объявил Марии этот совет. Письмо Свешникова директор школы ставил у себя.

В этом году мне пришлось уехать из Славгорода. Через несколько лет я сделал запрос в школу, поступила ли Мария в консерваторию, но ответа не получил. К глубокому сожалению, так и не знаю результата моих стараний.

Приходит какой-то период времени, директор завода утверждает прогрессивку, кому полагается. Мне начислено 800 руб. Директор зачеркивает цифру 800 и ставит 100. я узнаю об этом и в отделе, в присутствии главного бухгалтера открыто высказываю свое возмущение в такой несправедливости. Это стало известно директору. Он вызвал меня и говорит:

- Что вы там шумите?

- Я не шумлю, а возмущаюсь вашей несправедливостью. Почему вы меня лишаете прогрессивки? Я работаю за двоих, стараюсь вам доказать, что я не тот, за кого вы меня принимали. Вы не можете показать ни одного случая моей плохой работы. Вы видите, в каком я костюме. Я хочу хоть немного улучшить материальное положение и меня, и моей семьи. А вы лишаете меня законно заработанной прогрессивки.

- Ничего, ничего, Москва не сразу строилась, - ответил директор.

В одно прекрасное время вдруг куда-то уехал директор и главный инженер, а начальник ОТК в разъезде по рекламациям. Никого их руководящего состава не осталось. К нам нагрянула комиссия по проверке качества ремонта двигателей, изготовления цистерн.

Так как не оказалось ни директора, ни главного инженера, они пригласили от техотдела меня присутствовать при осмотре. Нашли некачественную сварку у цистерн. Составили акт и предложили мне подписать. Хотя меня никто не уполномочивал на это, как я мог отказать министерской комиссии. Я подписал. Комиссия уехала. Появились сразу и директор, и главный инженер. Говорят, зачем я подписал. А как же я мог не подписать, когда я своими глазами видел дефекты сварки.

- Да, теперь мы получим по «строгачу», - сказал директор.

Ну, думаю, чего вы ожидали, делая брак.

В наш адрес с металлургического завода поступило два вагона специальной конструкционной стали. Я, как только узнал об этом, попросил начальника снабжения, чтобы при погрузке в автомобиль и при загрузке на завод, связанные в пачки по отдельным маркам, отдельно и складировались. Это было для меня очень важно – я знал марку стали, мог бы давать указания, как вести термическую обработку. Он пообещал это сделать. Ночью провели разгрузку с нарушением связок и все прутки свалили в общую кучу. Кукую же может оказать помощь производству инженер в таких условиях!

Наконец мне дали комнату в общежитии. Раньше этот двухэтажный дом принадлежал заводу, а теперь ЖАКТу. Я и жена были бесконечно рады, хотя и здесь удобств никаких нет. Воду все равно приходилось брать из цистерны. Туалет,

сколоченный из досок, рядом с крыльцом. Помои выливали на улице около дома. Выложили мы плитку в комнате – вот и новое наше жилье.

В первое же лето аптекоуправление жене выделило землю для посадки картофеля. Дали лошадь «сивку» и телегу. Взяли мы два с половиной мешка картофеля и повезли. Давно-давно я не ездил на лошади, запряженной в телегу. Поехали всей семьей. Приехали к выделенному участку. Я распряг лошадь. Спутал и отпустил в поле пощипать травку. Пусть попасется, пока мы садим. Садили под лопату. А ведь в деревне, будучи мальчиком, я садил картошку под плуг. Посадили картошку, пообедали, я стал запрягать сивку. Конь был смирный. Это было для меня важно, так как я много лет не имел дела с лошадьми. Надел хомут, заправил шлею, завел в оглобли, завел дугу, затянул гужи, затянул черезсидельник, вдел узду через кольцо в дуге, пристегнул вожжи к узде – и готово. Вот и припомнил юношеские годы. Очень-очень было интересно.

Подошла пора прополки. Пошли в поле пешком. Расстояние от города было километра три. Вырванный сорняк с полосы убирали на обочину. Я еще не совсем освоился с природой Славгорода. Дождей было мало, а ветры гуляют в поле сильно. Трава «перекати-поле» так и катится шарами, гонимая ветром. Теперь бы я вырванный сорняк оставил на месте, это бы защитило почву от солнечных лучей и высыхания. Сели на эти кучки зеленой, мягкой, чуть-чуть влажной травы, и мы с Владиком пели дуэтом русские народные песни. Мне нравилось это пение. В то время у Владика был хороший голос, который при взрослении почему-то изменился.

После прополки шли мимо низкорослого леса. Я не знаю, что это за лес. Этот участок принадлежал селекционной станции. После жары как не зайти в этот оазис, ощутить прохладу и отдых. Но каково было наше разочарование, когда мы подошли к оазису. Ветви деревьев покрыт таким слоем пыли, что при малейшем прикосновении на нас сыпалась густая пыль. Тогда мы недалеко от деревьев постелили простыню, посидели на ней, закусили и пошли домой.

Какая жалость, не пришлось хоть раз посидеть в тени деревьев!

Настало время копки картошки. Вместе с другими и мы начали копать. Урожай получился низкий. Всего мы накопали 2,5 мешка, то есть столько, сколько и посадили. Владик торжественно заявил:

- Вот хорошо сохранилась картошка.

В газете «Алтайская правда» прочитал объявление – Бийскому ремонтному заводу требуется инженер-технолог по холодной обработке металлов. Я немедленно написал им заявление и получил ответ: «Согласны принять с предоставлением квартиры, правда, небольшой – комната и кухня – расположенной при заводе. Только необходим перевод через Алтайское Крайсельхозуправление». Я сразу же написал заявление в Алтайское крайсельхозуправление. Директора перевели в горисполком в должность председателя. Новый директор впервые выписал полностью прогрессивку. Это хорошо меня поддержало. Жена моя, Катя, купила в своем профсоюзе мне путевку в дом отдыха в Чернолучье около Омска.

Вот я и в доме отдыха… Сосновый бор. Огромные деревья. Мне не верилось, что я в лесу. Я обнимал сосны и говорил:

- Настоящая сосна.

Ложился на мягкую траву и катался. Моей радости не было предела. Сосновый бор я видел, только когда ездил с отцом и старшим братьями из деревни в село Юрты, где начинались отроги Алтайских гор, на заготовку дров.

Самым интересным для меня было то, что я встретил в доме отдыха со своим бывшим учеником – студентом Омского механического техникума при заводе, Бреусовым Андреем Константиновичем. В 1935 году я им преподавал специальный курс – теория резания металлов и конструкции металлорежущих станков. Бреусов был у меня отличник.

Вижу, стоит здоровый мужчина, похожий на студента Бреусова. Приглядевшись издали, узнал. Подхожу к нему, тут и он сразу узнал меня. Поздоровались приязненно, хлопнул я его по животу и говорю:

- Настоящий полковник.

А он отвечает:

- Держите выше – начальник сборочного цеха танкового завода.

Вот так, из 17-ти летнего мальчика вырос крупный командир сложного производства. Долго мы с ним беседовали и часто встречались до конца срока путевки.

В это время он по состоянию здоровья был председателем заводского комитета профсоюза. Сфотографировались мы с ним на память о нашей встрече. И вот им, заводчанам, настал срок уезжать домой. За ними пришел заводской автобус. Бреусов, как ответственный, обеспечил явку всех к машине. Вот здесь я встретил еще несколько человек, с которыми я одновременно работал на заводе. Жена директора Другак, расстрелянного в 1937 году, работница отдела рационализации. Стали они мне предлагать вернуться на завод. Вот тут то и барьер – я им сказал, что у меня есть еще лишение гражданских прав на 5 лет. Вот тут и с их стороны раздались возгласы:

- Ах, сволочи, что наделали!

По окончании срока пребывания в доме отдыха, я по приглашению заехал в гости в Бреусову. Увидел его жену, Клавдию Ивановну. Она, в мою бытность на заводе, еще девушкой руководила БРИЗом завода. У них есть дочь Люся. Живут они дружно, хорошо. От них я вернулся в Славгород.

Прошел уже год, как я подал заявление о переводе меня на Бийский ремзавод. Но Управление молчит. Приехал управляющий из Барнаула. Я в присутствии директора, еще прежнего, обращался к нему о результатах моего заявления. Ответ был прост:

- До подыскивания соответствующей замены.

Но все же, однажды, приехал главный инженер управления и передал мне лично распоряжение о переводе со словами:

- А с директором завода договаривайтесь сами.

Новый директор также продолжал не выплачивать мне вознаграждение за гибочные валы, которые уже долгое время находились в действии.

Я разработал конструкцию станка для механической отбуртовки днищ 30 и 50 куб. метров цистерн взамен ручной. В соавторстве с главным механиком внесли предложение на БРИЗ. В то же время сам директор без разработки конструкции подал словесное предложение отбуртовки днищ путем подъема и бросания с высоты бабы. Для меня ясно было, что его предложение в наших условиях было просто неосуществимо, но влияние директора оказалось выше и было внесено решение в его пользу.

Нашли инженера на должность начальника техотдела, до этого времени я исполнял его обязанности. Но этот инженер был любитель-музыкант, играл по совместительству в оркестре. Часто играл на похоронах. Как он говорил: «Сегодня «жмурик» - так он называл умерших. Ну и как водится, после каждых похорон – горячая выпивка. Заработок частый и большой. Где уж тут работать на заводе! И скоро он бросил завод. Вместо него приняли на должность начальника техотдела окончившего техникум, не знаю, какой. Говорили, что он окончил педагогический техникум.

Вот так, имея высшее техническое образование и более 20-ти лет производственного стажа по специальности, я часто оказывался и в дальнейшем не имевшим право на руководство техотделом. А надо мной становились руководить люди, не имеющие технического образования. Было бы полбеды, если бы эти люди прислушивались или считались с мнением сведущих специалистов. Но они, порой, давали несуразные указания, и если им начинаешь противоречить, то тут для тебя и неприятности.

Встретившись с директором в цехе, я его спросил, когда же он все-таки даст указание о выплате вознаграждения за валы.

- Знаете, я ведь могу это дело довести до ЦК партии.

Он вспыхнул:

- А что вы меня пугаете Центральным Комитетом?!

- Центральный Комитет не пугало, но он поправит, - ответил я.

Так мы разошлись, он пошел в свой кабинет, а я в свой отдел. Через несколько минут он вызывает меня к себе.

- Владимир Ефимович, у вас есть распоряжение от Управления о переводе на Бийский ремзавод?

- Да, есть.

- Так что же вы молчите, мне за вас попадает?

- Оно у меня с собой, - вынул из кармана и передал ему, а сам ушел в отдел. Тут же, быстро заходит начальник отдела кадров и подает мне обходную. Вот, думаю, когда подействовало! Оформил обходную и собираюсь ехать в Бийск предварительно разведать. Ведь, с того момента, когда мне ответили, что дадут квартиру, прошло много времени. Так что вопрос с квартирой надо решать прежде всего, а потом уже переезжать.

Директор вызвал меня к себе и предлагает прописать в мою комнату своего личного шофера. Я ему отвечаю, что еще не знаю, найду ли там комнату.

- Если найду, то сразу вам скажу, тогда вы его и пропишите.

Я резонно рассуждаю, а вдруг в Бийске не удастся устроиться, а прописной шофер имеет право вселиться и жить. Я не стал верить в порядочность человека.

На мои слова директор сразу меня обругал матерно. При этом присутствовал секретарь парткома. Я обратился к нему:

- Товарищ секретарь парторганизации, скажите мне, пожалуйста, где я нахожусь - в кабинете директора или хулигана?

И покинул кабинет.

В Бийске директор завода встретил меня, можно сказать, сдержанно, сказал, что есть должность главного технолога, но квартиру может предоставить только к 1 мая. А мой разговор происходил в августе 1954 года. Пять дней я искал квартиру. Директор дал указание конюху, чтобы он поездил со мной по городу для подыскивания квартиры. В результате, я нанял комнату.

Вернувшись в Славгород, я сдал дела БРИЗа и старшего технолога. Собрали с Катей вещи… Сходили в школу, получили свидетельство об окончании сыном Владиком 7-ми классов с отметками 5 по всем предметам, кроме литературы – на 4. этим летом аптекоуправление устраивало 1 мая вечер. Катя работала в аптеке фармацевтом. На вечере в беседе с заведующим ГОРОНО, я сказал ему, что родители не должны мешать детям самостоятельно работать, наблюдать надо, но не вмешиваться. Как пример приводил успеваемость дочери и сына. Он сказал, что к 10 классу все равно сорвется, а я ему возразил, что уверен, что он и дальше так пойдет.

С большими трудностями переехали в Бийск. Катя устроилась работать в аптеке. Владика записал в школу. В беседе с завучем школы показал ему свидетельство об окончании 7-ми классов. Говорю:

- Вот, какого хорошего ученика я вам доставил.

- Ну, это у них там, посмотрим, как он у нас будет учиться., - говорит завуч.

- Так же будет учиться и у вас, - говорю.

Бийск со своею рекой Бией произвел на нас сильное впечатление. Не смотря на то, что в августе сезон уже не купальный, мы с сыном в первый же день сходили на реку и искупались.

Конечно, природные условия в Славгороде и Бийске весьма различны. Там голые, ровные степи, нет реки или озера. Правда, примерно, в 10-ти километрах есть соленое озеро Яровое, куда в выходные дни жители города выезжают на отдых, принимают грязевые ванны, купаются в воде. Интересно полежать в воде, не погружаясь. Но в самом городе есть отдельные кустики тополей в виде маленьких рощиц, и больше ничего. Местность ровная, как блин.

В Бийске же река, лес, кругом города и в городе множество деревьев. В заречной части города бугорки и ложбины. На первый взгляд это очень радует, а потом привыкаешь и перестаешь восхищаться. Бийский ремзавод расположен прямо на левом берегу Бии. В обеденный перерыв можно успеть искупаться. Завод состоит из цехов: механический, инструментальный, чугунно-литейный, ремонтно-механический, малярный, своя котельная.

Штат технического отдела небольшой: начальник, главный технолог, главный конструктор и чертежник. Есть энергетик и главный металлург. По цехам технологии и нормировщики. Плановый отдел и отдел труда и зарплаты. Возглавляет главный инженер.

Прежде всего и пересмотрел существующую технологию. Были занижены режимы резания. Ввел их в соответствие к техническим и организационным возможностями, что повысило коэффициент использования мощностей оборудования и производительность.

Дела БРИЗа находились в запущенном состоянии. Взял под свое руководство. Повысилось число подающих рацпредложений.

Однажды, во дворе завода ко мне обращается, пока не знакомый мне, редактор «Бийского рабочего», Полещук Иван Яковлевич. Просит написать статью об экономии металлов. Я согласился, но попросил меня не торопить:

- Недели две хватит!

- Будем ждать.

Написал обстоятельную статью, из чего у нас получается у нас на заводе экономия металлов и в каком количестве. Завод выпускал зернопогрузчики, стогометатели, молочные цистерны и прицепы к тракторам. Из названия «ремонтный» он впоследствии был переименован в завод сельхозмашиностроения.

В статье я показал, сколько продукции мы можем выпустить на сэкономленном металле.

Через день я спросил Ивана Яковлевича, он сказал, что статья очень хорошая, помещаем без сокращений. Так, в дальнейшем мои статьи и заметки аккуратно помещались в газете. Я был зачислен внештатным корреспондентом.

Завод выпускает в огромном количестве – сотни тысяч штук – конических и цилиндрических шестеренок к тракторам и комбайнам. В чертежах я увидел, что им требуется термическая обработка, но завод это не выполняет. Посылает в сельское хозяйство прямо сырыми. Я поднял этот вопрос перед главным инженером. Мне ответили:

- У нас нет ни электропечей, ни помещений для этого.

Я не отступаю и предлагаю обязательно делать термообработку. Надо купить электропечь, благо, что в Бийске же есть завод, который выпускает электропечи.

- У нас нет на это средств, - ответили мне. Печь стоила около 25 тысяч рублей. Это дело не мое, оно касается главного металлурга. Должность главного металлурга занимала женщина, которая не оказывала на производство никакого влияния. Бывает так, что человек сидит, занимает место и только. А производство идет само по себе. Вижу, что ничего не добьешься, а шестеренки в сельском хозяйстве на 40% теряют свою стойкость, быстро изнашивается. И кто может сказать, сколько комбайнов и тракторов останавливаются в поле из-за преждевременного износа шестеренок и отсутствия их замены. Тогда я думаю: «А нельзя ли делать закалку на воде, не до конца охлаждая и давать им медленно охладиться на воздухе, т.е. так, чтобы еще от горячего толстого центра тепло перешло через среднюю часть дисковую к венцу зубцов, тогда они нагреются до требуемой температуры отпуска». Начал вести пробу. Шестерни разные и, следовательно, не одинаковый нужен для них процесс.

Путем многочисленных опытом я добился, что твердость шестерен после закалки и отпуска получилась та, что требуется по техническим условиям.

Весь процесс проверили главный инженер, начальник ОТК и начальник техотдела и утвердили новую технологию. В Термическом отделении повесили инструкцию. В процессе опытов я сказа термисту, еще мало опытному, что если он будет точно

выполнять мои указания, то я его приму в соавторы. Он так и поступил. Кажется, даже при отсутствии электропечи все-таки вопрос решился, и качество шестеренок улучшилось. Требуется от термистов строгое выполнение инструкции. Я и термист оформили это рацпредложение.

Директор завода выплатил вознаграждение только термисту, а мне – как за содействие рацпредложению. Мои доказательства на него не подействовали. Разве это не абсурд?

Задетая самолюбием, главный металлург что-то нашептала директору, и он вызвал меня к себе и потребовал отмены этого мероприятия. Я не соглашаюсь и говорю, что это мероприятие правильное, я такой способ термообработки уже применял в практике и теоретически обосновано.

- Это чушь, а не термообработка!

- Для вас это чушь, потому что вы не знаете и не понимаете этого процесса.

- А я требую отменить.

- Как директор вы имеете право требовать, а я, как инженер-специалист, не согласен. В таком случае вы должны дать письменное распоряжение.

- Нечего мне с вами разговаривать, - махнул рукой по направлению к двери. Я вышел из кабинета. Никакого распоряжения он не написал. Десятки лет, пока я был в Бийске, мой процесс не был отменен, и шестеренки проверялись прибором на твердость.

Надо немного сказать о том, что представляет из себя директор. Это властолюбивый человек, не имеющий технического образования, он вмешивал в технические процессы. Не считался с мнением технического руководства, и вообще всего коллектива. Решал вопросы производства лично сам, ни с кем не советуясь. До бесконечности груб в обращении, несправедлив. Страшный любитель подхалимажа. Подмял под себя партийное и профсоюзное руководство. Он не любил таких специалистов, которые имеют свое суждение и открыто высказываются при нем. От таких он пытался избавиться. С расстановкой кадров он решал самолично. Он держался до поры до времени в руководстве заводом, он не на авторитете в коллективе, а на власти…

Пришедший в коллектив завода инженер, отбывший в Норильске 15 лет по репрессии, бывший капитан 1-го ранга, Вольхович, в беседе со мной назвал его «мелкоместный вельможа». Он не смог работать из-за директора и ушел с завода, говоря:

- Я получаю пенсию 90 руб., мне хватает, а с этим самодуром работать не буду!

Впоследствии, этот т.Вольхович поехал в Москву, обратился в ЦК партии и был восстановлен в партии с назначением персональной пенсии 170 руб.

За 5 лет этот директор сменил 5 главных инженеров, 5 начальников техотдела, 12 старших технологов. Разве так можно работать?

Я написал статью о такой текучести кадров в газету «Бийский рабочий». В газету я пишу только факты, не сколько не сглаживая углы, и называю вещи своими именами, не скрываясь за псевдонимом. Инженера-электрика директор держал два года на комплектации, техника-технолога поставил диспетчером, инженера старшего технолога использует в отделе снабжения в то время, когда он числится в техотделе.

Заходит в техотдел, не здоровается. Глядя на стену, спрашивает:

- А вы вот таким вопросом занимаетесь?

К кому он обращается – не известно. Поэтому никто не отвечает.

Я, как по возрасту, так и по положению старше, тогда говорю:

- Нет, такого вопроса у нас еще не возникало.

- А кто будет за вас заниматься? Зарплату получаете.

Хлопнув дверью, уходит. Все в недоумении, откуда он взял такую тему. Оказывается, он первым получал и просматривал журналы и оттуда кое-что узнавал. Но, ведь, по-хорошему надо было поступить так:

- Вот, товарищи, в журнале есть хорошая статья, ознакомьтесь, может быть можно что-нибудь и у нас применить.

Но если бы это был директор-инженер, так он бы твердо сказал, что это надо применить или нет.

При обработке шкивов коленчатого вала трактора С-80, в механическом цехе обнаруживается внутренняя раковина в литье. Директор лишает за это меня, как главного технолога, прогрессивки. Я ему говорю:

- Брак-то, ведь, литейного цеха, которым руководит главный металлург и который в нашей структуре мне не подчиняется.

- А вы – главный технолог.

- Ни на одном порядочном заводе так не делается, - говорю я ему. – Ответственность должна соответствовать и правам, а прав-то вы мне и не даете.

В литейном цехе во время обдирки приливов на мелких деталях разорвался обдирочный круг, крупными осколками круга оторвала защитный козырек станка, он ударил рабочего в лоб, и убило его намертво.

Перед комиссией я осмотрел место происшествия и увидел, что защитный козырек был приварен только в трех точках, а не по всей линии прилегания. Зазор между подручником, на который кладется деталь, и камнем был 10 мм., тогда как по технике безопасности полагается 3 мм. Для меня было совершенно ясно, что послужило причиной гибели рабочего. Когда собралась комиссия, в нее были приглашены и представители от городских организаций. Мне директор громким голосом приказал:

- Вы, главный технолог, измените технологию.

Я вижу, что он в присутствии комиссии хочет обвинить технологию, а истинную причину скрыть, заявляю ему:

- Технология здесь ни при чем.

- Измените технологию, я еще раз вам говорю.

- Не буду изменять технологию, она правильная.

- Вы все со мной спорите, нечего вам тут делать, - и движением руки показал на дверь. Я вышел из цеха.

Какой акт был составлен комиссией, я не знаю, только назавтра вызывает меня к себе временно исполняющий обязанности главного инженера Колбасов и предлагает написать проект распоряжения об отмене обдирки мелких деталей после литья, сразу ставить на станок.

Я пытаюсь ему объяснить, что нельзя приливы чугунного литья обрабатывать резцами. Эти приливы имеют структуру отбеленного чугуна, неровные, и резцы будут выкрашиваться. Но для него это темный лес. Ведь он не инженер, и не техник, а только киномеханик. Он получил указание от директора и безоговорочно его выполняет. Тогда я ему говорю, что проект распоряжения я напишу, а подписывать его не буду, вы будете подписывать его только один. Он согласился. Распоряжение опустили в литейный цех, в механический и в ОТК. Иду в механический цех, передаю распоряжение начальнику цеха Важенцеву. Он бывший токарь. Он сразу возмутился, а когда я ему сказал, что это распоряжение директора, он выругался и говорит:

- Платите деньги, мне все равно.

Важенцев любил выпивать, и часто на работе был под хмельком. Но директор его уважал и часто премировал. Но он выполнял план, не считаясь с качественными показателями. Впоследствии, уже при другом директоре, его с должности сняли и уволили.

Я знал, что как только эти детали пойдут на токарные станки, без предварительной обдирки на наждачных станках, так сразу же станет ясно, что это абсурдное распоряжение. Так оно и получилось. Через несколько дней я вижу, что детали снова пошли с обдиркой, а распоряжение как в цехе, так и в ТК изъято из дела.

Заводу было предложено организовать ремонт тракторных двигателей внутреннего сгорания… Мне было поручено спроектировать цех и разработать технологию. Это дело

было знакомо уже по Славгороду, поэтому я легко запроектировал всю технологию ремонта в существующих помещениях.

Однажды директор обращается к работникам техотдела со следующим предложением:

- Вот, товарищи, если кто-нибудь из вас добьется, как можно отремонтировать головку блока цилиндров с изношенными клапанными гнездами или имеющих трещины на гнездах, то я того человека хорошо премирую.

Ну, что ж, дело интересное и солидное. Из-за этих недостатков много головок идет под копер в литейном цехе, а деталь крупная, дорогая.

Узнал я, что один наш рабочий еще раньше был командирован на ВДНХ для ознакомления с техническими новостями, и он, якобы, рассказывал о ремонте головок блока цилиндров. Это был Глазков Павел. У него сохранилась инструкция, привезенная из Москвы. Ознакомившись с этой инструкцией, я взял головку, подлежащую описанию, и доставил ее к расточнику, этому самому Глазкову. Договорились с ним. Он расточил гнезда под заварку. Я доставил эту головку в электросварочное отделение. Квалифицированного сварщика я тщательно ознакомил с процессом наплавки электродов на чугун. Все было выполнено точно по инструкции. Главное – был выдержан тепловой режим. После этого я снова доставил головку к Глазкову. Расточка гнезда, после наплавления стали, легко поддалась. Доставил головку к станку для притирки клапанных гнезд, то есть последней операции. Оставил головку до утра. Предупредил начальника, чтоб до утра с этой головкой ничего не делали… Это эксперимент. Думаю - вот и все, притирка поддастся.

Утром иду прямо в цех. Головки на месте не оказалось. Неужели они, думаю, ее уже притерли. Спрашиваю начальника цеха Балабанова:

- Где головка, которую я, как экспериментальную, здесь оставил?

- Она уже под копром в литейном цехе, - отвечает Балабанов, - так приказал директор.

Вот так. Попробуй с таким директором благотворно поработать.

Изготовили новое приспособление, по чертежам, полученным из министерства, для расточки отверстий в шатунах. В цехе начали его испытывать. Технолог цеха вечером мне доложил, что директор на него накричал и он не мог провести испытания. Утром на следующий день я сам присутствовал при испытаниях, ведь каждое новое приспособление требует хотя бы незначительной доводки. И вот эта то доводка и выводила из терпения директора. Он снова начал выражать какое-то недовольство и этим мешал испытаниям. Я ему говорю:

- Петр Васильевич, вы вчера нервировали технолога, он не мог провести испытания, сегодня опять шумите. Давайте доведем дело до конца.

- Ах, вы меня еще учить вздумали, вон из цеха!

Я ушел. Остался главный инженер, при нем токарь и установил приспособление и начал вести расточку.

Моя статья о чрезмерной текучести кадров ИТР появилась в газете «Бийский рабочий». В ней я делал замечание о том, что партийное и профсоюзное руководство завода не уделяют этому вопросу должного внимания.

На следующий день меня вызвал директор к себе в кабинет. Там присутствовали секретарь парторганизации и председатель завкома…

- Что вы пишите в газету? – спрашивает директор.

- Я пишу то, что есть, что при такой текучести мы, инженерно-технические работники, не можем оказывать существенную помощь заводу.

- Вы посмотрите, он начинает на меня через общественность воздействовать!

Я ему отвечаю:

- Петр Васильевич, я имею право писать, а вы имеете право опровергать, если с чем не согласны.

Представители общественности сидят и молчат. Молчанием они изъявляют свое согласие с директором.

- Вы свободны, - говорит мне директор и я вышел.

Естественно, после таких откровенных и неприятных бесед я каждый раз лишался прогрессивки.

Трудно было работать при таких обстоятельствах, и не жаль было денег, которые незаконно отнимают в виде прогрессивки, а была страшная обида, что все это делается несправедливо. Но куда денешься? Ведь ярлык «контрика» не мне пришит, и ни где не будет мне спокойствия… Непрерывная обида вызвала большую нервозность и бессонницу. Я перепил все снотворные: адалин, веродон, мединал, ноксирон и другие. Если засну на короткий миг, то появляется кошмарный сон, от которого с трепетом проснешься.

После рабочего дня я все время занимался с рабочими по техминимуму. Сотни рабочих прошли через мои руки.

Директор не только ко мне, но и непосредственно к рабочим, приставал со своими притязаниями, но ему иногда некоторые давали отпор, говоря, что у них есть мастер и начальник цеха.

На мою статью о текучести руководящих ИТР я ответа не получил. Но вот неожиданно для меня директор приказывает:

- Сегодня же поезжайте в Омск на шинный завод и познакомьтесь там с технологией.

Командировка очень удивила меня. Что случилось, что меня в командировку, да еще по производству?

Когда я вернулся из командировки на завод, мне передали, что было общее собрание коллектива завода, и в конце собрания зачитали составленный ответ в редакцию газеты «Бийский рабочий» на мою статью. Статью даже не зачитали.

Ответ был краток: «Статья носит тенденциозный характер».

Вот оказывается, зачем меня директор срочно послал в командировку. Он знал, что я обязательно настоял бы прочитать статью и дать ответ по существу, соответствует она действительности или нет. А там ведь были только факты. Здесь проявилась злая хитрость директора.

Заводу был дан план по выпуску для мясной промышленности кишкообрабатывающих станков. Выпуск этих машин мы освоили. Но вот, в некоторый период времени, я узнаю, что 30 машин изготовлены из простой углеродистой стали, а там, где детали соприкасаются с кишками, они должны быть из нержавеющей стали. Все это делалось скрыто. В парторганизации завода был выделен ответственный человек за качество выпускаемой продукции. Я с ним откровенно побеседовал и сказал, что это брак. Эти машины на мясокомбинате после первого же дня эксплуатации будут выброшены, так как на них появится ржавчина.

Он пошел сообщить в горком партии. Была комиссия, составлен акт. Эти машины все же ушли, как годные, а ответственный товарищ за качество был уволен по собственному желанию.

На все эти ненормальные явления народ реагировал. В горком партии шли многочисленные жалобы, но там у нашего директора была «сильная рука» - первый секретарь горкома. Он и директор жили в одном особняке и дружили, поэтому все заявления оставались без последствий.

Но сколько бы ниточка не вилась, конец ей будет. Так и тут. Жалобы шли и множились. Как известно, количество всегда переходит в качество. Должен же быть конец этим безобразиям.

Партийное и профсоюзное руководство почувствовало, что коллектив вот-вот громко заявит свой протест, да и в горкоме тоже. Тогда уже, чтоб не оказаться в хвосте событий, секретарь парторганизации и предзавкома стали собирать компрометирующие материалы на директора как на руководителя, готовясь снять его с должности.

Секретарь обратился ко мне со следующими словами:

- Владимир Ефимович, вы знаете, сколько раз проектировали реконструкцию нашего завода и сколько напрасно израсходовано на это средств. Напишите нам об этом.

- Да, знаю, но в этих дутых проектах я сознательно не принимал участия. Вы помните тот момент, когда в результате моей статьи о текучести ИТРовцев меня в вашем присутствии в своем кабинете разносил директор? Вы меня поддержали? Вы молчаливо с ним согласились, а теперь я вам ничего писать не буду.

Секретарь горкома партии почувствовал грозящую беду над своим другом, членом горкома, и решил отвести от него эту беду. Положил его в больницу, якобы в предынфарктном состоянии.

На заводе собирают собрание, вызывают его « на ковер», а он спокойно отдыхает в больнице.

Прошло два или три месяца, страсти остыли, пыл прошел. Директор на завод уже не вернулся и получил новое назначение на каком-то тесте. Но и там, я слышал, его скоро «раскусили» и распростились с ним.

Я уже упоминал выше, что в моей основной работе главного технолога, всегда сопутствовало дело БРИЗа. В первые годы директор шел навстречу дела рационализаторов, но вот что-то произошло, он начал просто тормозить мне. Если положено по закону, согласно инструкции, выплатить поощрение автору 50 руб., он исправляет в проекте приказа на 25 руб. Или вообще, ни вознаграждения, ни благодарности не объявляет. Вообще вступил в полосу нарушения закона. А я завел себе такой журнал с клетками для каждой стадии предложения от поступления до внедрения и поощрения.

Вот, у меня накопилось уже около 5 предложений, где все клетки были заполнены – даты поступления, рассмотрения, изготовления, испытания, экономическая эффективность или улучшение условий труда, кроме вознаграждения. Эта клетка остается незаполненной. Я обращался к директору, показывал ему эти пустые клетки, и говорю:

- Вот приедет к нам проверяющий человек, даже не совсем сведущий в этих делах, и глянет в мой журнал и спросит, почему эти клетки пустые. Что сказать?

А директор мне говорит:

- А разве нельзя тут чего-нибудь …- показывая пальцем, давая понять – написать.

Я с удивлением глядя на него говорю:

- Как это можно, это недопустимо.

Ему бы только сказать – напишите проект приказа о поощрении этих товарищей, и заполнить эту клетку. Но нет, он этого не сказал, так как он всех их уже вычеркивал из проектов приказов.

В результате этого разговора, начальник техотдела попросил у меня на время журнал по рационализаторским предложениям. Я ему дал. Он понес его директору. Прошло некоторое время, я вспомнил, что журнал у начальника техотдела и спросил, где мой журнал. А начальник говорит:

- Я его вернул, положил на стол.

Но ни на столе, ни в шкафу я журнал так и не нашел… А журнал был за 5 лет.

После всего этого я настоял на приеме специального техника и сдал ему дела по БРИЗу.

При поступлении на Бийский завод мне директор, Петр Васильевич, обещал квартиру к 1 мая 1954 года. Свое слово он сдержал. Правда, над квартирой пришлось еще много поработать – переслать полы, переделать печь, побелить, загородить приусадебный участок. Дом двухквартирный, при каждой квартире 4 сотки земли.

На своем участке я вручную перекопал твердую, укатанную дорожную почву. Был сарай для топлива. После многолетних мучений из-за отсутствия жилья эта квартира нам с женой показалась раем. Придя вечером с работы, мы сразу принимались за огород. Мы не могли нарадоваться этому счастью.

Еще будучи в лагерях я писал заявления на имя председателя Верховного Совета Шверника, на имя Председателя Верховного суда, Генерального прокурора СибВО, но все мои заявления направлялись местному прокурору, который и обвинял меня, поэтому ответы от него шли одного содержания: «Приговор вынесен в отношении вас в соответствии с действительностью т пересмотру не подлежат». Как же мог отвечать прокурор, который сам же и обвинял на суде.

Находясь уже на свободе, я написал заявление на имя Председателя Президиума Верховного Совета Ворошилова.

Если в прежних заявления я описывал все подробно, то теперь писал коротко - за что посадили и как велось следствие. И вот, на завод пришел ответ – мне снова отказали.

Ну, думаю, уж на кого я надеялся, ведь это народный герой, прославленный в песнях, уж он то должен был помочь. Но оказалось, я ошибся. Дальше ехать некуда. Все мои надежды пропали. Видимо, с этим ярлыком я буду доживать. Не столько за себя, сколько за судьбу сына тревожился я. Не легка будет дорога сыну «контрика».

Прошел еще год. В вот, в сентябре 1956 года получаю снова письмо из главной транспортной прокуратуры СССР. В отделе завода я не стал его читать и никому не показал. Я думал – снова отказ, такими сообщения неприятно делиться с товарищами. Дома жене говорю:

- Что-то еще пришло из прокуратуры.

- Давай, я прочитаю.

- Нет, уж сперва я сам.

И читаю: «26-го сентября 1956 года приговор Военного Трибунала Омской железной дороги от 16 марта 1943 года по вашему делу отменен и дело о вас в уголовном порядке прекращено».

Да ведь это больше того, что мы просим! Приговор отменен и дело прекращено! Как будто и не было приговора! Нашей радости не было предела.

Назавтра я показал эту бумагу секретарю парторганизации т.Поповой. она сказала – это полная реабилитация. Через неделю вызывают в НКВД. После всего, что прошло, явка в НКВД вызывает какое-то тревожное чувство.

Когда я вошел в здание и шел мимо многочисленных дверей по коридору, то вижу, что это не МГБ, а милиция. Двери деревянные, некоторые имели щели, а у тех двери плотно, наглухо заделаны дерматином. Захожу в кабинет. Майор достал из стола несколько листочков и говорит:

- Читайте.

Смотрю: бумага заверенная печатями из Верховного Суда СССР от29 сентября 196 года № 05-1474 – 56 года.

Справка

Дана настоящая гражданину Кремневу В.Е. 1902 года рождения в том, что определением транспортной коллегии Верховного Суда СССР от 26 сентября 1956 года приговор Военного трибунала Омской железной дороги от 16 марта 1943 года в отношении его отменен и дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

За Председателя транспортной
коллегии Верховного суда СССР

/Наумов/

Прочтя эту бумагу, расписался у него и говорю:

- Товарищ майор, а за что 8 лет в лагерях, плюю 5 лет поражения в правах, лично мои лишения и страдания семьи?

- Что поделаешь, прошла такая сталинская эпоха, - сказал майор. А что он мог больше сказать!

После этого я обратился к юрисконсультанту за разъяснениями, как мне теперь себя считать и заполнять разные анкеты. Консультант сказал:

- Теперь вы считаетесь несудимым и не подвергались следствию, не был в заключении, а время заключения входит в непрерывный производственный стаж. За два месяца вам полагается получить зарплату с места работы до заключения.

Иду домой и ног под собой не чувствую. Нет на мне теперь ярлыка «контрика». И жена, и сын освободились теперь от этого страшного гнета. Мы почувствовали себя равными со всеми людьми. Это решение суда вернуло доброе имя сразу пяти семьям.

Такой радостью я не стал делиться с директором. Он не достоин этого.

Сын Владик кончает 10-й класс и получает аттестат зрелости с серебряной медалью. Я ему говорю:

- Вот тебе посчастливилось, по твоим знаниям ты теперь можешь поступить в ВУЗ, а до моей реабилитации тебе его не видать бы, как своих ушей.

Конечно, он поступил и успешно кончил Томский политехнический институт и аспирантуру, и через 20 лет стал доктором технических наук.

Это только благодаря реабилитации.

Никакие знания человека не имели значения при наличии навешенного ярлыка «врага народа» или «контрика» кому-нибудь одному из ближайших родственников.

Оставалось мне 3 года до пенсии. Мне предлагали место работы на новом хорошем предприятии, но оно было расположено далеко от моей квартиры, плюс транспортные неудобства, да и то, что из-за 3-х лет нет смысла менять место работы.

После ухода директора Петра Владимировича заступил новый директор, молодой специалист, инженер по образованию. Он принял работу без прежнего директора.

Чтобы ему помочь, я проделал большой анализ работы прежнего директора и в каком состоянии находится производство на заводе. Там я подробно, на конкретных фактах, указал на неправильные действия прежнего директора. Этот анализ подписали 12 руководящих работников. Послал я его в Москву, а оттуда он вернулся в горком партии. Там и застрял.

Стал я в свободное время заниматься садом. Сначала посадил вдоль штакетника черемуху. Садил картошку, капусту, морковку, огурцы, лук, чеснок, ягоды, малину, смородину, крыжовник, черноплодную рябину, вишню черную и красную, сливу и т.д.

Первые в Сибири мы вырастили с женой лечебную капусту брокколи. Об этом мы написали статью в московском журнале «Картофель и овощи». После опубликования этой статьи, к нам пошли запросы-письма о высылке им семян. Со всего Советского Союза было 52 запроса, и мы всем им выслали семена. Получили много благодарностей.

Очень много мы развели разных цветов: незабудки, анютины глазки, марьин корень, ландыш, ирис, левкои, васильки, пион, хризантемы, гвоздика мелкая розовая, гвоздика крупная темнобордовая и розовая, канны, ромашка, лилия даурская, флоксы белые и сиреневые, жасмин белый, золотой шар, мак, гладиолусы черные и белые и тюльпаны.

Вырастили в саду деревья и кустарники /кроме черемухи, которой было 53 дерева/: сирень, шиповник, роза, ива, боярка, рябина, калина, груша, яблони сибирские, сосны, ели, березы, тополь, клен, восточный орешник. Всего деревьев на 1970 год было 97 корней.

На все плодовые деревья и цветы были составлены диаграммы – начало и конец цветения и начало и конец плодоношения. В первую же весну в моем почтовом ящике поселилась синица. Пришлось этот ящик переделать ей под синичник, а рядом поставить новый почтовый ящик. Там она постоянно в течении 17 лет делала по два выводка. Сначала по 12 штук в каждую кладку, а потом, через 5 лет, я стал по 5 яиц отбирать, оставлять по 7 штук. Всего за 17 лет вывелось 288 синиц.

Было два скворечника, скворцы очень и очень помогали очищать сад от вредителей. Даже на крыше, над крыльцом, вили гнезда скворцы.

Интересно, как я приучал синиц. Утром, уходя на работу, я открывал синичник и каждого детеныша брал на руки, подержу его и кладу обратно. Ежедневно повторяя это, они привыкают и уже взрослые, на отлете не пугались меня.

Против окна в палисаднике устроил трехъярусную кормушку. Нижний этаж для синиц, средний для воробьев, а верхний, открытый, для снегирей, свиристелей, поползня и дрозда-рябинника.

Сюда же часто прилетал дятел. Для всех разная пища. Дятел, стремясь за салом в синичном отделение, клювом своим разбивал кормушку. Приходилось часто его отгонять.

Эти наблюдения дали мне возможность изучать характер птиц. Зиму и лето у меня в саду было много разных птиц. Очень и очень интересно.

Деревья и кустарниковые растения совсем вытеснили огородные овощи. Но я не горевал. У меня природа во дворе! Не хватало только пихты, осины и лиственницы. Была бы вся сибирская природа.

Одну проросшую на грядке сосенку я посадил среди двора, чтобы вырастить ее для прививки на ней кедра. Годы идут, сосна растет очень хорошо.

Приехал новый директор завода Смирнов, предлагает мне выбирать любую квартиру в новом отстроенном, благоустроенном пятиэтажном доме в центре города. Мы с женой поблагодарили его, но бросить этот участок не могли. Отказались переходить.

Во дворе мы поставили водяную колонку с насосом для подъема и шлангом для поливания. Во дворе трава по пояс. Косой косил траву и сушил для настила в будке собаке. Почва стала покрываться мелкими сухими травками и в ней завились гнезда диких пчел. Ну, как в лесу. Во дворе появились лягушки.

Все наблюдения я записывал у себя в тетради. Исполнилось мне 60 лет. Вышел на пенсию. Еще больше внимания стал уделять саду. Весной цветет черемуха, сирень, потом друг за дружкой все другие цветы.

Проходя мимо нашего дома люди останавливались и, смотря через штакетник, восклицали:

- Ах, какая благодать.

Экспериментальной сосне исполнилось 10 лет. Этот возраст рекомендуется для прививки кедра. Осенью я приготовил кедровый привой. Всю зиму он пролежал в снегу. В мае месяце я должен был привить его к сосне. Имел сведения, что привитый к сосне кедр дает плоды через 4 года.

Но в феврале случилось несчастье – жену поразил инсульт. Это результат тяжелой гипертонии, которая развилась в период многолетней тяжелой борьбы за существование. Пришлось бросить уход за садом и заняться только борьбой за ее жизнь.

Еще в 1968 г. у меня появилась сердечная недостаточность. Временами, чтобы привести сердечную деятельность в норму, я должен был сделать несколько глубоких вдохов воздуха. Сначала это было редко, затем чаще и чаще, несколько раз за день и за ночь.

И вот, в 1970 году я обратился во врачебно-физкультурный диспансер. После нескольких анализов и электрокардиограммы мне назначили лечение глубокими вдохами и выдохами и бег трусцой.

Когда принимающая меня врач сказала бегать, я ей говорю, что у меня одна нога нездорова и бегать я не могу.

- Ну, а на месте-то топать можете?

- На месте, может быть, и могу.

- Так вот и начинайте с одной минуты в день, а через две недели придете, я посмотрю и еще добавлю минуту.

Так и прибавляла она мне по одной минуте. Когда у меня дошло до 3-х минут, я стал трусцой бегать по квартире, а с 6-ти минут вышел на улицу. Во дворе стал бегать от калитки до сарая. Исчезла сердечная недостаточность, сердце вошло в норму. С тех пор я бегаю ежедневно по 20-25 минут уже 18 лет.

Хорошо было с природой в саду. Трава, цветы, деревья, птицы – все это радовало нас обоих. На улице жара 25-30 градусов, а зайдешь в тень между черемухой и сиренью – там приятная прохлада. Можно так выразить свои чувства:

Сад родной, сад родной,
В полдень знойный, золотой,
Вспоминаю я прохладу,
Тень твоих кустов усладу,
И влекусь к тебе тоской,
Сад родной, сад родной.

Вернувшись из лагеря домой, вернее, к семье, я с 1951 года начал по утрам заниматься утренней гимнастикой, передаваемой по радио, а впоследствии по телевизору, и вот уже 38 лет не бросаю эти упражнения.

Ведя запись наблюдений о птицах, цветах, ягодах, деревьях, у нас накапливался материал, который никакой пользы не давал.

Мы написали заявление в Ленинград, в Географическое Общество СССР при Академии наук, что желаем быть добровольными корреспондентами-фенологами.

Описали, что у нас имеется в саду. Нам выслали формы и инструкции наблюдений. Сказали, что нам никуда ходить не надо, у вас в саду все объекты для наблюдения имеются.

Итак, мы стали добровольными фенологами, посылаем за каждый месяц, за полугодие и за год отчеты.

За эту работу меня наградили почетными грамотами. Уже 21 год веду эту работу

Пять лет тяжело болела жена и в 1975 году ее не стало. В Бийске я остался один, никого из родных нет. Я обменялся квартирой с Томском и стал с 1976 года жителем Томска.

Здесь я также продолжаю вести гидрометереолгические наблюдения, а также фенологические. Строю диаграммы, весь материал аккуратно посылаю в Ленинград.

Кроме того, включился в Томский городской хор ветеранов войны и труда, в котором участвую 11 лет, награжден почетными грамотами и значком лауреата II-го Всесоюзного фестиваля народного творчества.

Все это занимает мое свободное время. Я занят, старость меня не тяготит. Чувствую себя пока бодро, настоящей жизнью доволен.

В Омске, на том заводе, где я работал до заключения, мой портрет помещен в музее истории завода, как одного из лучших инженеров.

Людей, подвергшихся репрессиям, в живых осталось немного, и очень важно из уст услышать о всем пережитом. Они живые свидетели тех преступлений.

22 июня 1989 года г. Томск.